СИЛА ПРИТЯЖЕНИЯ

Р.С. Джоунз

ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ

Сила притяжения
Роберт С. Джоунз

Аннотация
Роберт С. Джоунз. Сила притяжения
Предисловие
Часть первая. КРОВ
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
Часть вторая. КЛИНИКА
1
2
3
4

5
6
7
8
9
Часть третья. ЯРМАРКА
1
2
3
4
5
6

Аннотация

«Этот мир по крайней мере знаком. Но что остается? Жить, пока жизнь не станет нестерпимой. И что тогда? А затем? А потом?» Гуляешь с собакой, стоишь в очереди, просыпаешься среди ночи — и вдруг понимаешь, что можешь совершенно съехать с катушек, лишиться разума, перейти грань, свернуть за угол и оттуда уже не найти дороги назад. Первый роман Роберта С. Джоунза (1954–2001) — о сознании и реальности, о человеке, который балансирует на грани безумия, изнемогает от страха перед жизнью и с трудом, почти против воли, возвращается в якобы нормальный мир, где по-прежнему обречен. Это книга о боли, ужасе и человечности. Впервые на русском языке.

Роберт С. Джоунз
Сила притяжения

Эта книга посвящается Дэвиду Трейси и Каролин Блэквуд

Представь себе, что ты попадаешь в самый центр Земли. И там, окруженный со всех сторон земной материей, ты становишься… невесомым! Ты нисколько не весишь, потому что сила гравитации, действующая на твое тело с разных сторон, полностью сбалансирована.

Герман Шнайдер и Лео Шнайдер. «О науке простым языком»

Предисловие

В начале девяностых я работала в одном комитете: нам следовало выбрать десять начинающих писателей, которые в тот год получат награды от Фонда миссис Уайтинг — гранты для авторов, чья слава не успевает за талантом, кто со временем станет известен и чьи финансовые проблемы, как мы надеялись, эта награда решит. Дебора Айзенберг, автор великолепных рассказов, номинировала молодого романиста по имени Р.С. Джоунз, у которого незадолго до того вышла первая книга «Сила притяжения». То была, насколько я помню, бесспорная кандидатура. Комитет единодушно согласился: книга не просто изумительно оригинальна и глубока — от нее к тому же не оторвешься. Я смутно помню, как мы с Робертом Джоунзом познакомились на церемонии: обаятельный, довольно застенчивый парень, потрясенный, слегка смущенный — даже чуточку встревоженный — почестями и вниманием.

Время шло, многое изменилось. Р. С. Джоунз опубликовал второй великолепный роман, «Шаг

в пустоту», а затем бросил писать беллетристику. Он стал редактором, одаренным, любимым редактором и наконец — так случилось — моим редактором. Его романы мы не поминали, потому что Роберт совершенно явно не желал о них говорить. Однажды вечером, после позднего ужина с литрами алкоголя, я не выдержала и сообщила Роберту, как восхищаюсь его книгами. И в ту же секунду раскаялась: я будто вспомнила его давнее преступление, о котором, как он надеялся, не помнит ни одна живая душа.

Время шло. Роберт заболел. И хотя все Робертовы писатели (ибо мы себя воспринимали так) и все его друзья знали, насколько серьезна болезнь, смерть Роберта летом 2001 года застала нас врасплох — прямо скажем, потрясла. Вот лучшее, пожалуй, что можно сказать про горе: отчасти оно милосердно отбивает память. В моих воспоминаниях о том периоде зияют громадные дыры, воспоминания, стертые подчистую, но я помню, как со Сьюзен Уайнберг, старшим вице-президентом и редактором «Харпер Коллинз», обсуждала на встрече после поминок, нельзя ли переиздать романы Роберта.

Наконец, к счастью для нас всех, это случилось. И сейчас, перечитывая «Силу притяжения», я

отчетливо вспоминаю, каково было открыть этот полный сострадания, удивительный, горестный и смешной роман впервые почти десять лет назад. Я помню все, кроме изумления, ощущения, будто открываешь нечто сверхъестественное, — чувства эти возможны лишь в первый раз, и я завидую тем, кто впервые читает роман.

Я помню, как старалась не забывать вдыхать и шевелить пальцами. Как порою меня подмывало глянуть в зеркало — проверить, возможно ли, чтобы волосы у человека в буквальном смысле встали дыбом. Я остро ощущала, как моргаю и, что странно, как течет по венам кровь, как паутинки крошечных капилляров пульсируют в руках и ногах. И я помню, что каждую минуту наслаждалась — хотя во второй раз я наслаждалась больше. Может, потому что роман оказался еще удивительнее, еще жалостливее, горестнее и смешнее, чем я помнила.

Без сомнения, некоторые читатели ни секунды не испытывали всего, что так знакомо многим героям «Силы притяжения», а особенно главному герою, восхитительному, такому симпатичному Эммету. Я заметила, что происходит это примерно так: гуляешь с собакой, стоишь в очереди в банке или супермаркете, просыпаешься среди ночи — и

вдруг понимаешь, что можешь совершенно съехать с катушек, лишиться разума, перейти грань, свернуть за угол и оттуда уже не найти дороги назад. Счастливчики, еще не задетые холодом ужаса, могут прочесть эту книгу удовольствия ради и не воспринимать ее… ну, скажем, на свой счет. Они могут восторгаться изумительно построенными фразами, юмором, виртуозностью, точностью языка и лексикона. И головокружительно погрузиться в сознание Эммета, что по спирали уносится все дальше от обычной, так сказать, реальности и — через поразительные, буйные и нередко болезненные столкновения с разными людьми и животными — приближается к реальности, скажем так, необычной.

По сути, подлинные темы этого прекрасного романа — язык, сознание и реальность; скорее так, нежели более очевидные мотивы — здравый ум и безумие. Возможно, оттого мне роман напоминает не столько современные повествования о психушках (скажем, «Прерванную жизнь» Сюзанны Кейсен, с которой «Сила притяжения» поверхностно схожа), сколько великую духовную классику прошлого. Сказать, что «Сила притяжения» — книга о парне, который сходит с ума и осторожно приходит в норму, — все равно, что

сказать, будто «Исповедь» святого Августина — книга о парне, который валяет дурака и решает поработать над собой и подтянуть свое неровное поведение. Наконец, «Сила притяжения» — не столько о том, что такое быть в здравом уме, сколько о том, что такое быть человеком.

Посреди романа квартиру Эммета грабят, уносят все его пожитки. Со стыдом и ужасом Эммет размышляет обо всех своих интимных секретах, которые теперь известны ворам. Странным образом, читая «Силу притяжения», сам как бы становишься жертвой взлома. Только взламывают ту часть нас, где прячутся мысли, которых мы вообще никому бы не открыли, ни за что, — и когда совершается это маленькое преступление, мы благодарны, и нам становится легче. Вот именно: как любой первоклассный роман, «Сила притяжения» вызывает почти непереносимую благодарность. Что касается меня, я признательна за эти неопровержимые улики, за это подтверждение моей веры в то, что хороший текст, литература, искусство непременно — и, если потребуется, вопреки нам самим, — все выдержит, останется и нас переживет.

Франсин Проуз

Часть первая
КРОВ

Все существует; ничего не существует. Оба утверждения равно прозрачны. Беспокойный человек, к его несчастью, находится где-то между ними. Дрожащий и растерянный, в извечном плену у нюансов и оттенков, он не может найти опоры ни в стабильном существовании, ни в его отсутствии.

Эмиль Мишель Чоран

1

«Я уменьшаюсь», — с удовольствием отметил Эммет, сунув руку в карман джинсов, чтобы достать ключи.

Карман стал таким просторным, что Эммет без труда смог запустить туда кулак целиком и повращать.

«Он теперь почти как муфта», — изумился Эммет, доставая ключи.

Пока его рука путешествовала в кармане, брюки чуть спустились с талии. Эммет мысленно дал себе задание купить новый ремень и затянуть его потуже. Он провел рукой по гладкой коже под рубашкой.

Едва Эммет вышел на улицу, его ослепило солнце. Дома всегда царил полумрак, даже днем. Эммет специально его поддерживал, чтобы спастись от жары, да и к чему эти жизнерадостные солнечные лучи, когда приходится сидеть взаперти. На мгновение все вокруг стало расплывчатым и прозрачным, словно рентгеновский снимок. Эммет терпеливо поморгал, и мир восстановился.

Стоя у подъезда, Эммет застегнул куртку до самого подбородка, железная собачка «молнии»

ущипнула шею. Куртка болталась, как мешок. Эммет подвигал плечами, и рукава затрепетали, точно крылья.

«С каждым днем все меньше», — радостно подумал он.

Прежде чем ступить на тротуар, Эммет внимательно посмотрел по сторонам. По утрам улица была безлюдной, но ему хотелось удостовериться, что нигде поблизости не бродит любопытный сосед, а в кустах не затаился домовладелец. Убедившись, что путь свободен, Эммет надел темные очки, и мир вокруг стал сине-зеленым.

Футболка уже прилипала к телу. Даже фланелевая рубашка, надетая поверх футболки, уже промокла под мышками.

«Представь, что тебе холодно. Представь, что сейчас зима и ты дрожишь от холода», — твердил себе Эммет, поворачивая за угол, чтобы поймать такси. С каждым шагом он потел все сильнее. Брюки уже можно было выжимать.

«Ну, давай, — он сжал зубы. — Представь себе, что ты без куртки едешь на лыжах, а вокруг снег. Представь, что ты спишь голым на глыбе льда».

Эммет вообразил лыжника на склоне горы. Сощурился, чтобы приблизить картинку. Теперь видно раскрасневшееся на морозе лицо. Эммет

поежился, стараясь удержать образ. «Давай, — сказал он, — холод. Холод. Белый. Белый».

Лицо лыжника застыло у Эммета перед глазами. Уголки голубого нейлонового воротника дрожат на ветру. Эммет слышит шуршание лыж у подножия крутого склона и свист: лыжники, разогнавшись, летят против ветра. «Холод, холод, холод». — Эммет подгонял себя, пока не закружилась голова и с бровей не закапал пот.

Он пнул металлическую ограду, что тянулась вдоль улицы. «Да можешь ты заставить свое тело хотя бы замерзнуть!» — ругал себя Эммет, перебирая в памяти все известные ему чудеса.

Эммет читал о людях, которые умеют усилием воли отрываться от земли, сладко спят на битом стекле и легко, будто воду, глотают стальные мечи. А заставляют съежиться любую опухоль, воображая лучи, которые атакуют раковые клетки. Эммету хотелось верить, что он научит свой мозг полностью контролировать тело, а потом сможет даже бросить вызов природе, если хорошо постарается. Но ничего не получалось. И день ото дня мозг отказывался его слушать.

Не успев дойти до конца квартала, Эммет захотел пить. Одежда так потяжелела, будто он замочил ее в ванне, прежде чем надеть и выйти

на улицу. «Представь, что это шелк», — неуверенно сказал себе Эммет, но жара так мучила его, что ни о чем другом невозможно было думать. Он взглянул на часы, проверил, успеет ли забежать за угол и купить воды в гастрономе.

Весь последний месяц Эммет хотел только газированной воды. Вбил себе в голову, что она обладает очистительной силой. Глотая воду, представлял себе, как пузырьки скребут его душу. Мысленно прослеживал их путь вниз по глотке, воображал, как они впитываются в легкие. Если бы Эммет совсем ничего не ел, смог бы услышать, как холодная жидкость падает на дно желудка, прежде чем там раствориться и исчезнуть. Он хотел со временем научиться следить, как движется минеральная вода в организме. Он считал, если пить только такую воду, помногу, в конце концов станет совершенно чистым.

А собаке все же требовалась пища. Эммет пытался ее переучить. Осторожно ставил на пол у коврика миску с газированной водой. Поначалу собака воротила нос от пузырьков, будто они перечные, а не воздушные, но вскоре смирилась, сообразив, что другого питья не получит. Когда она выпрашивала у Эммета еду, он закрывал лицо марлевой повязкой, чтобы не вдыхать запах

пищи.

Сам он голода не чувствовал, а дома ел только морковь. Он часами скреб ее ножом, чтоб оставалась лишь безупречная рыжая плоть. Иногда он резал морковь на небольшие кубики или перемалывал в соковыжималке и ел, как суп, из плошки. Нарезал длинной соломкой и раскладывал на блюде. Иногда аккуратно натирал на терке и вытряхивал на тарелку, словно пучки волос.

Эммет каждый раз клал рядом с тарелкой ложку и вилку. Справа, на сложенной прямоугольником салфетке всегда лежал нож. Эммет зажигал две восковые свечи в серебряном подсвечнике, доставшемся ему в наследство от матери. Эммет редко выходил на солнце, но кожа его чуть порыжела — будто слабый загар.

Тело приспособилось. Оно стало проще. Он восхищался тем, как усохла его плоть, как туго кожа обтягивала кости, он при любом движении ощущал себя. Чем тоньше он становился, тем безопаснее себя чувствовал. Казалось, перемещаться в пространстве стало легче. Эммет верил, что находится на пути к чему-то важному. Досконально изучив свой организм, он начнет преображаться силой мысли. Уже сейчас он отслеживал ритмы тела, чувствовал каждую живую клетку, малей-

шую вибрацию.

С психиатром Эммет своими идеями не делился. Эммет давно наловчился его дурачить. Но приходилось тщательно наряжаться, чтобы скрыть худобу. Вот и сегодня ему хотелось выглядеть уверенно в офисе доктора, словно нет ничего необычного в том, что в жаркий летний день он надел куртку.

На каждом сеансе Эммет подолгу рассказывал о деликатесах, которые якобы готовил. Он подробно описывал рецепты, продукты и процесс приготовления каждого блюда. Он сказал доктору, что начал устраивать вечеринки для друзей. «Я потихоньку приобретаю репутацию хозяина салона», — похвастался Эммет. А потом добавил, что подумывает о поступлении на кулинарные курсы в Институт питания и теперь, преодолев свой страх перед едой, собирается стать шеф-поваром.

По дороге к психиатру Эммет репетировал сегодняшнюю речь. Он проговаривал про себя рецепт шоколадного суфле, который накануне выучил наизусть, и сейчас тренировался со смаком перечислять названия ингредиентов, так, будто чувствует их аромат и вкус.

«Взбитые яичные белки смешиваем с сахаром.

Добавляем четыре ложки размягченного масла. Восемь расплавленных плиток шоколада». Он представил, как облизывает миску, и усилием воли удерживал этот образ, пока не схлынула волна отвращения. Потом заставил себя мысленно облизать каждый палец.

За углом гастронома он заметил перегруженный мусоровоз, стоящий почти на тротуаре. «16–20, пункт С, — произнес он про себя. — Мусор и пепел должны храниться в здании или на задних дворах, пока не придет время их вывозить». Эммет знал, что мусорщики иногда не появляются в этом квартале по нескольку дней. При такой жаре мусор успеет сгнить, к дверям магазинов набегут тучи крыс.

Эммет пожалел, что не прихватил с собой фотоаппарат: хорошо бы запечатлеть на пленке такую рискованную халатность. В верхнем ящике письменного стола у Эммета под замком хранилась целая пачка снимков со всего города. Эммет помнил каждый пункт своей картотеки городских правонарушений. Недаром он выписал бесплатные буклеты правительственных агентств. Он считал, что обязан записывать все, что в городе шло не так, и верил, что корень всех зол — в недостаточной информированности жителей.

Хотя в последние дни его самого тяготила эта обязанность. Беззакония поджидали на каждом углу. Даже вытряхивая коврик на площадке и тем самым загрязняя воздух соседу, он чувствовал, что согласно буклетам совершает преступление.

Эммет поднял руку, подзывая такси, и его ошеломила вонь. Так пахнет в комнате больного. «Это яды выходят из меня», — весело подумал Эммет, представляя себе, как еда, съеденная им за всю жизнь, покидает тело, точно выхлопные газы. Он потряс рукавом, чтобы тот отлип от тела. Но ткань приклеилась к коже, словно мокрая шерсть.

У тротуара остановилось такси, Эммет снял очки и широко улыбнулся, намекая водителю, что он не опасный пассажир.

Таксист на дюйм опустил стекло и прогавкал, не открывая дверь:

— Куда едем?

«Пункт 202-А, — отметил про себя Эммет. — Он не имеет права так меня спрашивать, в лоб. Он обязан сначала посадить меня в машину, а потом отвезти, куда пожелаю». Эммет наклонился, пытаясь сквозь ветровое стекло рассмотреть номер водительской лицензии. Он задумался, не пропустить ли сеанс у доктора и не попросить

ли водителя отвезти его в другой конец города. Если водитель не согласится, Эммет непременно напишет жалобу.

Водитель с опаской уставился на складки его джинсов. Эммет погладил себя по карманам, показывая, что никакого оружия там нет. Ему вдруг стало обидно. Он и слова не успел сказать, а его уже считают виноватым.

— Восемьдесят восемь, на Пятой, — прошептал он в щель приоткрытого окна. Щелкнул замок, Эммет залез в машину.

Водитель включил счетчик, и на табло задрожали красные циферки.

— Закрывай дверь быстрее, сейчас всю прохладу из салона выпустишь. Да что с тобой? Болен или что? С чего ты так нарядился?

— Я еду к доктору, — невнятно ответил Эммет.

Он расстегнул куртку и поежился от охлажденного воздуха.

«Вот какой он — холод», — подумал Эммет и сосредоточился на струйках прохладного воздуха из кондиционера, стараясь сохранить это ощущение в памяти, чтобы потом при желании воссоздавать.

— Так в чем дело-то? Турист, что ли? Стоял там, как больной какой-то. А может, с Аляски приехал

и легкой одежды не захватил? Или другая проблема? А может, и не одна? — Водитель рассмеялся, в горле у него забулькало, и он сплюнул в платок розовый блестящий харчок. Эммет прижал кулак к губам, подавляя приступ тошноты. «Предположим, это жвачка», — подумал он и заставил себя храбро посмотреть в глаза водителю через зеркало заднего вида.

— Спасибо, что согласились меня подбросить, — сказал он так, словно водитель сделал ему одолжение. — Пару раз я сам подумывал стать таксистом, но не представляю, как можно отличать безобидного пассажира от злоумышленника. Ведь это трудно понять с первого взгляда.

— Да, отличить невозможно, — сказал водитель и, вынув нож из ножен, воткнул его в приборную панель. — Вот он, мой заветный амулет. Пока он тут, со мной, у пассажиров в голове не возникнут подлые мыслишки. — Он воткнул нож в дыру около радиоприемника и ударил по нему пальцем. Нож завибрировал, точно трамплин в бассейне.

— Не могу вас осуждать, — сказал Эммет, — в таком городе, как этот, даже друзьям доверять опасно.

Эммет нечаянно пнул ногой желтый полиэтиленовый пакет у двери. Он заметил торчащий

из пакета уголок коричневой бумаги — какой-то сверток. Передвинувшись к краю сиденья, он указательным пальцем зацепил изогнутые пластмассовые ручки. Пока он тянул их к себе, пакет шуршал, и Эммет боялся, что водитель вот-вот обернется и закричит, что это его пакет. Он сразу вспомнит, как Эммет стоял на тротуаре с пустыми руками.

— Как вас зовут? — спросил Эммет, отвлекая внимание, и через прозрачную перегородку, отделявшую его от водителя, попробовал разглядеть имя на бланке водительской лицензии. — Там, кажется, написано «Линкольн»? Это ваше имя или фамилия?

— Имя или фамилия, какая разница?

— Да нет, никакой. Просто можно было бы познакомиться. — Эммет наклонился, громко кашлянул и одновременно рванул пакет. Тот тяжело грохнулся на колени.

— Эй, что там происходит? — взволнованно заорал водитель.

— О ч-чем вы? — с запинкой прошептал Эммет и поспешно спрятал руки за спину. Пакет грохнулся на пол.

Эммет проверил, не запер ли водитель двери. «Ага, если он обернется, я схвачу пакет и вы-

скочу». Тут он понял, что они попали в пробку. Машина еще не продвинулась на те восемьдесят центов, что показывал счетчик.

— Да вон там! — сказал водитель, наполовину высунувшись из машины. — Вон оно в чем дело.

На противоположной стороне улицы собралась толпа. Люди переводили взгляд с окна здания на тротуар и обратно, словно загипнотизированные прыгучим мячом. У их ног, как большая рыболовная сеть, лежала белая тряпка.

Водитель в возбуждении плюхнулся на сиденье.

— Прыгун, скорее всего. — Он для пущей убедительности ударил по ножу. Рукоятка звякнула о радиоприемник.

— Прыгун? — переспросил сбитый с толку Эммет.

— Ну да, очередной лунатик вышел по воздуху погулять. Они иногда прыгают, особенно когда уровень безработицы повышается. Может, выйдем и посмотрим? — предложил он, но тут движение возобновилось.

Эммет немигающим взглядом уставился прямо перед собой.

— А другие машины… Они уже поехали.

— Дело ваше. — Водитель пожал плечами и

осторожно выехал на центральную полосу.

— А вы видели тело? — спросил Эммет через минуту.

— Не-а. Только простыню на асфальте и вмятину на крыше машины. Может, в другой раз нам больше повезет, да, приятель?

На светофоре водитель выдернул нож из приборной доски и стал кончиком чистить ногти.

— Ей еще повезло, что здание старое. В новых окна иногда вообще не открываются, как ни старайся. Случись пожар, не хотел бы я оказаться в таком доме.

— Откуда вы знаете, что это была женщина?

— Бабы чаще прыгают. У них обычно пистолетов нету. Или таблетки, или взлетно-посадочная полоса.

Эммет представил, как женщина стоит на карнизе. Цепляется за кирпичи, из-под ногтей снегопадом сыплется на тротуар известка.

— Интересно, долго она там пробыла, пока решалась?

— Видно, недостаточно долго, раз покрывало не успели натянуть, — засмеялся водитель, зажег сигару и глубоко затянулся.

Эммету показалось, что машина затряслась, будто катафалк.

— Вот интересно, — еле слышно сказал он. — Эти люди, которые выбрасываются из окон. Что, если несколько секунд они чувствуют, как их обдувает воздух, думают: «Как здорово, вот бы еще разок!» И тут вспоминают, что наделали.

— Ну, уж не знаю. Думаю, они превращаются в мокрое место раньше, чем успевают что то сообразить. Если, конечно, не заберутся повыше, чтобы продлить себе удовольствие. Тогда, переломав все кости, они, наверное, весь остаток жизни строят планы, как бы рвануть вниз в инвалидном кресле.

Он опять сплюнул в носовой платок и продолжил:

— У меня, между прочим, тоже было время, когда прямо зудело рухнуть вниз каждый раз, когда я оказывался где-нибудь высоко. Это как снег на голову свалилось. В смысле, раньше-то я жил себе и жил, а тут *бац,* в один прекрасный день стало страшно. Просто все ощущения как-то изменились. Не пойми что. Мне тогда около сорока было. Ну, как тебе, примерно.

Эммет с ужасом уставился на себя в зеркало заднего вида. Даже сквозь поцарапанную мутноватую перегородку он заметил, как сильно ввалились его щеки и запали глаза.

— Но мне еще нет сорока. — Он потрогал пальцем дряблые мешки под глазами.

— Нет сорока? Неважно. По-моему, все люди в джинсах одинаковые. К тому же все относительно.

— Мне двадцать шесть. Двадцать семь исполнится только в марте. В конце марта.

— Ну и бог с ним, приятель, не обижайся. Двадцать. Тридцать. Сорок. Кому какая на хрен разница? Так ты хочешь меня дальше слушать?

— Простите. Я просто слегка озадачен. Забавно, как другие тебя воспринимают. Сам-то видишь себя по-своему, а тут вдруг говорят такое, и невольно задумываешься.

Водитель несколько раз затянулся, наполнив свою половину машины клубами дыма.

— Да хорошо, хорошо, двадцать шесть тебе. Я уяснил. Но одного не понимаю: как я мог тогда в такое вляпаться? Прям как будто на наркоту подсел. Ты не представляешь, мне хотелось спрыгнуть отовсюду: с крыш, с мостов, из окон выпрыгивать. Я даже специально высокие места искал, они меня притягивали, как, блин, намагниченные. А в один прекрасный день я вдруг вышел на улицу — и все. То есть — ничего. Прошло.

— А вы не боитесь, что такие разговоры снова

вызовут эту вашу манию? Как вуду или порча? Вдруг вы захотите выброситься из окна, когда вернетесь сегодня домой с работы? Я, например, верю, что наши мысли могут сбываться, — сказал Эммет.

— В смысле, «не думай о слонах», а ты только и думаешь, как целое семейство слонов в джунглях срет? Нет, пока все нормально, тьфу, тьфу, постучим по дереву. — Он легонько постучал костяшками пальцев по деревянной рукоятке ножа. — Черти зеленые, в этих драндулетах ничего деревянного, сплошной пластик. От колес До сидений. Чувствуешь, как они к тебе прилипают?

Водитель откинулся на спинку сиденья.

— Э, о чем это я говорил? Ты вот в своих мощных шмотках, наверное, на колючую проволоку сядешь и ничего не почувствуешь.

Эммет за спиной у водителя замахал руками.

— Думаю, мы с вами просто по-разному переносим жару. — Он поерзал и с удовольствием потерся о спинку сиденья, хрустнув костями.

— Это уж точно, парень. Я ненавижу потеть. Может, ты любишь, а я нет. Что до того случая, то я очень надеюсь, что это была просто такая полоса в моей жизни. Что-то совсем непонятное случилось с головой. Но я не собираюсь зацик-

ливаться, понимаешь? Буду просто гнать от себя такие мысли. Что было, то было.

— А вдруг это ваш мозг посылал вам предостережение? Надо прислушиваться к внутреннему голосу. Это может пригодиться. Потом.

— О, это не про меня, братишка. Вряд ли мне психанутость пригодится. Хотя, честно сказать, до сих пор иногда нападает трясучка, особенно ночью. Просыпаешься в поту от страха, что эта тяга когда-нибудь вернется, я прыгну, и мне кранты. Еще снится один и тот же сон. Я свисаю с моста, вцепился в заградительный трос. Непонятно, как я туда попал, но меня, как бы это сказать, ветер *треплет* словно куклу, колени болтаются, стукаются о тросы, а рубашка расстегнута, вздулась за спиной, как парус, и на ветру хлопает, бешено так. Иногда я даже сквозь сон слышу эти звуки и просыпаюсь. *Хлоп-хлоп-хлоп.* И пока я там вишу, я такой легкий, как шпанец какой. А тем временем народ собирается внизу, все думают, я уже покойник, сети натягивают, библии в руках. Они думают, что меня спасут, но это фигня. Я просто болтаюсь там, и все. Потом смотрю вниз, и будто сильные руки мою голову держат, не дают отвернуться. И я сдаюсь, потому что силы у нас неравны. Я это понимаю и уже не

беспокоюсь. Просто-напросто отрываю пальцы от троса и падаю.

В детстве, чаще всего в ноябре, Эммет с братом ездили на Ямайку. Неподалеку от гостиницы был утес, куда они ходили каждый день, и отец по очереди сбрасывал Эммета с братом в море.

Он брал Эммета за запястья и крутил над землей, пока мальчик чуть сознания не терял от головокружения. На самом краю отец раскручивал его над обрывом, а потом швырял вниз.

Пока Эммет летел, земля качалась под ним, мир словно дробился, слетая со своей оси. Все, что мелькало перед ним, — деревья, голубое море, небо, крутые каменистые берега — было частью падения. Внизу степенно плавали фрегаты, тонкие и белые, как облатки для причастия. Птицы грациозно качались на волнах, то сбиваясь в стайки, то испуганно расплываясь в разные стороны, словно шарики ртути.

Суть игры была проста: Эммету надлежало в полете собраться и обрести контроль над собственным телом. Отец не уставал повторять, что Эммет должен научиться ориентироваться в пространстве во время падения и сразу погружаться в воду, не ударившись о поверхность.

Брат с задачей справлялся превосходно. Эммет

же летел врастопырку, руки-ноги — точно резиновые, и хлопался о воду. Иногда погибали фрегаты. Бывало, они цеплялись липкими щупальцами, и на груди потом несколько дней держались красные пятна. Чаще всего Эммет падал между птицами и погружался в воду. Открывая под водой глаза, он видел бороздки от движения рыб, похожие на воспаленные царапины.

Пока Эммет летел вниз, отец в своих бермудах прыгал на месте и кричал: «Нацеливайся, чтоб тебя, нацеливайся», — будто его сын — какая-нибудь самонаводящаяся торпеда. С самого начала Эммет чувствовал, как беспомощен он перед ветром, течениями и невидимой энергией, что управляет воздухом, тянет вниз, где исчезаешь в океане почти без следа: набегающая волна накрывала тело и стирала круги на воде.

Отец заставлял их прыгать, пока в воде еще можно было разглядеть рыб. В конце концов, небо чернело, фрегаты качались на волнах, и океан поблескивал, словно туда вывалили груду стекол.

Слушая вполуха монолог водителя, Эммет представлял себе, как мастерски прыгнул бы сейчас с того утеса. Каким компактным и легким было бы тело, когда он очертя голову ринулся бы в

глубину.

«Не тяжелее этого свертка», — подумал Эммет, поднимая с пола пакет и роняя его себе на колени.

Эммет бережно обхватил пакет руками. Тяжесть терзала Эммета. Интересно, что внутри. Вдруг это можно продать. Дома он отыщет в телефонной книге номер ломбарда. Автоответчик давно забит напоминаниями о неоплаченных счетах. Что, если ему теперь хватит денег снять кредиторскую осаду?

Из кондиционера безжалостно дул холодный воздух. Эммет сжал ворот куртки под подбородком. Люди на улицах разгуливали в шортах и футболках. Эммет попытался вспомнить все, что нужно сказать доктору. Водитель отвлек его своей болтовней. Надо тщательно продумать каждую фразу, чтобы случайно не проболтаться.

Он не расскажет доктору о пакете. Даже не намекнет. Он дождется возвращения домой и лишь тогда распакует его, подальше от посторонних глаз, пусть свидетелем будет одна собака. Может, он расскажет доктору о человеке, выпрыгнувшем из окна. Притворится, будто сам, потрясенный, стоял в толпе и видел, как женщина пролетела и рухнула совсем рядом. Расскажет, как вместе с

женщиной с восьмого этажа летела ее шляпа и обе падали с одной скоростью, будто иллюстрируя закон гравитации.

Водитель кашлянул, украдкой взглянул на Эммета и вздохнул:

— Я, кажется, своей историей тебя уже утомил.

— Нет, нет, вы очень интересно рассказывали. Ваши слова дали мне почву для размышлений.

— Просто, когда двенадцать часов в сутки проводишь с незнакомцами, говоришь, как будто с друзьями. Я это уже так давно делаю, что не вижу разницы.

Казалось, водителя распирало от всего, что не успел рассказать.

— Может, вы не договорили? — спросил Эммет. Он погладил пакет, нащупал внутри что-то жесткое и бесстрашно зашуршал полиэтиленом.

— Мне бы хотелось кое о чем спросить, приятель. Просто любопытно.

— Так спрашивайте. Мы уже почти приехали. Вы ведь даже не знаете моего имени. Совершенно безопасно.

Машина въехала под длинный козырек докторского дома. Эммет отсчитал деньги. Он аккуратно расправил каждую бумажку и протянул сквозь щель в перегородке. Эммету часто казалось, что

он больше похож на случайных знакомых, чем на друзей, которых он знает много лет. Но в такси он, бывало, выдумывал истории. С незнакомцами он мог быть, кем пожелает. Мог притвориться, что недавно вышел из тюрьмы, или приехал в город, чтобы встретиться с невестой, или уезжает в мировое турне с детьми. Однажды он сказал водителю, что умирает, — просто посмотреть на реакцию.

Водитель воткнул сигару в пепельницу.

— Сказать честно, я очень беспокоюсь по поводу этой моей странности, но у моих знакомых ничего похожего нет, поэтому я у тебя и спрашиваю. Наверное, когда целыми днями сидишь за рулем, хочешь не хочешь, а задумаешься над жизнью. Вот я и думаю: вдруг во мне что-то дремлет, а я не догоняю, что это. Вдруг я в опасности и сам не подозреваю. Этого мне только не хватало. Если мне что-то грозит, так лучше уж знать заранее. Ты, приятель, только не обижайся, но мне кажется, у тебя есть кое-какой опыт в таких делах.

Эммет открыл дверь и помедлил, привыкая к обрушившейся на него жаркой волне. Пакет он засунул под мышку. Он не вполне понимал, что именно хочет знать водитель, но задумался, как передать это свое ощущение, что вся жизнь

состоит из движения, которое не остановишь.

— Когда начнешь падать, дороги назад уже не будет, — сказал он, наклонившись к исцарапанной перегородке. Мысленно Эммет был уже далеко.

Он видел, как сам летит с обрыва, не в силах справиться с земным притяжением. Как изумился, когда надвинулось море и тело впервые пропало в волнах, будто лопнув мельчайшими брызгами света, миллионы, миллиарды частиц, что летят в пространстве, и вспомнил, о чем думал, погружаясь в воду среди брызг: «Вот какой я маленький. Вот какой маленький».

2

У бабушки Эммета на границе ее частного владения была большая оранжерея, с садовником — старым японцем. Когда мать куда-нибудь уезжала, Эммет любил сидеть в оранжерее и наблюдать, как садовник возится с розами и камелиями — они росли в деревянных ячейках, которые японец делал из пустых ящиков для винных бутылок. Почва, которой он присыпал корни, пахла как-то особенно, Эммет нигде больше не встречал такого запаха: тяжело и густо, почти как пища.

Мать обожала гардении. Эммет не видел, чтобы она украшала ими волосы, но на бюро у нее всегда стояла фотография: мать, совсем молодая, с белой гарденией над левым ухом. Губы накрашены, и оттого кажется, что они пухлые и улыбаются. Жирные дуги бровей будто нарисованы черной сурьмой. На лице — не то удивление, не то сомнение. Садясь вечером расчесывать волосы, мать так смотрела на фотографию, что было ясно: на снимке она кажется себе очень красивой и невинной. Эммету же ее накрашенное лицо и жесткая прическа напоминали сотрудника похо-

ронного бюро.

На фотографии самый большой лепесток касался выбившейся пряди волос, отбрасывая еле заметную, похожую на трещину тень.

Снимок стоял на углу маминого бюро по соседству с двумя серебряными щеточками, резной шкатулкой ручной работы — отец привез из Китая — и тремя граненными стеклянными флаконами, пробки широкие, точно маленькие серебряные Федоры.

Мать всегда возила эти предметы с собой. И в те годы, когда остальное имущество сдавала на хранение и с Эмметом и его братом Джонатаном постоянно переезжала с места на место, она аккуратно заворачивала свои реликвии в салфетки и упаковывала в кожаную сумку. Даже если они останавливались в мотеле всего на одну ночь, мать аккуратно расставляла фотографию, шкатулку, щетки и флаконы на столике.

Некоторые люди машинально моют руки, выходя из дома, а мать Эммета часто брызгалась духами, пахнущими гарденией, и этот запах никогда ее не покидал. Он шлейфом летел за ней и мгновенно, как дым потушенной свечи, заполнял каждую комнату, в которую она входила.

С тех пор всякий раз, учуяв этот особенный

запах в парке, в сквере, в цветочном магазине, Эммет глазами искал мать. Пугался, даже когда мать была очень далеко.

Мать Эммета звали Айрис, в честь его бабушки. Кроме имени, общими у них были только цвет волос и клаустрофобия. Обе всю жизнь провели в горах или у моря.

Волосы у обеих были песочные — не блондинки, скорее светло-русые; их волосы сверкали на солнце, точно песок на полуденном пляже.

Представляя себе маму и бабушку вместе, через много лет после смерти обеих, Эммет всегда вспоминал одну и ту же сцену: они сидят на бабушкиной веранде, летним вечером. Эммету восемь лет. Мать, которой не было с ними несколько месяцев, только что влетела к ним с криком: «Сюрприз!», когда они завтракали под апельсиновыми деревьями на заднем дворе.

Обе женщины были в белом: мать в шортах, которые подчеркивали стройность ее загорелых ног, бабушка — в просторном хлопчатобумажном платье с большими тряпочными пуговицами. Волосы у обеих слегка вились за ушами, словно растянутые пружинки, но бабушка уже растолстела, и лицо у нее было красное от полопавшихся капилляров. Вблизи она казалась жалкой па-

родией на свою дочь, словно изображала ее на какой-нибудь костюмированной вечеринке.

Бабушка Эммета пересела к самому краю веранды, спиной к морю. Мать рассказывала про отпуск, проведенный с мужчиной, которого ни Эммет, ни бабушка ни разу в жизни не видели. Разговаривая, мать качалась на стуле, балансируя на двух его задних ножках.

Эммет не мог оторвать от нее глаз. Мать будто плыла, слегка держась за широкий парапет веранды. Рассеянно покачиваясь, даже умудрялась ерзать, а стул так и грозил упасть.

Слушая ее, бабушка собирала грязную посуду со стола и ставила на серебряный поднос, который держала на боку. По пути в дом она свободной рукой резко дернула спинку стула. Тот сильно пошатнулся, но мать удержала равновесие, указательным пальцем надавив на каменный парапет. Эммет заметил, как палец покраснел, побелел от напряжения, но мать не сменила позы и не проронила ни слова. Закончив свой рассказ, она опустила стул на четыре ножки, ловко встала и пошла твердо, ни разу не оступившись.

В эту секунду она показалась Эммету ангелом, сошедшим с небес, подчинившим себе целый мир. Мама сделала несколько шагов к стене и

повернулась — море за спиной, ветер треплет волосы, всей своей необузданной молодостью мать словно дразнила бабушку. Мать поманила Эммета пальцем. Он подошел и прижался к ее ногам. Она поцеловала его в лоб, потрепала волосы. Посмотрела на бабушку и лениво протянула: «Ты что-то хотела, мама?»

Эммет хорошо запомнил, как все морщины на лице бабушки вдруг собрались у подбородка, и лицо ее стало, будто ненужная тряпка, брошенная на пол. Все еще держа поднос, бабушка попятилась в дом, словно боялась повернуться к ним спиной.

Едва она ушла, мать погладила Эммета по голове и послала упаковывать чемодан. Она сказала, что сейчас они вдвоем поедут за Джонатаном. Сразу после развода мать оставила Эммета жить с бабушкой, а отец забрал Джонатана к себе в Филадельфию, в дом, который делил с продавцом косметики. В то же лето их отец бесследно исчез.

Эммет с матерью выехали сразу, не попрощавшись. В том возрасте Эммет подчинялся ей беспрекословно, ходил за ней хвостом, будто в трансе. Всю ночь они ехали по берегу Калифорнии, чтобы забрать мамин багаж. В ее новом доме была только одна огромная комната с тремя

окнами высотой в два этажа, которые поддерживали тонкие металлические планки. У четвертой стены стоял камин, такой большой, что, когда его разжигали, красно-оранжевые языки огня вытягивались и отражались во всех трех окнах. С улицы казалось, будто дом объят пожаром.

Они погрузили в багажник семь чемоданов и пакеты с едой. Забравшись в машину, Эммет моментально забыл про бабушку. Мама рассказывала ему про свою поездку, какое скалистое побережье в Сардинии, как она ночевала в пещерах огромного утеса. Внутри пещер сплошная тьма, только вход светится полумесяцем, и, когда она шла к нему, ей казалось, будто она двигается прямо к солнцу. Еще она рассказала про пещерных летучих мышей. Как они внезапно, будто гром, стали бить крыльями у нее над головой, а потом вся стая большим облаком пепла стремительно вылетела наружу, в ночь.

Эммет тогда считал мать искательницей приключений. Едва осознав себя в мире, Эммет понял, что рамки домашней жизни с бабушкой для матери слишком тесны. Он никогда не осуждал ее за долгие отлучки. Что-то в ее поведении — может, легкое высокомерие или эти неуютные паузы, с кем бы она ни говорила, — заставляло

людей охотно уступать ей, словно это ее наследное право. Эммет часто изумлялся, как рядом с матерью самые грубые чиновники умолкали; ради нее задерживали самолеты, откладывали заказы, и, где бы мать ни появлялась, ее всюду окружали добротой и вниманием.

В ту ночь, сидя рядом с ней в машине, Эммет чувствовал, что ему досталась часть этой магии: словно мать одарила его свободой, что незримо хранила ее саму. Он очень надеялся, что они с мамой уедут куда-нибудь подальше и никогда не вернутся.

Они мчались вдоль побережья всю ночь, потом повернули на восток, к Неваде, затем отклонились от маршрута на север, углубляясь в Вайоминг. Айрис хотелось, чтобы Эммет увидел места, где она проводила лето в детстве. Он хорошо запомнил названия городов, которые они проезжали: Термополис, за ним Коуди, потом Грейбулл у подножия гор Биг-Хорн. Эммет нигде раньше не видел таких плоских и пустынных пейзажей, какие попадались в предгорьях. В диких местах Эммету становилось не по себе, а мать лучилась радостью.

Когда в машине стало совсем темно, мама рассказала ему, как часто ночами спала на воздухе, в

палатке из москитной сетки. Изнутри она смотрела на мир сквозь тысячи мельчайших клеточек. Мама сказала, что ночное небо на ранчо — самое черное и звездное на свете. А днем оно выше, закругляется по краям и, откуда ни посмотришь, смыкается с землей. Даже на пустынных равнинах и на окраинах ранчо, где нет ничего, кроме оврагов и невысоких скал, разбросанных тут и там до самого горизонта, ее не покидало ощущение, будто она внутри огромного шара.

Днем раньше, через час после того, как они миновали Рино, мать показала ему, как ночью с каждым часом светлеет небо.

— Смотри, все здесь лежит в руинах, — сказала она еще в начале пути. — Город вон там. — И показала на размытое пятно, похожее на грозовое облако.

Они ехали, и вдруг он вырос перед ними, сверкая среди пустыни, будто Изумрудный Город из сказки. Ничего прекраснее этих мерцающих зданий, что вдруг явились из тумана, Эммет никогда не видел.

Позже, в Вайоминге, они свернули на пастбище, остановились в миле от шоссе. Мать увела Эммета к предгорью, и они двинулись по тропинке, что протоптали животные. Эммет немного устал, но

мать тащила его вверх по склону. Она помнила, оттуда чудесно глядеть на восход луны.

Эммет не думал, что луна каждый день поднимается в небе, как солнце. Подбадриваемый матерью, он добрался до выступа, и они притулились к большому валуну. Мать распаковала корзинку с продуктами, разложила их на салфетке и показала Эммету, куда нужно смотреть. Мальчик покорно уставился вдаль, на деревья, холмы и спираль грунтовой дороги. По ней проехал красный джип, несколько раз притормозив, будто водитель заметил их и пытался разглядеть получше. Луна, притаившаяся в уголке небес, была тонка, и местами сквозь лунный шар просвечивала синева.

Солнце садилось, а луна вставала на его место, словно ее тянули удочкой. Долину заволокло туманом, но, когда стемнело, густая дымка будто остекленела, отвердела, начала светиться. Луна плыла неспешно, и в воздухе различалась каждая частичка света, будто атомы вдруг стали видимыми. Темнота из миллиардов точек, и каждая в лунном свете распадалась в серую рябь.

Сумерки ожили: луна задрожала, сорвалась с удочки и поднялась еще выше, за ней поползли тени, они мерцали, отражались от холмов, и на

мгновение все вокруг раздвоилось. Доплыв до цели, светило втянуло свои тени обратно и замерло, еле заметно пульсируя.

Эммет огляделся и увидел плоские лица скал, поблескивающие от росы. Временами тишину прерывал шум камней, что дождем сыпались куда-то в долину. Никогда еще Эммет не чувствовал себя таким беззащитным, как в ту ночь, сидя на склоне, скорчившись у подножия скалы. Когда поднимался ветер, Эммет боялся, что его вот-вот сдует, и он изо всех сил вонзал пальцы в землю. У него страшно кружилась голова, он был одинок, во власти природных стихий. В тускнеющем свете он себе казался жалким и несовершенным, иллюзорность все сильнее сжимала, уменьшала его тело. Оглянувшись на мать, он увидел, что ее расчертили серые тени.

Эммет встал — проверить, удержится ли на ногах. Теперь он понимал, о чем говорила мать, видел этот покатый горизонт, и звезды вокруг точно кувыркались в никуда.

— Смотри, вон там Сатурн, — сказала мама, взволнованно показывая на неровное светлое пятнышко. — А вон Юпитер. — Она ладонями поворачивала его голову. Она распознавала узоры планет и бурлящих галактик с легкостью, как,

садясь в машину, составляла план поездок по автотрассам.

Эммет заметил вспышку метеора и хвост искр, которые он оставлял за собой, медленно опускаясь за горы и постепенно, на лету, исчезая. За ним еще один метеор, потом еще и еще, и небо превратилось в целый полигон маленьких взрывов. Земля под ногами закачалась, будто летящий мяч или пушечное ядро, Эммету пришлось балансировать на этом огромном шаре, летящем в пространстве. Ночь обволакивала его, и Эммету казалось, что весь мир смыкается вокруг них, и кто-то медленно опускает сверху огромный стеклянный купол.

Они еще долго сидели в темноте и смотрели, как на дороге появляется все больше автомобилей. Мигая фарами, они выныривали в самом начале дороги, чтобы потом снова исчезнуть. Точно дразнили ребенка фонариком в темной комнате.

Мама казалась отрешенной, погруженной в свои мысли, в которых сыну места не было. Эммет представлял себя далеко-далеко, в машине, окна закрыты, тишина и дым; как он спит, свернувшись калачиком и упершись ногами в дверную ручку.

Только повзрослев, Эммет осознал, что безопаснее всего ему бывало, когда он засыпал на заднем сиденье родительской машины. Он вспоминал, как ему хотелось подольше задержаться на границе сна перед пробуждением и мирно плыть в волнах бормочущих голосов. Слушая родительские разговоры, тихие, слов не разберешь, он улавливал только нежность, она обещала покой и мир, что вскоре исчезли навсегда.

3

В детстве Эммет с братом часто переезжали с места на место. Каждый год, а бывало, и каждые несколько месяцев — довольно часто, они научились распознавать грядущие перемены по маминому настроению. Забирая их из школы на машине, мать отворачивалась от дороги или входила в комнату, садилась на краешек дивана и спрашивала: «Ну что, понравилось здесь жить?» И сразу понятно: скоро они уедут.

Дети не признавали своей связи с любым городом, где жили. Может, чувствовали, как страшно матери оставаться подолгу на одном месте. Что, меняя обстановку, мать легче справляется с отчаянием. А может, Эммет и не видел в этом ничего особенного, пока не вырос и не узнал такое же беспокойство.

— Где это мы? — смеялась она, садясь на кровать в каком-нибудь мотеле. Будто их троих кто-то похитил и привел сюда с закрытыми глазами под покровом ночи.

Эммет помнил, как мать сидела по-турецки на кровати, разложив перед собой карту. Водила пальцем по линиям автотрасс и границам

штатов, задерживалась, если название места напоминало ей о том, что прочитала, о ком-то знакомом. Эммет чувствовал, как ликует мать, найдя место их следующей остановки, словно доехать туда — не сложней, чем провести пальцем по карте.

Однажды зимой, за неделю до Нового года, Айрис уехала с мужчиной в маленький горный городок в Колорадо. Детей она забрала с собой из бабушкиного дома, без предупреждения.

Участок, который она арендовала, был огражден забором, что тянулся через холмы и ручьи, до самых гор, а потом по равнине, которая простиралась на мили вниз, от дома к реке.

Эммет и Джонатан научились кататься на лыжах. Мужчина бросил Айрис несколько недель спустя, оставив ее наедине с этим огромным куском земли, где за сотню миль никого, кроме учителей в школе, фармацевта, почтальона и агента по недвижимости, который даже знал мамино имя.

За день до отъезда мужчина застрелил оленя и привязал его к своему джипу. Голова животного свисала над глушителем, изо рта вытекала струйка крови. Перед ужином мужчина позвал Эммета и его брата помочь ему выпотрошить оленя. Он

высвободил тушу из веревок и положил в снег. Ноги животного подрагивали от прикосновений, а глаза были стеклянными, как будто над ним уже поработал таксидермист. Мужчина охотничьим ножом разрезал оленю живот и запустил туда руку.

— Это сердце, — сказал он и с легкостью вынул его из тела. — Подержи-ка.

Эммет сложил ладони лодочкой, и сердце скользнуло в них. В перерезанном желудочке виднелась красная, мягкая пустота. Эммет помнил, каким некрасивым и хрупким показалось ему сердце, словно кусок сырого мяса, только легче. Он ждал, когда же оно забьется, как его собственное, но оно не стучало, только у Эммета дрожали руки, и последние капли крови падали на джинсы и ботинки.

Мужчина закатал рукава, сунул руки еще глубже, почти по локоть. Вынул что-то блестящее, розовое и прямоугольное.

— Легкое, — сказал он и улыбнулся Джонатану. — Это тебе, возьми.

Джонатан схватил блестящий предмет. Легкое выскальзывало из рук, и Джонатан прижал его к груди, будто маленькое животное.

Руки мужчины снова исчезли.

— А это селезенка, — сказал он, повертел ее в руках и швырнул через плечо. Она шмякнулась на крыльцо и медленно сползла по обледеневшим ступенькам, вся в снегу, точно в прозрачной белой шерсти.

Мужчина вытаскивал внутренности, пока его ногти не побурели, а бока оленя не задрожали, как покрывало на ветру. Возвращаясь в дом, Эммет положил сердце на землю. Взял у брата легкое, положил рядом. Еще несколько дней органы валялись во дворе, а на дороге к дому расползлось огромное красное пятно, будто охотник хотел отметить свой отъезд жертвоприношением.

Вечером, когда мужчина уехал, мать накрыла стол и прислонилась к холодильнику, упершись локтями в дверцу и положив ногу на ногу. Она часто так стояла, наблюдая, как мужчина ест. Сказала, будто желая что-то разъяснить:

— Знаете, как бывает — что-то сильно тебя захватывает, и обратной дороги уже нет?

Эммет и Джонатан переглянулись и закатили глаза. Джонатан принялся обстреливать комнату горохом из ложки. Мать схватила его запястье и швырнула тарелку в раковину. Она так убирала со стола, так погнала их спать и щелкнула выключателем, что оба почувствовали: сейчас мать

их ненавидит, потому что они дети, им не дано понять той стороны ее жизни, которая занимает ее больше, чем они.

Эммет проснулся от сквозняка из входной двери. Закутавшись в одеяло, он прополз к изножью кровати, посмотрел в окно и увидел мать — она поспешно выходила из дома.

Эммет разбудил брата, надел на него лыжные штаны поверх пижамы, всунул руки в рукава куртки и повязал шарф на лицо. Перед тем как надеть на Джонатана ботинки с меховой опушкой, Эммет растер его малюсенькие, покрасневшие от холода ступни. Потом оделся сам, взял брата за руку, и они оба пошли вслед за Айрис.

Всю неделю шел снег, и дорогу они находили по сугробам на обочинах. Дорога была покрыта несколькими футами снега, и, где бы Эммет ни ходил в ту зиму, ему казалось, что он идет над землей. Когда мальчики вышли из города, дома канули в невидимость, и путь освещали только фонари.

Матери нигде не было видно. Где-то за холмом лаяли и выли несколько собак, но эхо дробилось, и мальчикам казалось, будто целая свора псов шатается в горах, вынюхивает их следы.

У леса Эммет остановился и осмотрелся. Имен-

но так он всегда представлял себе поверхность луны. Все вокруг сверкающе-серое в лунном свете, огрубевшая от ветра снежная корка в рубцах, а над ней вьется белая пороша, задувает прямо в лицо. Эммет знал, почему его маме нравилось жить здесь: потому что они тут как первооткрыватели девственной земли.

Они зашагали по лыжне к холмам. Скользили по ней, словно по краю пропасти, плотный снег держал их, пускай непрочно, а оступившись, можно было провалиться в сугроб. Эммет повел брата по тропе вверх, к заброшенной шахте. Шахта не работала уже двадцать лет, с тех пор как там произошел обвал и погибли четыре человека. Тел не нашли; ходили слухи, что по сей день в лесу бродят их призраки. Проходя мимо шахты, Эммет закрыл глаза. Он боялся, что увидит кости, торчащие из заваленного входа, или четыре пары глаз, светящихся в темноте.

Они остановились, заслышав впереди какие-то звуки. Джонатан прижался к ногам Эммета и обхватил их руками. Эммет приложил палец к его губам и встал на четвереньки. Они проползли за шахту, откуда хорошо было видно, что происходит в долине. А там, футах в пятидесяти, кружилась и прыгала в снегу их мать.

— Мама горит, — с благоговейным ужасом сказал Джонатан.

Он хотел было позвать ее, но Эммет зажал ему рот рукой в перчатке. Они съежились и стали смотреть.

Она махала руками и хлопала себя по груди, словно тушила горящую одежду. Она вертелась в снегу, пока не погрузилась по пояс, и тогда замолотила снег руками. Потом выкрикнула имя своего мужчины — громко, как только может кричать человек. Она думала, в лесу ее никто не слышит, но все же изумленно оглянулась, когда вопль прокатился по пещерам и расселинам, между обледеневшими деревьями и валунами так отчетливо, что, казалось, все вокруг выкрикивает это имя.

Джонатан попытался оттолкнуть Эммета и позвать маму, но Эммет повалил его на снег и лег сверху. Они молча слушали, как имя этого человека множится эхом. Эммет понял, что они узнали какой-то секрет, и, если мать догадается, что они следили за ней, обнаружили ее тоску, она никогда им этого не простит. Они лежали, оцепенело уткнувшись лицами в снег, пока не услышали, как захрустел наст под ее ногами. Мать возвращалась в город.

— Никому об этом не говори, — прошептал Эммет брату на ухо. Тот вырывался: — Никому не говори, никому, никому.

4

Мари, бабушка Эммета по отцовской линии, утопилась в водохранилище неподалеку от дома, ночью, после какой-то вечеринки. Она выплыла в спасательной лодке на середину озера. За день до этого она насобирала в саду камней и сложила их в носовой части лодки.

— Это балласт, — ответила Мари мужу, когда он заметил камни. — Чтобы лодкой было легче управлять, когда я в ней одна.

В тот вечер она доплыла к самому глубокому месту озера, набила карманы камнями и кинулась за борт.

Эммет никогда не видел Мари. Он знал ее только по двум фотографиям, найденным в конверте, между последними страницами семейного фотоальбома. На одной она стояла рядом с мужем и двумя сыновьями. Рука мужа покоилась на ее плече и казалась очень длинной, обвивала шею женщины сзади, будто он собирался ее задушить.

На второй фотографии Мари с мужем снялись во время отпуска в Азии. Дедушка Эммета со злым лицом идет впереди на несколько шагов.

Он в черном костюме с узкими лацканами, как у странствующего священника. Шагает широко, а Мари торопится за ним, еле успевает.

Эммет часто представлял себе, как ее хрупкое тело шагает из лодки в воду, как легко оно под тяжестью камней идет ко дну. Из всех родственников он больше всего хотел бы познакомиться с Мари, но она умерла задолго до его рождения. Разглядывая генеалогическое древо родных отца, Эммет всегда задерживал взгляд на ее имени. Что касается матери его матери, Эммет знал ее жизнь досконально, вплоть до размеров сада в каждом доме, которым она когда-то владела. Все, что бабушка делала в жизни, и все, чем она в жизни была, определялось местами, где она жила. Она была последним родственником Эммета, явившимся из прошлого. Все остальные как будто родились и жили вне времени, места и здравого смысла.

Когда Эммет был маленьким, бабушка часто рассказывала ему, как его дед утонул во время кораблекрушения у побережья Южной Африки. Тело его не нашли, а к прибрежным скалам бухты Кейптауна прибились только обломки мачты. Иногда, в ясную погоду, когда вода делалась прозрачной, в бухте различались очертания носа

корабля, наполовину погребенного в песке. Семья часто собиралась на утесе, чтобы поглядеть; так люди собираются на кладбище — помянуть умерших.

На стене в бабушкиной гостиной в позолоченной рамке висело свидетельство о смерти. Имя деда было выведено каллиграфическим почерком под картинкой с кораблем, плывущим на поднятых парусах. Внизу подпись: «Погребен в море».

Дедушка Эммета впервые ушел в плавание, когда ему было пятнадцать, и плавал двадцать лет, пока не утонул. На фотографии, сделанной перед его последним вояжем, дед казался уже очень зрелым мужчиной. Он был такой толстый, что нижние пуговицы его форменной рубашки расстегнулись, обнажая темную курчавую шерсть на животе. Как этот человек перемещался по палубе, не спотыкаясь, Эммет не мог себе представить, хотя бабушка твердила о его уникальной грации: в танце, по ее словам, он вел так легко, что ее ноги еле за ним успевали и почти не касались пола.

Когда разбился корабль, матери Эммета было два года. Бабушка уехала с матерью сначала в Ирландию, а затем в Америку, чтобы в Калифорнии начать жизнь сначала. С собой у нее было

рекомендательное письмо от ее семьи. Она везла его мужчине, которого никогда раньше не видела и за которого должна была выйти замуж.

Когда Эммет был маленьким, бабушка рассказывала ему, как по пути в Калифорнию впервые пересекла Сьерра-Неваду. Как горы поднимались все выше цепь за цепью, и в конце концов ей стало казаться, что горы достигают вершины мира. Эммет помнил радость бабушки, когда она показала ему низкие, плоские равнины за последней вершиной, мерцающие, словно мираж, до самого океана. Бабушка ухватилась за каменный парапет и, ликуя, воскликнула: «Смотри!» — будто они впервые увидели новую землю, а ведь к тому времени она прожила в Калифорнии уже тридцать лет.

Совсем состарившись, бабушка перестала рассказывать о Калифорнии и даже об Ирландии, где жила еще раньше. Она говорила только о пяти годах, проведенных в Южной Африке. Позабыв имена своих двоюродных братьев и сестер, она рассказывала о Королеве Эстер и ее дочери Австралии: эти две женщины заботились о матери Эммета, когда та была малышкой, а их платья воняли крахмалом и отбеливателем. Бабушка точно помнила, сколько кустов протеи растет

без присмотра за оградой ее сада, и пушистые красные цветы делоникса, которые будто воспламеняли холмы за домом.

Однажды в Санта-Монике бабушка сняла туфли и пяткой постучала по тротуару, демонстрируя, как в Африке по дороге в город ноги шлепали по деревянным дорожкам, и по памяти назвала каждую улицу, которая попадалась ей на пути. Эммет знал: в жару бабушке чудится ветерок Кейптауна. А в небо она глядела так, будто сравнивала оттенки синевы, и, где бы ни жила, небо казалось ей бледным и жалким.

Бабушка построила дом в Калифорнии, на отвесном берегу. Окна ее спальни выходили на море. Бабушкину кровать ровными рядами устилали двадцать пуховых подушек, каждая в белоснежной наволочке, вышитой бабушкиной тетей, которая когда-то была миссионером в Китае. Поверх простыней в любое время года обязательно лежало стеганое ватное одеяло. Каждый раз, когда Эммет ночевал там, ему казалось, что он спит в облаках. Кровать стояла напротив венецианского окна, которое бабушка закрывала только в дождь. Просыпаясь среди ночи, Эммет видел, что в комнату светит Полярная Звезда.

Перед сном бабушка прижимала Эммета к сво-

им телесам и рассказывала, что однажды пошла встречать мужа и увидела, как его корабль врезался в прибрежные скалы бухты Кейптауна.

Бабушка не видела людей на палубе, только натертые до блеска доски. Корабль вдруг закачался, как игрушечный, и нырнул в воду, а бабушка думала: «Что же теперь со мной будет?» Она пыталась описать Эммету, как тихо тогда было, точно в немом кино или во сне, не громче ее почти беззвучного вскрика. Приглушенный рокот тонущего корабля, будто ветер гудит в дымовой трубе, и слабый треск дерева, когда мачта разбилась о валуны, и тишина — лишь крик чаек над головой и отзвуки сирен у далекого причала.

Назавтра все происшедшее показалось ей нереальным; зачем она только пошла к морю? Ей легче было вообразить страшные картины: крушение о скалы, люди барахтаются в воде и зовут на помощь или, может, буря, вспышки в небе, шлюпочная флотилия. Что угодно, только не этот промельк; скользнувший в волны корабль, и больше ничего, только сломанная мачта среди скал — памятником другому, чужому кораблю, затонувшему давным-давно.

Лежа без сна, бабушка часто прислушивалась к морю, надеясь вновь уловить этот тихий звук

— корабль погружается в воду. Ей хотелось еще раз съездить в Кейптаун, взглянуть на гавань с того памятного места, но она была уже слишком стара, путешествовать в одиночестве не могла, а дочь не брала ее с собой.

Эммет знал, что, когда бабушка была подростком, она однажды в Дублине помогла спрятать двух мужчин, принимавших участие в Пасхальном восстании. Она часто и подробно описывала, как эти двое, задыхаясь, посреди ночи колотили в дверь, а потом с шапками в руках мялись в коридоре, дожидаясь, когда бабушка проведет их в подвал. Под домом был целый лабиринт проходов в другие дома квартала.

Бабушка неделю носила повстанцам еду, пока полицейские обыскивали дома по всему Дублину. А потом ее отец тайно вывез их ночью к западному побережью в телеге, спрятав под мешками. Отец управлял лошадьми, а бабушка Эммета держала у него над головой черный зонт. Даже сквозь грохот колес по камням она слышала, как под мешками дрожат люди. Все промокли до костей, и запахи мокрой лошадиной шерсти и соломы надолго въелись в кожу.

На побережье мужчин отвели греться в дом каких-то надежных людей. Бабушка разглядела

на их лицах узор, который оставили пыльные мешки, — похоже на географическую карту.

Четыре раза в год в их деревушке появлялись цыгане. Они приезжали в ярко раскрашенных фургонах. Народ поговаривал, что по ночам цыгане бесплотными духами влетают в дома и воруют детей себе на ужин. Рассказывали, что цыгане варят детей в огромных свинцовых горшках, которые нахально ставят прямо у дороги. Еще говорили, что они невидимками пробираются в дома и воруют серебро прямо из-под носа у хозяев. Когда от ветра дребезжали оконные стекла, отец говорил бабушке: «Это цыгане идут, нас обокрасть».

Если Эммет жаловался на погоду, бабушка рассказывала ему об одной ирландской весне, когда дождь шел семнадцать недель подряд. Лето стало зимой, без всяких переходов и передышки. Даже на возвышенностях земля превратилась в болото. В полях тонул скот. Влажные крыши домов лупились и осыпались, в комнатах висела густая дымка. Беспрестанный дождь всех измучил. Еще до того как он кончился, четверо фермеров в деревне повесились, и их тела маятниками раскачивались под дождем.

После смерти своей матери бабушка два года

преподавала в школе для девочек в Лондоне. Она жила у миссис Преббл, которая сдавала ей внаем две спальни на верхнем этаже. У миссис Преббл на кухонном столе имелась банка маринованных помидоров. Они были зеленые, блестящие и такие раздутые, что лопались, стоило до них дотронуться. Миссис Преббл любила есть помидоры с чаем: беседуя, вскрывала кожицу ложкой и высасывала сок, а в зубах у нее застревали семена.

И за чаем бабушка Эммета познакомилась со своим будущим мужем. Он был племянником миссис Преббл, и через три недели эта женщина из домовладелицы превратилась в ее тетю.

Переехав в Калифорнию, бабушка тридцать лет преподавала в школе для иммигрантов, построенной на маленьком клочке земли недалеко от побережья. Называлось это место Ветряной Остров. Издалека школа казалась кораблем-тюрьмой на якоре, ее башенки походили на дымовые трубы. По этому поводу мама Эммета часто говорила: «Выбрала себе местечко с названием, как болезнь, и будет там торчать до самой смерти. Да пускай делает, что хочет».

В восемьдесят шесть лет бабушка заявила Эммету, что всю жизнь хотела начать курить. Два года спустя, в доме престарелых, она приноро-

вилась воровать сигареты у соседки. Однажды бабушка прожгла рукав своего синтетического платья. Ткань стала плавиться прямо на руке, и на коже вздулись пузыри цвета пейсли.

За рулем бабушка так и не научилась выруливать на машине задом. Она попросила садовника убрать заднюю стену гаража и ездила по нему, как в тоннеле.

Собираясь с Эмметом на пляж, бабушка всегда брала парусиновый зонт, под которым вполне уместились бы четыре человека. Он был оранжевый с зелеными треугольниками, которые разлетались от центра, как флажки.

Эммет знал, что пятьдесят два года подряд каждую субботу его бабушка считает деньги в подвале своей церкви.

Он знал, что она всю жизнь терпеть не могла его отца.

Она часто рассказывала историю о том, как в десять лет ее отправили на год в Дублин. Она не спросила, куда едет и вернется ли. А когда вернулась, мать встретила ее на вокзале. Матери недавно ампутировали руку, сквозь бинты сочилась кровь. Несколько месяцев каждый вечер бабушка меняла повязку и смазывала рану тампоном, смоченным в зеленке. Ее мать ни разу не

намекнула, что случилось с рукой, а бабушка ни разу не поинтересовалась.

Она рассказывала эту историю с гордостью, так, словно этот непостижимый стоицизм помогал ей преодолевать любые трудности. Уже когда все закончилось, Эммет задумался: быть может, эта семейная невнимательность — вызов своего рода, словно все хотят проверить, о скольких еще бедах можно умолчать.

5

«Надо же, как быстро выветривается из головы прошлое», — удивился Эммет, остановившись на тротуаре у офиса доктора.

Он приехал всего час назад, а уже не помнит водителя, который его привез. Видел ли он вообще его лицо? Нос, рот, уши расплывались перед глазами.

Эммет вообразил, что должен описать внешность преступника полицейскому, чтобы тот сделал карандашный набросок, но смог вспомнить только жирные складки и щетину на шее у водителя. Если бы не пакет, Эммет вообще ничего бы не вспомнил.

Во время сеанса он не упомянул о водителе и человеке, который выбросился из окна. Доктор переехал в другой кабинет, и Эммета отвлекала непривычная обстановка. Доктор спросил, не помешает ли Эммету присутствие студентов-практикантов за зеркальным стеклом, и пообещал, что они многому научатся, слушая Эммета. Эммет сделал вид, что ему все равно. Нарочно не смотрел на зеркальную стену, сквозь которую наблюдали незнакомцы.

Эммет разговаривал с врачом и очень волновался, зная, что студенты в белых халатах записывают в блокноты каждое его слово. Он превзошел себя, описывая ужин из семи блюд, от супа до десерта, не забыл даже про бокалы с дынным шербетом цвета коралла, подаваемые в промежутках. Он подробно рассказывал о приготовлении еды, вплоть до кухонной утвари, которой пользовался, и температуры плиты, которую выбирал для каждого блюда. Он даже объяснил еле уловимую разницу между «приготовлением на медленном огне» и «медленным кипячением».

Эммета изумила собственная сила воли. «A jambon persillé, a mouclade[1] и паста из фенхеля». Когда он подобрался к десерту, закружилась голова. Эммет собрался с силами и промурлыкал, как одно слово: «Poires, pruneaux, oranges aux vin rouge et aux épices»[2]. От радости у него даже мурашки побежали по спине. Он ведь не репетировал.

Выйдя из-под козырька здания, Эммет еще раз поздравил себя. «Пойти пешком или поехать?» — задумался он, ощутив, как давит город. Несмотря

---

[1] Примечания: 1
Окорок с петрушкой, мидии *(фр.). — Здесь и далее прим. переводчика.*

[2] Примечания: 2
Груши, сливы, апельсины в красном вине со специями *(фр.).*

на жару, Эммет решил идти пешком. После сеанса он чувствовал себя победителем, способным одолеть все эти улицы.

Чтобы купить собачью еду и морковку, придется сделать крюк. Эммет порылся в кармане и выудил семь мятых долларовых бумажек. На сегодня должно хватить. Остаток наличных спрятан в чулане, в черном ботинке, и прикрыт грязным носком. Опасаясь ограбления, Эммет никогда не носил при себе все наличные, только скромную сумму на день.

Долгое время Эммет пользовался банковской карточкой. Но этим летом, когда он попытался снять деньги, уличный банкомат его карточку проглотил. Вместо денег выползла полоска бумаги, на которой было написано: «Не удается завершить операцию». Эммет не был до конца уверен, что все это злонамеренные происки работников банка, но все же побоялся просить другую карту. Ведь только за день до происшествия он пожаловался банковскому менеджеру на кассиршу-грубиянку. Возможно, она за одну ночь осуществила свой план мести и создала дефицит на его счете, чтобы машина не воспринимала оплаченные чеки.

Эммет никогда не сохранял квитанций. Пред-

почитал все хранить в памяти. И вот теперь он не мог доказать, что деньги на счете были. А эта кассирша докажет что угодно, просто распечатает подделку, сфабрикованную на зеленом мониторе ее компьютера.

Чтобы продержаться на плаву, Эммету пришлось продать несколько книг. Он усердно откладывал каждый доллар, но на оплату квартиры все равно не хватало. Домовладелец требовал наличных. Эммет уже два месяца ничего ему не давал. Потом начал прятаться, едва заслышав, как на площадке копошится хозяин. Эммет знал, что это ненадолго. По договору аренды у домовладельца есть второй ключ.

Стоя на солнцепеке, Эммет еще раз нащупал деньги в кармане, убедился, что правильно сосчитал. Он свернул к реке, где на улицах меньше народу и есть шанс найти пустой мини-маркет.

Эммет заглядывал в каждый встречный магазин. Гигантские, хорошо освещенные супермаркеты, забитые покупателями днем и ночью, ему недоступны. Невыносимо, когда на тебя смотрят; нестерпимо, когда люди косятся в твою корзинку, оценивая тебя по тем продуктам, которые покупаешь. Эммет ничего не мог купить, если на него смотрели.

Эммет любил делать покупки за полночь, когда в магазине никого, кроме сонного кассира. Но он и так не кормил вчера собаку и не смог бы вернуться к ней с пустыми руками.

Пройдя три квартала, Эммет заметил магазин, где никого не было, кроме трех продавцов-корейцев, сидевших на ящиках с молоком. Эммет добродушно помахал им рукой и взял из стопки красную пластмассовую корзинку. Свой пакет он сунул под нос продавцам, надеясь, что те предложат оставить его и дадут номерок. Он не хотел носить пакет в корзине — не дай бог, обвинят в краже, когда он будет уже в глубине магазина. Он громко пошуршал пакетом, но продавцы так и сидели, сложа руки, не обращая внимания. Эммет крепко, на четыре узла, привязал ручки пакета к корзинке. Бросил пакет на дно корзины, чтобы рабочие обернулись. Пусть лучше сейчас обратят внимание, ему не хотелось, чтоб они заинтересовались позже и попросили его открыть пакет — он ведь сам не знал, что там лежит.

Эммет прошел к самому дальнему прилавку с собачьей едой. Пока он искал любимое лакомство собаки, его затошнило от разноцветных этикеток с изображением мяса. Вокруг стояли банки с кониной, курицей, почками и рыбой, но нужной

этикетки не было.

В магазин ворвалась ватага школьников, они хихикали и визжали так громко, что Эммету показалось, будто стая птиц носится среди прилавков. Он замер под круглым зеркалом на потолке, глядя на отражения лиц, круглых и перекошенных. В зеркале дети казались одним существом, низкорослым и многоголовым. Он прислушался к топоту ботинок по линолеуму. Подростки остановились в конце ряда прилавков и бесцеремонно уставились на Эммета.

Теперь они говорили так тихо, что ни слова не разберешь. Эммет аккуратно поправил очки, в спешке побросал в корзину пять банок собачьей еды с простыми этикетками, накрыл их пакетом и прошел дальше.

Дети преследовали его, как, мерзкий запах. Эммет все время слышал их шаги у себя за спиной. Они шли в унисон и одновременно с ним останавливались. Чтобы их подловить, он резко свернул налево, потом направо, снова налево и слушал шорохи за спиной, точно порывы ветра.

«Ты имеешь полное право быть здесь», — уверил себя Эммет, стараясь сосредоточиться на покупках. Он нервозно схватил с полки связку моркови с ботвой в два фута. Попытался согнуть

ботву, чтобы запихнуть в корзину побольше связок. Одной хватит только на день. А нового похода в магазин он не выдержит — ни завтра, ни послезавтра. Он набирал еще и еще, пока ботва не уперлась ему в куртку, словно дикий папоротник.

Флуоресцентные лампы светили ярче солнца на улице. Эммет чувствовал, как каждая родинка на его лице раскаляется угольком. Он заметил, что кассир наблюдает за ним в зеркало. Дети, нахально смеясь, подбирались все ближе. Эммет отшатнулся к полке, с неимоверным грохотом посыпались банки и пакетики, будто потолок обрушился. Пакеты с супом, пирожки и пирожные, баночки всех размеров и цветов попадали на пол к его ногам.

Дети заулюлюкали, а Эммет опустился на колени перед кучей продуктов. Продавцы вскочили с ящиков и уставились на него. Он собрал осколки стекла и принялся запихивать их в карман куртки, словно это мелочь.

Липкий соус кислотой въелся в пальцы. Эммет машинально поднес их к губам, лизнул и вскрикнул. Он вытер руки о куртку, ткань влажно заблестела, будто рана. Он принялся отчаянно возить ботинком по полу, пытаясь стереть следы

преступления, но соус лишь разбавленной кровью размазывался по серому линолеуму.

«Спокойно, спокойно, — бормотал Эммет. — Ты забудешь обо всем уже через час. Придешь домой, и тебе покажется, что ничего такого не было».

Встав под круглым зеркалом, Эммет поочередно встряхнул каждую связку морковки, давая понять продавцам, что ничего лишнего нигде не припрятал. Он почесал голову, зевнул, приложил палец к щеке, делая вид, будто соображает, что еще забыл.

Трое продавцов остановились на полпути к Эммету. Дети их подбадривали. Эммет поставил корзинку на пол и вынул из кармана деньги. Порывшись в другом кармане, выудил десять центов и четвертак. Вывернутые карманы брюк повисли, как собачьи уши.

— Это дайм? — с сильным французским акцентом спросил он и указательным пальцем обхватил четвертак. — Пожалюста, скажите, сколько дайм?

Эммету хотелось одного — домой. Он не помнил, говорил ли уже при продавцах нормальным голосом, но надеялся, что, услышав акцент, они спишут его странность на иностранность и позволят уйти.

— Доляр, — сказал он, невозмутимо подходя к ним. — Махрковь, собача ида.

Он подошел к кассиру, и дети попятились. «Псих», — фыркнул один, но Эммет не обратил внимания, будто они находились за зеркальным стеклом в кабинете доктора. «Я их не вижу — твердил он себе. — Они исчезли».

Двое продавцов следили за ним, пока кассир считал и выбивал чек. На чеке стояло: три доллара восемьдесят девять центов.

— Пожалюста, деньги вот, — сказал Эммет, протягивая доллары. Продавец взял семь долларовых бумажек, четвертак и десятицентовую. Протянул сдачу — два цента.

— Мерси, мерси, — сказал Эммет, вложил сумки одну в другую и вылетел за дверь.

Дети двинулись следом. Эммет ускорил шаг. Теперь придется всю дорогу идти пешком — денег не осталось даже на автобус. Эммет нырнул в подземный переход. На той стороне улицы он собьет детей со следа.

Оказавшись в тени перехода, Эммет вспомнил продавцов в магазине и ощутил прилив ярости. У входа в магазин под навесом он заметил лоток с овощами в деревянных ящиках. «Пункт 604-А», — угрюмо подумал Эммет. Он был уверен, что такая

торговля нелегальна. Он решил подать жалобу по телефону, когда придет домой. Однако в каждом квартале ему попадалось по два таких лотка. А ведь это запрещено муниципальным законом. Нет, начальство не обратит внимания на его жалобу. Может, он вернется сюда с фотоаппаратом и сфотографирует еще какие нарушения, чтобы хватило на иск.

«Я больше не могу выходить на улицу, — думал он по пути. Эйфория от визита к доктору испарилась без следа. — Не могу».

Много лет назад один друг рассказал Эммету о скрытых камерах, наблюдающих за покупателями в магазинах. Друг говорил: в специальной контрольной будке сидит охранник, который внимательно наблюдает за каждым покупателем и, обнаружив подозрительного типа, нажимает на кнопку и фотографирует. Эммет знал, что даже наедине с собой он ведет себя подозрительно. Вскоре ему стало казаться, что по всему городу в темных секретных комнатах хранятся сотни железных коробок с негативами, где записана его жизнь.

В детстве Эммет твердо верил, что два персонажа из телесериала следят за ним, установив в доме маленькие фотокамеры. Он знал, что персо-

нажи хотят таким образом решить, стоит ли его похищать. Однажды, когда он был в школе, они проникли в бабушкин дом и в каждой комнате установили свои малюсенькие камеры: в зеркалах, под кроватью и даже в глубине его шкафа.

Эммет быстро привык к этому чувству: чем бы он ни занимался, за ним наблюдают. Годами он жил, постоянно ощущая на себе взгляд камер. Годами ожидал приговора, которого так и не последовало. Намного позже Эммет понял, никаких камер нет, но по-прежнему жил так, будто за ним следит некто невидимый.

Уже приближаясь к дому, Эммет с удивлением понял, что за всю жизнь ни разу не усомнился в том, что за ним наблюдают. Ему было плевать, что по углам бабушкиного дома щелкают камеры и укрытия не найти, даже в темноте.

Эммет забыл, когда именно все изменилось, и всевидящее Око перестало смотреть на него с одобрением. Сейчас его преследовали не только в доме, но повсюду: наблюдали из машин и автобусов, из каждого окна на каждой улице, из любого кошелька любой сумки на плече любого прохожего. В городском шуме различалось щелканье миллионов крошечных затворов фотообъектива. Преломляя лучи солнца и звездный свет, эти объ-

ективы запечатлевали каждый миг его жизни.

«Ты только посмотри на себя, в каком ты состоянии», — думал Эммет, торопясь домой.

В удачные дни он еще мог заставить себя не слышать этих звуков. В удачные дни, даже прячась, он понимал, что камер не существует.

«Ты только посмотри на себя».

Эта картинка — он сам, по-мышиному снующий по улице, — показалась ему отвратительной. Эммет еще лелеял надежду, что способен превозмочь кошмарные видения, если не потеряет бдительности, но мир его становился с каждым днем все теснее.

«Домой», — шептал он на ходу.

Эммет представлял себя дома, наедине с собакой, вдали от соглядатаев. Он крепко прижал к себе сумку, будто чье-то тело.

«Домой».

Он твердил это слово вслух, пока не онемели губы, пока идущие навстречу пешеходы не стали оглядываться на бессвязно бормочущего человека.

6

Эммет жил на тихой улице, в доме из голубого крошащегося песчаника. Известняковый фасад облез, и дом походил на трущобу. Каждая ступенька отставала от основания крыльца, образуя трещину шириной в ногу, и покачивалась всякий раз, когда Эммет поднимался по лестнице.

Когда Эммет открыл входную дверь, ему на голову ссыпалась струйка песка. Он так привык к хрупкости дома, что не вздрагивал и не пригибался, когда на него падала известка. По утрам он часто находил на тротуаре кучки голубых камней, свалившихся с фасада. Ночью, лежа в постели, Эммет слышал, как они падают на асфальт — порой так громко, что Эммету казалось, будто кто-то ломится в подвал.

Он свыкся с тем, что здание разрушается. В каждой раковине текли краны, и вокруг стоков рыжели кольца ржавчины. В тишине из каждой комнаты раздавалось безостановочное *кап-кап-кап*, такое ритмичное и назойливое, оно не давало Эммету спать.

Эммет никогда не жаловался. Ни разу не попросил домохозяина починить трещину в стене,

трубу или сантехнику. Эммет знал, что хозяин его ненавидит и непременно выгонит, если ему докучать.

Другие дома квартала были коричневыми и одинаковыми, как строй солдат. Их плоские фасады стояли ровным рядком, скромно, чуть ли не почтительно отступив от улицы. Эммет чувствовал, что его жилище смущает соседей. Проходя мимо и глядя, как он возится с ключами, они приостанавливались, всем своим видом укоряя его, словно это он виноват.

Эммету не было дела до внешнего вида его дома. Эммет смотрел на него лишь несколько секунд в день, когда возвращался. В квартире Эммета было семь комнат — потолок в тринадцать футов, шестифутовой высоты окна со свинцовым стеклом. Все двери и шкафы — из полированного вишневого дерева. Дверцы чуланов тяжелые, некоторые давно сошли с петель; их прислонили к косякам, точно глыбы, завалившие вход в пещеру.

Эммет и выбрал эту квартиру потому, что она походила на пещеру. Долгое время из мебели у него были только складной столик в столовой, матрас и письменный стол в спальне и два складных стула, найденные в уличном мусорном баке. Ему нравился такой аскетизм, нравилось созна-

вать, что при желании можно собрать вещи за полчаса и исчезнуть в неизвестном направлении. В таком состоянии постоянной готовности Эммет находился с момента приезда в город. Он считал, его легкость послужит пропуском в любое место, где бы он ни пожелал жить.

Мать не завещала им с братом денег. Джонатану она оставила дом, желтый джип и норковую шубу, которую не надевала уже двадцать лет. Эммету досталась мебель и все, что было в доме.

Вещи матери привезли в двух фургонах, которые на целый день затормозили движение на улице. Эммет с ужасом наблюдал, как восемь мужчин таскают материнские вещи: столы, диваны, ковры, картины, стулья, лампы, телевизоры, стереосистему, гигантскую кровать из желтой меди, шкафы, китайский фарфор, хрусталь, журнальные столики, торшеры и даже голубые глиняные подставочки, на которые она ставила по утрам чашку с кофе, чтобы не испортить полированное дерево.

В ее столе Эммет обнаружил деревянную шкатулку, серебряные щетки и граненые флакончики с серебряными пробками. А еще ту самую фотографию сорокалетней давности, с гарденией, завернутую в голубую бумагу и перевязанную

розовой атласной ленточкой.

Эммет не нуждался в этих вещах. Вся мебель из резного красного дерева, такого темного, что отливала чернотой. Диванные подушки обтянуты двумя слоями темно-красного бархата. А на каждом свободном кусочке дерева вырезаны затейливые фигурки: единороги, кошачьи головы, жабы, херувимы, букеты цветов, солнце и луна с глазами, и все они пялились на Эммета из каждого угла.

Эммет несколько недель разбирал вещи и расставлял мебель. Одну спальню он решил оставить пустой, чтобы не совсем лишиться аскетизма, с которым жил последние годы, но спальня располагалась в конце коридора, далеко от центра квартиры. В остальных комнатах Эммет без конца устраивал перестановки, но все равно материнские вещи давили на него. Он спал на ее кровати. Работал за ее столом. Пил из ее кружек. Его комнаты походили теперь на ее комнаты, будто она завещала сыну свои пожитки, дабы преследовать его.

Эммет хотел большинство вещей продать, но не решался, опасаясь навлечь на себя проклятие, как могильщик, готовый продать мертвеца ради наживы. Диван с десятью танцующими херу-

вимами по краю резной спинки Эммет накрыл большим покрывалом. Остальное не тронул, потому что знал: даже занавешенное покрывалами, ее имущество будет господствовать в комнате.

— Вот я и дома, — сказал Эммет, погружаясь в огромное мягкое кресло. Он прошел пешком шестьдесят кварталов. Скинув куртку, он стянул рубашку через голову. Тело воняло, как протухшая еда.

— Я дома, — повторил он и вытерся рубашкой.

Собака не выбежала его встречать. Эммет тревожился: она становится какой-то безразличной, все чаще предпочитает дремать где-нибудь в углу. Иногда, подходя к дому, он за несколько кварталов слышал, как она воет — будто женщина, которой больно.

Эммет отволок покупки на кухню, вымыл морковку и разложил в ящике холодильника. Аккуратно расставил на полке собачьи консервы, выровняв надписи на банках. Пакет из такси он положил на стол — откроет позже, вознаградит себя за кормление собаки.

— Подойди, пожалуйста, у меня еда, — позвал он и услышал звяканье ошейника где-то внизу. — Это ты? — беспокойно спросил он.

Эммет посмотрел вниз, на лестницу в подвал.

— Кто там? — шепнул он в темноту. В квартире не было двери, отделяющей кухню от полуподвала. Эммет знал, что там находятся паровой котел, водонагреватель и электрические пробки, но ни разу не решился спуститься.

— Я сажусь есть без тебя, — сказал он, вспоминая, как мама часто говорила то же самое, когда они с братом слишком задерживались во дворе. И, наконец вбежав в дом, обычно они находили на столе остывшую еду.

Собака виновато взобралась по ступенькам. Будто желая приободрить его улыбкой, она обнажила зубы до самых коренных, пятнистые десны. Шерсть в песке. На голове, по бокам, торчали комья пыли, словно боа из перьев.

— Тебе нельзя туда ходить, — отчитал ее Эммет. — Там совсем не безопасно.

Несколько раз Эммет замечал здоровенных водяных клопов, которые медленно вползали на кухню, будто спасаясь от давки. Эти насекомые повергали Эммета в такой ужас, что он убивал их, через всю комнату швыряя ботинки. Пару раз ему пришлось перешвырять всю обувь, прежде чем он попал в цель.

Эммет затянул на затылке концы хирургической маски.

— Проголодалась, наверное, — обратился он к собаке. Пока хозяин жужжал электрической открывалкой, она прыгала от радости. — Эта еда мне дорого обошлась, — сказал Эммет сквозь маску.

Чтобы отвлечься от запаха спрессованного мяса, он путано рассказал собаке о своей прогулке. Эммет научился открывать банки, не глядя на содержимое, представляя себе, что он слепой, который учится готовить. Вываливая мясо из банки в миску, он громко запел, заглушая противный скользкий звук.

— Почему бы тебе не брать пример с меня? — предложил Эммет, ставя миску перед собакой. — Ты посмотри на себя. Ты от этого яда жиреешь. — Собака ликовала. Не успел он убрать руку, как она облизала ему пальцы и набросилась на еду.

Эммет вымыл руки и приготовил морковку. Аккуратно счистил кожицу, уселся за складной столик и принялся грызть морковку целиком. Открыл газету на разделе «Городские новости» и почитал в криминальной рубрике о вчерашних преступлениях.

В последнее время его очень интересовали криминальные новости, он прочитывал их от начала

до конца и теперь ощущал постоянную угрозу собственной жизни. Он завел привычку под вечер звонить брату и вслух зачитывать ему отчеты об ограблениях, изнасилованиях и убийствах из колонок на последней полосе газеты. «Сегодня семь краж и два убийства. Кто-то обокрал ювелирный магазин, угрожая пулеметом», — вчера объявил он Джонатану.

Даже его невозмутимый брат уже терял терпение.

— Прекрати читать эти сводки, — сказал он. — Считай, это как авиакатастрофы. Когда читаешь про упавший самолет, забываешь, что над головами летают сотни, а может, тысячи таких же самолетов и не разбиваются. Месяцами летают. А все эти дома вокруг, мимо которых мы каждый день ходим. Не во всех же орудуют воры.

— Это пока. Откуда нам знать, что там происходит внутри, если это не попало в газеты. Тайные ужасы творятся постоянно. Только счастливый случай оберегает нас от катастрофы. Боюсь, моя доля счастливых случаев подходит к концу.

— Нет, здесь не только счастливый случай важен. Ты можешь сам предотвратить несчастье. Ты ведь смотришь направо и налево, когда улицу переходишь.

Джонатан не понимал, что статьи в газетах казались Эммету намного правдивее и ярче событий его собственной жизни. Приходя домой с работы, Эммет сразу шел в столовую и разворачивал газету на складном столике. Он по нескольку раз перечитывал криминальную хронику. «Факты», — злорадно бормотал он, внимательно отмечая каждую деталь.

У Эммета в спальне, на стене, висела карта города. Он купил специальные цветные кнопки. Красная — убийство. Черная — изнасилование. Синяя — хулиганство. Эммет втыкал нужную кнопку в то место на карте, где совершено преступление. Однажды он видел такую карту в полицейском участке. На окрестных улицах кнопок пока не было, но они уже подбирались к нему со всех сторон. Подступали все ближе с каждой неделей, бросая тень на серо-зеленую поверхность карты, — словно атака вражеских войск.

Каждый вечер, кнопками отмечая места преступлений, Эммет чувствовал себя недремлющим стражем города. Он месяцами не выбрасывал ежедневные газеты, хранил их в пустой спальне. Газет накопилось так много, что он начал раскладывать их на полу аккуратными стопочками по неделям. Тридцать шесть стопок, уголок к уголку,

от понедельника до воскресенья.

Он частенько бродил среди газетных стопок, наслаждаясь их аккуратностью. Вскоре в его распоряжении будет целый каталог городских правонарушений за год, точно громадный календарь. Эммет считал, что создает застывшую картину повседневности, которую при желании сумеет в любую секунду оживить.

Эммет хотел лишь выиграть чуточку времени. Оглядываясь на свою жизнь, он спрашивал себя: «Неужели я всегда таким буду?»

В школе Эммет интересовался фотографией. Он вырос запуганным и диковатым и, окончив выпускной класс, открыть свое фотоателье не смог. Пришлось идти на службу в фирму, которая выпускала слайды с известных произведений искусства.

В лаборатории Эммет устанавливал фотоаппарат над фотографией картины в альбоме и фокусировал объектив до тех пор, пока все детали картины не попадали в дюймовый квадратик света. Нужно выбрать единственно правильный угол, чтобы захватить каждую деталь картины. Вечерами Эммет проявлял пленку, наблюдая, как она плавает в сосуде с химикатами, а изображения постепенно оживают. Он научился

безошибочно отличать безупречные оттенки при искажающем свете красных ламп в темноте. Удачную пленку он цеплял прищепками на веревку под самым потолком. Когда пленка высыхала, Эммет разрезал ее на прозрачные слайды и аккуратно вставлял их в белые рамочки. Он так привык к слайдам с глянцевых фотографий, что оригиналы картин в музеях казались ему неестественно большими и яркими.

В свободное время он редко притрагивался к фотоаппаратам — только поляроидом снимал царящий в городе беспорядок. Эммету больше нравилось делать записи. Каждый вечер перед сном он переписывал свои заметки в дневник — все до мельчайших подробностей. Несколько месяцев назад Эммет решил так, обнаружив, что к вечеру, еще до того, как он уснет, события дня расплываются и тают, будто сон после пробуждения.

Эммет записывал все свои телефонные разговоры на пленку, складывал ее в мешки для мусора и хранил в чулане. Порой открывал коробки, давно похороненные в шкафу, и перечитывал письма, ежедневники и старые записные книжки, пестрящие именами людей из прошлых жизней.

На доску объявлений, висящую рядом с кар-

той в его спальне, Эммет пришпиливал снимки знакомых. Пытался познакомиться с миром снаружи, вне жизни Эммета. Вырезал из газет фотографии политиков и известных чиновников и тоже прикреплял их к стене. Снова и снова перечитывал подписи, заучивая имена и должности, — прежде он учил так французские слова по карточкам.

«Это президент, — проговаривал он, изучая свою доску объявлений. — Это государственный секретарь, а это президенты Польши, Уругвая и Мавритании». Эммет очень гордился своей коллекцией — почти все главы государств, у него были сотни портретов людей чуть ли не из каждого населенного уголка планеты.

В дневнике он описывал маршрут от дома до работы. Всем своим знакомым он присвоил номера и, встречая их во время прогулок, записывал эти номера в правом уголке страницы. А над именем Джонатан он всегда надписывал 6 в кружочке, потому что шестерка — это линия метро, по которой Эммет обычно ездил к брату. Эммет описывал каждый свой выход из дома, каждую покупку и сколько денег потратил. Он записывал названия прочитанных книг и журналов. Любое оскорбление, услышанное на улице, или

бессвязное бормотание сумасшедшего, которое он принимал на свой счет, находили себе место на страницах его дневника.

Рядом с датой он изображал свое настроение в виде стрелки, указывающей то вверх, то вниз, как медсестры, бесстрастно наблюдающие за ходом болезни у пациентов. Он не был уверен, мудро ли поступает, осознавая каждый свой промах и каждую огорчительную перемену в себе, но намного хуже позволить себе деградировать, ничего не предпринимая.

Эммет положил дневник на газету. Пальцы запачкались в типографской краске. «В 1.35 на 95-й улице банда из двадцати воров ограбила шестерых человек». «У речного причала найден труп женщины». Он записал эти события в дневник и выбрал для них красную и синюю кнопку из пластиковой коробочки, которую хранил в ящике кухонного стола. Затем описал все, что с ним произошло сегодня, начав с водителя такси и закончив магазином и дорогой домой. Эммет взглянул на термометр за кухонным окном и записал в верхнем углу страницы: «93 по Фаренгейту».

Увлекшись дневником, он совсем забыл про украденную сумку.

— Пойдем посмотрим, — сказал он собаке.

Он вынул из пакета и поставил на стол коричневый бумажный сверток. Отвернувшись, завязал ленту, надеясь, что сейчас пред ним засияет сокровище. Но когда бумага распалась, воздух наполнился вонью. Эммет увидел половинку сэндвича с яичным салатом. Засохший желток потемнел и затвердел. К нему опухолью прилип белок.

Под сэндвичем лежал плоский серый камень размером с кусок хлеба. Он был завернут в бумагу и стянут резинкой. Эммет развернул бумагу. Там красными чернилами было напечатано:

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ ДЕДУШКА ЕНОТ ПОСПЕШИЛ В ДОМ АРАБЕЛЛЫ И АЛЬБЕРТА. ТАМ ПРОИЗОШЛО ОГРАБЛЕНИЕ, КРИКНУЛ ОН. ГДЕ БЛИЗНЕЦЫ?

Эммет рассмеялся: какая нелепица. Громко прочел послание собаке. Потом перечитал про себя. И еще раз перечитал.

Эммет рассеянно взвесил камень в руке.

«Если в этих словах нет никакого смысла, — рассуждал он, — зачем понадобилось заворачивать в эту бумагу камень?»

Он изучил надпись: имена, печатные буквы,

орфография без ошибок.

«Может, это просто детская игра? — подумал он. — Чтобы учителя помучить». Но ребенок не будет сам останавливать такси. Эммет не представлял себе, как ребенок без взрослых машет таксисту и забирается на заднее сиденье.

Он попытался рассуждать логически. Вполне возможно, этот камень планировали бросить ночью кому-нибудь в окно как предупреждение, понятное только посвященному. Какой-нибудь пароль вроде тех, что похитители людей оставляют в газетах: никто не поймет, кроме человека, владеющего ключом.

Но если преступник так тщательно продумал тактику действий, вряд ли он мог забыть пакет в такси. У Эммета родилась мысль, что сообщение предназначается лично ему, что это угроза. Но откуда им было знать, что Эммет остановит именно эту машину? Он никому и словом не обмолвился, куда собирается. А кроме того, он всегда менял маршрут, чтобы избежать слежки.

Эммет беспокойно зашагал вперед-назад по комнате. От множества версий у него закружилась голова. Разочарование и волнение нарастали. Что привело его к этому сообщению в такси, словно к бутылке с запиской в море? Он

попытался уверить себя, что находка совершенно случайна.

«Преступление или случайность?» — вслух спросил себя Эммет.

Однако в голове роились логичные объяснения, и поверить в простое совпадение было уже невозможно. В дневнике Эммета описано немало странных событий, которые сбивали его с толку. Часто они казались случайностями, но Эммет опасался, что за ними скрывается тайный смысл, который он не мог расшифровать, сколько ни старался.

Невозможно выбрать из кучи гипотез. Эммет никогда не найдет разгадку — разве что придумает. Он давно перестал доверять собственным выводам, хотя еще на что-то надеялся. Ему требовалось нечто отдельное от него самого, чем дальше от его мозгов, тем лучше. Он боялся, что иначе не изменит свою жизнь.

«Это ведь что угодно может быть, — в отчаянии думал Эммет. — Что угодно».

Он открыл окно и выбросил сэндвич во двор. Смял записку и подержал над конфоркой, наблюдая, как бумага синеет, потом рыжеет, потом превращается в пепел. Он и видеть ее не хотел. Хотел все забыть. Все равно не отыскать причины.

7

— Только вообрази, — эти слова мать обычно говорила Эммету, прощаясь перед очередным отъездом. — Только вообрази, где я окажусь и что буду делать. Представь себе комнату, в которой я буду жить, очень-очень подробно. Куда я пойду ужинать. Как я буду туда добираться. И тогда я останусь с тобой, в твоем воображении. А если ночью ты вдруг испугаешься, что я никогда не приеду, вообрази, что я умерла, а дальше представь себе жизнь без меня, только с бабушкой. Тогда научишься искать выход из любой ситуации.

Обычно мать становилась беспокойной, стоило ей вернуться в бабушкин дом, поставить сумки у кровати и обнять Эммета с братом. Мама очень редко говорила: «Видели бы вы места, где я побывала!» Чаще она развлекала их описаниями мест, куда отправится в следующий раз, будто смысл каждого путешествия — в ожидании его.

Только вообрази.

Эммет живо помнит ее: запах волос, глаза, манеру сидеть, скрестив голени. Он бы все отдал, лишь бы увидеть ее совсем молодой, не

обремененной детьми и прошлым. Позже, когда мать состарилась, он пытался разглядеть в ее бесстрастном, преждевременно увядшем лице необузданную дикую душу. Но ничто не выдавало переживаний: не догадаешься, что же она знает, чего боится, что думает о прожитой жизни.

Эммет старался застигнуть мать врасплох: неожиданно вбегал в ее спальню, незаметно выскальзывал с черного хода и следил за матерью, когда та гуляла, поднимал трубку параллельного телефона, чтобы подслушать ее разговоры. Сейчас он жалел, что в то время у него не было магнитофона. Он бы записал ее голос. Эммет плохо запоминал голоса. Эммету казалось, мать говорила тихо и лукаво, но во сне ее голос был слаб и немузыкален, как нытье ребенка за стеной.

Она не вела дневников. Не писала писем, разве что вежливые записки — благодарность за приглашения на обед, подарки и мелкие любезности. Путешествуя, она всегда звонила домой по телефону. Лишь однажды прислала Эммету открытку из Вест-Индии. Рыжая обезьяна, свисающая с лианы. На обороте мать написала: «На этом острове обезьян больше, чем людей, — и это как раз по мне».

Все, что он знал о матери, было почерпнуто из бабушкиных рассказов, собственных наблюдений и пары сокращенных версий анекдотов, которые мать рассказывала, изредка возвращаясь в их жизнь.

За два года до появления Эммета она родила мертвого ребенка. Она его носила восемь месяцев, а он появился на свет бездыханным, точно кукла. Ребенку дали имя и похоронили на гавайском кладбище у подножия вулкана, под белой мраморной плитой с вырезанным в ней ангелом. Мать одна поехала на Гавайи — похоронить ребенка там, где он был зачат. Пока она распоряжалась насчет похорон, гроб с телом младенца стоял в подвале розового отеля. По крайней мере, так говорила бабушка.

Однажды в Колорадо Эммет нечаянно увидел, как она спит на полу у каминной решетки. Она лежала на животе, вытянув руки над головой, будто ныряльщик. Через другую дверь, не заметив Эммета, в комнату вошел мужчина. Из своего угла Эммет видел, как мужчина поставил ногу ей на шею и покачал туда-сюда. Мать проснулась. Эммет запомнил ее глаза над шерстяным ковром, выпученные, словно у рыбы, взлетевшей над волноломом.

Мужчина не убирал ботинок, массировал ей спину, давил на позвоночник. Ее кости трещали, как поленья в костре. Она дышала прерывисто, в такт движениям его ноги; он будто играл на ней, как на музыкальном инструменте, управляя ее вдохами и выдохами. Наконец, с застывшей ногой, что по-прежнему пригвождала мать к полу, мужчина склонился и губами коснулся ее шеи, быстро, словно дикое животное.

Эммет с детства считал мать человеком, находящимся во власти движения. Сидя за столом, она так трясла худыми ногами, что стол ходил ходуном. Она то и дело наклонялась вперед, ладонью отбрасывая волосы со лба, и ее бриллиантовый кулон-талисман стукался о подбородок, вылетая из выреза блузки и ныряя обратно; мышцы постоянно напряжены, словно под током.

С возрастом ее движения стали чрезмерно осторожными — так человек, только что переживший инсульт, заново учится ходить, еще не вполне доверяя своему телу.

В сорок лет мать объявила, вернувшись из очередной поездки: «Все, надоело путешествовать. Больше никуда не поеду». Эммет и Джонатан давно уже ходили в школу. Мать купила дом и заполнила его вещами, которые впоследствии

завещала сыновьям.

Она как-то сразу потеряла красоту. Перестала носить чулки, и варикозные вены синими червями вздулись на ногах. Стала ходить в клетчатых юбках, которые подчеркивали отяжелевшие бедра. Больше не красила волосы, и в них проступила седина. В манере сквозило теперь жеманство, какого не было раньше, — мать словно доказывала, что когда-то была желанна. Она заявляла, что больше не прочтет ни одной книги с несчастливым концом и не будет смотреть фильмы, в которых кто-то умирает или несчастен в любви. Она следовала своим новым принципам с гордостью, будто это не ограниченность, а благородная строгость.

Всякий раз, когда Эммет с Джонатаном, уже взрослые, приходили к ней в гости, она вглядывалась в их лица, словно гадая, многое ли они забыли, и надеясь, что они помнят ее лишь такой, какой она стала в зрелые годы, — подчеркнуто благопристойной, отчего они отдалялись. Она вела себя так, будто жила в подполье, и любой разговор мог разоблачить секреты их общего прошлого и нанести ей смертельный удар. После этих встреч Эммет, пораженный ее виной, сутками терзался: «Что она натворила? Что она

натворила?»

В горах, где они жили с матерью в детстве, часто случались грозы — налетали неожиданно, средь бела дня. Безоблачное небо чернело, мощные раскаты грома сотрясали дом, точно пороховые выстрелы.

Мать шла с ними в коридор, где не было окон, и отвлекала игрой.

— Это боги стучат в железные бубны, — говорила она, вопя и улюлюкая. Она приносила из кухни миски и давала детям по деревянной ложке. Они все вместе колотили по перевернутым мискам, заглушая гром. — Громче неба, — выкрикивала мать, — бейте громче неба! — Сверкала молния, и мать орала: — Это выстрелы солнечного ружья! Это ангелы идут за нами! — Она доставала из кухонного ящика фонарь и мигала им в темноте, а Эммет и Джонатан грохотали ложками.

Однажды они попали в грозу, когда ехали в машине. Эммет заметил, как мать, напряглась и отчаянно огляделась, ища укрытие. От волнения рука на рычаге дрогнула, двигатель заглох, и тут же сверкнула молния, осветив машину. До дома оставалось несколько миль.

— Пойте, — скомандовала мать и защебетала тоненьким сопрано первый куплет гимна, кото-

рый выучила в школе: — «Если я в немилость к Богу попаду…» — Ее голос набрал силу. Молнии сверкали над самой машиной. Эммет помнил, что вода хлестала по крыше, как из пулемета, а мать перекрикивала гром: — Пойте, пойте, пойте. — Они, запинаясь, повторяли за ней, но она всякий раз начинала с начала, пока слова гимна не заполнили всю машину магией спасения, обступили их троих, будто чесночный круг от нечистой силы.

— Громче, — требовала она, не давая им перевести дух. — Громче. — И, наконец, все трое уже истерически визжали.

Когда гроза миновала, все смущенно и виновато притихли.

— Да уж, — напряженно сказала мать. — Это было нечто, правда, ребята? — И рассмеялась, будто это была игра.

Машина снова тронулась, выехала на дорогу, и Эммет поразился, какую чистую, светлую ночь оставила после себя гроза. Луна его ослепила.

Он стоял между двумя передними креслами, чтобы в зеркало заднего вида поглядывать на фары машин позади, и, когда мать свернула с дороги к дому, в зеркале светло-голубой вспышкой сирены мелькнула луна. С каждой метаморфозой

света Эммет чувствовал, что природа рядом, и она бьет тревогу.

8

— Во сне у меня был пистолет, — шепнул Эммет в телефонную трубку, прижимаясь щекой к подушке.

Чтобы согреться, он придвинул к себе спящую собаку. Псина уткнулась носом ему в шею и радостно захрапела. Эммет слышал, как размеренно стучит у нее в груди, рядом с его собственным колотящимся сердцем.

— Мне снилось, что у меня пистолет, а город весь в огне, со всех сторон сирены ревут, и стекло бьется. На тротуаре толпа, все скорчились и нацелили пистолеты мне в голову, но ни один не стреляет. Кроме меня. Я пробираюсь сквозь толпу и стреляю во все стороны. Они все так близко, что я могу дулом ткнуть кого-нибудь прямо в ухо. Я все стреляю и стреляю, и после каждого выстрела видно, как у них лопается кожа, видны мышцы и кости, но ни один не падает, и крови тоже нет. Целятся в меня, зубами скрипят, а я только думаю, что надо сматываться… Понятия не имею, почему они не стреляли. И не знаю, почему ни один не умер. Не знаю даже, зачем я хотел их убить, знаю только, что они сбились в кучу, чтобы остановить

меня и не дать мне что-то сделать. Но они меня не трогали: я был такой легкий. Я перепрыгивал через них и прыгал так несколько миль по всему городу, до угла, тут неподалеку. Однако они меня почему-то опередили. Толпа загородила мне дорогу, гогоча и улюлюкая, а мой дом горел. В конце концов, они дали мне протиснуться сквозь толпу, чтобы спасти собаку, и меня пропустили, но, как только дверь за мной захлопнулась, дом взорвался, словно это было подстроено как раз к моему приходу, и я превратился в шаровую молнию, заметался над улицей, горел, горел, такая круглая штука без рук и ног, только жар и огонь… От меня стали отлетать куски, знаешь, как хлопья пепла из костра. И каждый кусок меня люди в толпе хватали и размазывали по лицам, как боевую раскраску. Потом от меня уже совсем ничего не осталось, одни красные угольки, и, когда они выкатились на тротуар, люди радостно бросились их затаптывать, словно джигу танцевали, и, когда последний уголек потух, я проснулся. Дикость, да? Извини, что так поздно звоню, но я понятия не имею, что это значит.

— Да уж, не слабо, — хрипло выговорил Джонатан. — Но все равно забудь об этом. Это всего лишь сон. И ничего он не значит.

— Но я же в них стрелял, — продолжал Эммет. — Это они были в опасности, не я. Мне прежде ни разу не снилось, что это я причиняю боль. Как думаешь, что это значит?

— Что сейчас лето, жара, и тебе нужно поспать. Мне постоянно снятся сны. Но я выкидываю их из головы. С реальной жизнью они не имеют ничего общего.

— Но ведь все меняется, — сказал Эммет. — Ты разве не чувствуешь? Помнишь, как мы приехали сюда? Мы ведь даже не предполагали, что когда-нибудь захотим уехать?

— А я и не хочу, — буркнул Джонатан.

— Не хочешь? Но ты помнишь, как было вначале? Какие мы были бесстрашные? Где ни появись — все будто создано специально для нас. А сейчас все не так. Куда ни пойду, кажется, что вламываюсь. И постоянно, днем и ночью, где бы я ни был, за мной следят.

Эммет услышал, как Джонатан заворочался в кровати — вроде бы сел. Голос низкий, усталый.

— Ты забыл, — сказал он. — Безопасно никогда не было. Просто раньше ты на это плевал. Я вижу те же самые улицы, что и ты, когда из дома выхожу. Ничего не изменилось. Ты тут живешь. Здесь твое место.

— Ты не понял. Во сне мне нравилось держать пистолет. Он был приятный, я как бы стал непобедимым.

— Тебя с пистолетом смешно представить. У тебя его сразу отберут и тебя же застрелят. Ты слишком заметная мишень.

— Да ты не понимаешь. Ты просто ко мне привык. Почему, скажем, родственники преступника так удивляются, когда узнают, что он натворил? Они поверить не могут, что пропустили, что-то важное не заметили в человеке, с которым так долго жили бок о бок. В газетах об этом часто пишут. Ты не понимаешь. Ты просто не понимаешь.

— Я понимаю, что уже ночь. Нам обоим нужно поспать. Помнишь то лето, когда я жил с отцом в Филадельфии? Помнишь, я звонил тебе в Калифорнию каждый вечер, и мы с тобой засыпали с телефонными трубками. Это был первый телефонный номер, который я запомнил в жизни. Давай сейчас так сделаем. Ложись и закрывай глаза. Если этот твой сон начнется опять, ты крикни мне в трубку, и я проснусь. Это ведь почти как в одной комнате быть.

— Я тогда всю ночь слушал, как ты дышишь в трубку, будто в рот ее засунул, — сказал Эммет.

— А я иногда думал, что ты умер. Просыпаюсь, а трубка молчит. Будто провода обрубили.

— Ты ведь младше меня. Слушай, тебе правда ничего? Скажи, когда я слишком далеко зайду, ладно? Мне еще ненадолго понадобится твое терпение. — Эммет сам в это не верил, но знал, что брат хочет услышать эти слова.

— Эммет, если мы сейчас не уснем, получится, что ты действительно зашел слишком далеко. Все очень просто. Ты будешь спать. И я буду спать. Все довольны. Спокойной ночи, Эммет.

— Ты правда не будешь волноваться из-за пистолета?

— Спокойной ночи.

Эммет отпихнул собаку и сел, привалившись к спинке кровати, вслушиваясь в дыхание брата, которое постепенно становилось все сильнее и глубже. Он представил себе долговязое тело Джонатана, лежащее в постели всего лишь в семи кварталах от Эммета.

Джонатан забормотал во сне. Эммет приложил ладонь к губам, чтобы не слышать собственное дыхание, и с силой прижал трубку к уху, словно прикладывая к груди брата стетоскоп, но не разобрал ни слова, только ворчание и долгий вздох.

Придерживая трубку одной рукой, Эммет

выключил настольную лампу. Все утонуло в полумраке: все черное по краям, но тонкое и полупрозрачное в середине. Неземная тишина, будто на всей планете дышит один Эммет. Ему захотелось ее нарушить, выкрикнуть что-нибудь в неподвижный воздух, но он чувствовал, как и на него наползает непривычный покой, словно привидения душат.

«Я будто плыву в стекле, — подумал он. — В жидком стекле».

Стены, потолок и пол: все размякло и задвигалось. Эммет очутился в неустойчивом и непрочном пространстве.

— Джонатан? — шепнул он в трубку. — Ты не спишь, Джонатан?

Эммет не знал, что скажет, если брат отзовется. Эммет никому не смог бы объяснить, как прошлое отрывается от всего, что он знает, убегает и уносит с собой его назначение. Что он чувствует, будто его изгнали отовсюду, где ему место, даже из собственного тела. Работал ли Эммет, бродил ли по улицам, ездил в гости, в минуту отстраненного спокойствия лежал в постели, недвижно свернувшись калачиком, — на него безжалостно обрушивалась энергия.

Чтобы сориентироваться в этом невероятном

пространстве, Эммет подумал о нескончаемых слоях материального мира под собой: увидел свое тело на матрасе, ровно лежащем в тяжелой медной раме. Ниже — массивные ножки кровати, они упираются в вощеный деревянный пол, а под ним — четыре фута цемента. Он знал, что в потолке подвала — цельные каменные балки, до самого фундамента дома, который сто одиннадцать лет простоял в глубокой яме. Эммет представил себе плотно слежавшуюся землю, на которой стоит город, незримую, а еще глубже — тысячи миль земли, от верхнего слоя к центру планеты и дальше к другому полушарию. Но и представив себе эту картинку, Эммет был словно корабль, сорвавшийся с якоря, рискованно уплывший в никуда во мраке ночи.

Иногда по ночам страх был так велик, что Эммета тянуло выбежать наружу, до утра носиться по улицам, звать на помощь, выкрикивая невнятную тарабарщину, какую бубнят люди в метро. Но все-таки Эммету хотелось жить среди людей. Он знал: если устроить такую вылазку, дороги назад не будет. Если он потеряет контроль над собой при свидетелях, все изменится бесповоротно.

Эммета мучила история про поэта, который сошел с ума, и друзья стали его избегать. Он умер

в одиночестве на Таймс-сквер, и его окоченевшее тело несколько дней пролежало в морге — никто его не забирал. Друзья и не заметили, что поэт исчез. Может, потом они виновато радовались, что телефон молчит, что прекратились пьяные телефонные звонки и ночные визиты.

Если бы Эммету предложили загадать любое желание, он бы встретился с друзьями того поэта и спросил, как это происходит: по каким правилам настолько от кого-то отказываешься. Он не знал, каковы границы заботы. Не знал, как далеко зашел и сколько ему еще предстоит.

Эммет понимал, что проигрывает. Его безумие сидело на нем верхом и понукало. По утрам он смотрел на себя в зеркало с ужасом, словно мог распознать признаки своего падения. Он хотел понимать, каковы его шансы, пока не случилось самое страшное. Он не желал верить в беспросветную жизнь, в которой нет надежды на спасение, нет сетки, что поймает падающее тело, даже если в это трудно поверить.

Собака захныкала во сне. Ее лапы брыкались, будто она кого-то преследовала или убегала от невидимой погони. «Интересно, что ей снится? — подумал Эммет. — Кролики, птицы? Или взбесившееся стадо, которое ее преследует?»

Собачьи глаза безумно вращались под веками. Эммет не знал, снятся ли ей сны в картинках или ее охватывает безликий страх, инстинкт из глубины сознания, заставляющий бежать.

— Хорошая собачка, — сказал он и положил руку ей на сердце. Собака мгновенно угомонилась. Она сладко зевнула и перевернулась на спину, разбросав мягкие лапы — передние согнулись и упали ей на грудь. Эммет зарылся лицом в собачью шерсть, прижимая трубку к уху и надеясь, что брат заворочается. В трубке ничего не было слышно.

Что будет, если закричать в трубку? Вряд ли брат проснется. Во сне Джонатан еще дальше. Еще дальше, чем если бы положил трубку. Тогда Эммет смог бы ему перезвонить.

— Спаси меня, — прошептал он в телефон. Он был уверен, что брат его не слышит. Эммет втайне надеялся, что послание все же доберется до спящего Джонатана, останется в его сознании. Как учить иностранный язык: некоторые кладут под подушку магнитофон.

Эммет обвел взглядом комнату, тяжелую мебель, зеркала в рамах из темного дерева, три граненых флакона на льняной салфетке, расстеленной на письменном столе. На флаконах

выгравированы две тоненькие танцовщицы, словно покрытые инеем. Эммет разглядывал их, и вдруг они ожили, зазмеились, вертя подолами. Обе по очереди махали ножкой в сторону оцепеневшего Эммета.

— Ты здесь, — сказал он, хватаясь за прохладные медные поручни. Подушки навалились на него, мягкие, белые, будто кожа. Все в комнате закачалось, задвигалось, словно все перевернулось с ног на голову, и Эммет — единственный мертвец среди оживших вещей.

Он подумал о брате, который спит в нескольких кварталах отсюда. Они соединены только проводами, а в трубке даже треска не слышно, Джонатан теперь вне досягаемости.

— Спаси меня.

9

— Ты вся грязная, — сказал Эммет собаке, стряхивая отпечатки лап с простыни. — Слезай. — Эммет взял псину на руки и отнес под стол. — Тут ты будешь в безопасности. — Он поставил стул, загородив ей проход.

Потом он быстро натянул джинсы и тонкими резинками закрепил штанины у лодыжек, чтобы не болтались и не мешали ходить. Надел футболку на много размеров больше, чем нужно, завязал лишние складки в узел за спиной, будто закручивая густые волосы в пучок.

Эммет ходил по комнате, включая сначала верхний свет, потом настольную лампу с рифленым стеклянным плафоном, потом маленький ночник, прикрученный к кровати. Тени рассеялись, и спальня ожила. Эммет старался не обращать внимания на бюро с гранеными флаконами: фигурки танцовщиц по-прежнему плавно извивались. Всякий раз, когда он нечаянно скользил по ним взглядом, они смещались на пару дюймов влево, потом вправо, будто кордебалет.

Эммет сел в кресло, обхватив руками колени, и уставился на бюро. Он заставлял себя вглядывать-

ся в каждое движение фигурок на флаконах, пока не выучил все жесты наизусть и призрачные шажки не приелись.

«Я могу привыкнуть к чему угодно, если оно станет ежедневной рутиной», — напомнил себе Эммет.

Сидя в кресле, Эммет припоминал все, что читал о жизни разных людей, которые стойко преодолевали ужасные катастрофы. Он вспомнил, как учитель рассказывал историю о писателе, которого парализовало, болезнь ползла от ступней к шее, неторопливо, и в конце концов у писателя остались подвижными только веки. Несколько месяцев он лежал без движения, как труп, на диване и моргал. Так он надиктовал последнюю главу своей книги: каждая буква была зашифрована специальным кодом из подмигиваний.

Эммет представил, что его закопали в песок по горло, как он печатает текст, буква за буквой, слово за словом, пока не заполнил страницу. «Слабак, — ругал он себя, глядя на танцующих женщин. — Все это такая ерунда. Ты хоть двигаться можешь! Ты настолько живой, что вокруг тебя все постоянно вертится».

Эммет утешал себя, понимая, что ничего не выйдет. Каждая секунда жизни полна болезнен-

ной настороженности. Внутреннего стражника не усыпить. Что таится за танцующими фигурками? Что меня ждет? Эммет всюду чувствовал чье-то незримое присутствие, словно в соседней комнате притаился вор, в любую минуту готовый ворваться сюда: из каждого предмета в квартире, из каждой частички воздуха, которым дышишь. Беспрестанная бдительность утомляла. Мир вокруг менялся все быстрее, а Эммет не мог найти средство, чтобы измениться самому.

Он не знал, по каким правилам течет его нынешняя жизнь. Само время стало осязаемо, Эммета словно трепал вихрь, как путешествовать со скоростью звука, и дни его измерялись световыми годами. Эммет будто проносился мимо всех, кого знал, и смотрел на них как из параллельного мира — узник в чужом пространстве, Эммету нет в нем места, но пространство не отпускает.

Эммет взял флакон. Повертел в руках, удивляясь, каким обыкновенным кажется стекло. Женские фигурки перестали плясать, едва он поднес флакон к глазам. Эммет вынул из корзины с грязным бельем футболку и вытер ею все желобки на стекле. Похлопал по флакону ладонью, подбросил его и поймал двумя пальцами. Потряс над головой, небрежно зажал между коленей и,

не глядя, перекинул из руки в руку за спиной.

«Я разобью его вдребезги, если они еще раз зашевелятся», — уверенно подумал Эммет, вдруг вспомнив, что все же имеет власть над флаконом.

Эммет поставил флакон обратно на бюро. Пока он победитель. Эммет стал прохаживаться по комнате, ожидая новых неприятностей. Он знал, что уже не уснет.

Он внимательно осмотрел стены, окна, опущенные жалюзи. Он приподнялся на цыпочки, выглянул в окно, однако увидел только собственное, темное и расплывчатое лицо, отраженное в черном окне.

— На улицу? — вслух спросил он. Собака выскочила из-под стола и бросилась к его ботинкам. Она завертелась на деревянном полу и засуетилась между полками, ища поводок.

— О, нет, ты не пойдешь. Мы с тобой слишком заметны, — сказал ей Эммет, бочком выходя за дверь. Собака пыталась протиснуться в щель вслед за ним. Из коридора он услышал, как собака бросилась на дверь.

— Иди и ложись, — приказал он через стену, слушая, как собака прыгает на скользкую дверь и царапает пол. Она лаяла и обеими лапами

скребла замок.

— Хорошая собачка, — попытался утешить ее Эммет, — хорошая собачка, хорошая. — Он говорил все громче, пока не вышел на улицу.

На крыльце Эммет замер и огляделся, прислушиваясь. Он заметил облако сигаретного дыма у окна в доме напротив; красная точка сигареты ярко вспыхнула и побледнела.

Все лето Эммет чувствовал, как соседи следят за ним, дежурят, по очереди заступая на вахту. Они дремали в креслах на балконах, без конца подметали тротуар перед домами, пока асфальт не начинал блестеть. Стоило соглядатаям учуять неладное, они мгновенно передавали друг другу сигнал тревоги — как перестукивание через тюремную стену. Незнакомцы многозначительно кивали Эммету, будто недавно прочитали его личное дело, рассмотрели фотографию и запомнили лицо. Эммет подозревал, что они обсуждают его за ужином и скоро начнут сообщать о нем в письмах друзьям и родственникам, которых он никогда не увидит.

На случай, если кто наблюдает, Эммет напустил на себя небрежный вид и спустился с крыльца, прыгая через две ступеньки. При этом он беззвучно шевелил губами, будто насвистывая.

Стремглав несясь по тротуару, Эммет старался изгнать мысли о соседях-шпионах. Он сосредоточился на движениях своего тела, бегущего сквозь влажную ночь. Футболка развевалась на ветру и парусом раздувалась на спине. Он пробежал аптеку на углу, продуктовый магазин, миновал банк и кинокомплекс — знакомые вывески — и ринулся по тропинке к реке.

Светофоры ослепляли его, тянулись к нему лентами цветных лучей: красный, желтый, зеленый, красный, желтый, зеленый, оставляя за его спиной россыпи разноцветных искр.

«Крылья», — неуверенно подумал Эммет и набрал скорость.

Он махал рукавами, бил ими по бокам, легко мчась по тротуару, и лодыжки трещали, как кастаньеты: щелк-щелк-щелк, щелк-щелк-щелк. Звук загипнотизировал Эммета, будто он сам стал ритмом, сплошным движением, летящим через город.

«Крылья», — сказал он себе, чувствуя, как тело сопротивляется ускорению.

Сердце колотило о ребра. Воздух сдавливал легкие. Эммет попробовал выдыхать медленно. Тугие резинки на штанинах цеплялись за волосы на ногах всякий раз, когда он отрывал подошву

от земли. Ноги онемели, туфли гулко шлепали по асфальту, будто пришитые к ступням.

Эммет увеличил шаг, чтобы реже касаться земли. «На трещину наступил — свою маменьку убил», — засмеялся он, прыгая через щербины в асфальте, — три, четыре, пять, шире ноги, еще шире. Он перепрыгивал целые асфальтовые плиты, чуть не взлетая.

— Пространство для вдоха, — задыхаясь повторял он. Вскоре он оказался на пустыре, где домов было меньше и начались склады.

— Пространство для вдоха, — часто говорила мать, когда они ездили за город. Сидя за рулем, она нередко пугала их ужасами городской жизни. Внушала им, что городские жители душат и грызут себя. — Хуже пираний, — говорила она, — среди них и минуты не прожить.

Однажды в Колорадо она указала Эммету на группу мужчин, которые шли по главной улице шахтерского городка.

За несколько минут они прошли всю улицу, остановились в конце, помялись и повернули обратно. Эммет с матерью наблюдали, как мужчины без конца ходят взад-вперед, останавливаясь в конце улицы, будто наталкиваясь на невидимую преграду.

— Умножь их на миллион, — с отвращением сказала мать, — и получится целый город. Только там все будет в сто раз хуже.

Эммет думал, как улицы кишат всеми этими миллионами, и втайне трепетал. Нагота городка испугала его даже на расстоянии, мужчины превратились в сплошные пальто и шляпы, неясные силуэты. «Они могут делать, что пожелают, — думал Эммет, представляя себе жизнь рядом с ними. — Слишком мало народу, никто не увидит, никто не остановит». Жизнь этих людей, казалось ему, походила на святилище семьи. Плохое поведение скрывается, как семейная тайна, передается из поколения в поколение.

«Они и до меня доберутся», — думал Эммет, словно уже попал в ловушку. В то время страх его был почти бессознательным, шел прямо от сердца, как у животных, чующих опасность. Тревога охватывала все его существо даже в те минуты, когда он сидел на склоне холма, держа мать за руку: «Уходи, убегай, убегай».

С раннего детства Эммет чувствовал в себе некоторую странность, которая настораживала окружающих. Может, они догадывались о каком-то секрете, что просвечивал в его манере поведения, а может, то было нечто еле уловимое,

как испарения из пор. Когда Эммет входил в комнату, пускай смиренно и молча, там воцарялась тишина. Его рассматривали с интересом, который он привык считать ненавистью. Всюду одно и то же, где бы Эммет ни жил. Но когда он поселился в городе один, на него снизошла легкость, будто впервые в жизни Эммет стал видимым, но незаметным: неопознанным телом, что инкогнито бродит по улицам.

Куда бы Эммет ни ходил в то время, как бы ни удалялся от дома, он не знал враждебности, ибо улицу воспринимал как продолжение квартиры. Дома стали ему стенами. Куда бы он ни уезжал, он хотел вернуться домой, к своим секретным маршрутам, туда, где можно затеряться в тайном лабиринте проходов, коридоров и лестниц. Всякий раз, когда он заворачивал за угол, за ним будто хлопала дверь, и он спешил вперед.

Иногда по вечерам он выбирал себе случайный ориентир в нескольких милях от дома и направлялся туда, а бывало, бродил бесцельно, шел куда глаза глядят. Он задумал обойти каждый уголок города, запомнить каждый закуток и каждую тень. Подобно скрупулезному картографу, Эммет верил, что на каждой прогулке подбирается все ближе к сердцу удивительной тайны. Он мог бы

шагать вечно, неотступно, в любом направлении, и лишь река останавливала его и заставляла вернуться домой.

Гуляя по улицам, сидя на скамейке в парке или дома у окна, Эммет гадал об истории жизни прохожих по обрывкам их разговоров, стилю одежды и прическам. Было время, когда он верил, что может угадать, что представляет собой человек, лишь взглянув на его стрижку или на отвороты джинсов, как лингвисты умеют по еле уловимому акценту распознать, откуда человек родом.

Эммет притормозил каблуками, пробегая мимо вывески «Продается», которую прежде ни разу не видел. Она висела на доме, где он жил до того, как переехал в свою теперешнюю квартиру. Сто лет назад здесь был отель для моряков. Квартира Эммета располагалась на нижнем этаже башенки, из которой открывался вид на реку. Лампа дневного света, которую Эммет когда-то установил, чтобы выращивать цветы, до сих пор горела в окне бледно-лиловым светом.

Эммет встал на цыпочки, стараясь разглядеть какие-нибудь следы новых жильцов. Когда-то белые стены перекрашены в блестящий красный. В углу гостиной — дерево с оранжевыми цветами. Эммету захотелось позвонить в дверь

и попроситься внутрь, посмотреть на прежнюю квартиру, но вряд ли жильцы пустили бы в дом незнакомца.

Он мысленно перебирал тех, с кем подружился здесь, кто исчез из его жизни. Сосчитал незнакомцев, которых летними вечерами приглашал наверх, облокотившись на подоконник. Он помнил всех, даже тех, чьих имен не знал. В этой квартире останавливался Джонатан, переехав в город. Эммет тут жил, когда умерла мать.

За несколько лет Эммет успел пожить в четырех домах, разбросанных по всему городу. Он часто приходил к ним, ловя в себе намеки на теплые воспоминания, но дома оставляли его пустым, как комнаты, из которых он когда-то выезжал. Интересно, думал Эммет, что он ощутил бы, глядя на бабушкин дом или на те дома, где они жили когда-то с матерью. Остался бы он таким же безразличным, как сейчас, на этой безлюдной улице.

«Мне тут делать нечего», — пожал плечами Эммет, свернул за угол и стал пробираться среди машин. Он сел на цементный парапет у причала и растер затекшие ноги. Снял футболку, вытер ею мокрые волосы, потом набросил ее на плечи и тщательно расправил, прикрыв костлявую

грудь.

Он ухватился за сетку забора и вытянул ноги. Прижавшись лицом к сетке, всмотрелся в город на той стороне реки: освещенные здания, неоновый свет, заливающий горизонт над шоссе, черная вода бурлит течением.

Пока Эммет не переехал в этот город, он не знал, что ночью река бывает прекраснее, чем днем; он это понял, когда по берегам поставили фонари. В местном музее он видел картины, изображающие эту местность до того, как ее обжили. Ни дорог, ни городов, только жалкие домики и фермы. Днем она, скорее всего, походила на сотню других таких же, а ночью полностью исчезала. Благоустроенный город очень нравился Эммету, особенно ночью — такого света уж точно не было больше нигде на земле: в невозможно яркой темноте он после полуночи временами даже читал на ходу. В те годы Эммету казалось, что у него хватает времени на все, потому что день не прерывался ночью, как в других городах, он длился, один час перетекал в другой. Казалось, вот она — вся жизнь перед ним, любой день можно начинать в любой момент, когда захочется.

Прислонившись к забору, грезя, Эммет понимал, что ничего не изменилось: те же огни, река,

рев машин и даже здание, где когда-то был его дом. Но теперь вода казалась черной и ужасной, будто ожившее море, в нем плавали нечистоты и тела безымянных утопленников.

Раньше Эммет не чувствовал опасности. Раньше он не верил, что угроза возможна. «А что, если Джонатан прав? Что, если так было всегда, но изменился я сам, и теперь меняется все вокруг?»

«Но ведь у меня есть доказательства, — тут же подумал он, вспомнив списки в столе, снимки городских нарушений. — Их ведь с каждым днем все больше». Он бегло осмотрелся: дыры в досках причала, мусор, гниющий в переполненном баке, машины, припаркованные в неположенном месте, прямо у пожарных гидрантов. «702-A… 357-C… 509-4… 34-D… 857-1» — подсчитал он беспорядки, попавшие в поле зрения.

«Это ведь любому видно, — уверил он себя. — Проблемы только множатся». Да, нужно признать, что, впервые приехав сюда, он бродил беззаботно, занятый лишь прекрасными видами. Но ведь тогда он знал меньше, чем сейчас.

Невероятно, что он был настолько слеп. Он годами жил среди улиц, которые теперь разбухают и сворачиваются под ногами, будто желая поглотить его. Невероятно, что мозг так сильно

поражен, что пытается уничтожить каждый дюйм земли, которого касается тело. «Тогда неважно, где я нахожусь. Куда ни пойду, это будет меня преследовать», — безрадостно подумал он.

Эммет ступил в круглую лужицу фонарного света. «Так что, себя, что ли, винить?»

Он снова отошел к причалу и нырнул глубже в тень под цементной стеной. У ног плескалась вода, своими языками тянулась к нему, все ближе, ближе.

«Так что, себя винить?»

10

Может, собаке было одиноко. Может, ей требовалось еще одно животное, общаться с ним, пока Эммета нет дома.

Эммет боялся, что ее вой раскроет секреты их дома, и людям будет казаться, что сами стены воют, посылают сигнал о помощи. Эммет умолял ее замолчать. Каждый день, перед тем как выйти из дома, он садился на скамейку рядом со складным столиком и упрашивал собаку вести себя тихо. Он пытался подкупить ее обещаниями бесчисленных подарков. Он ловил ее взгляд, как советовали в инструкции по дрессировке, и приказывал ей смотреть в глаза. Без толку. Едва Эммет сходил с последней ступеньки крыльца, страдальческий вой прошивал его насквозь и летел дальше, к соседним домам.

Эммет пробовал помочь собаке. Скрыть тревогу; уверял собаку, если та дрожала, что видит в ней только хорошее. Даже не намекал, что боится за их жизни. Но с каждым днем вой усиливался, будто от собаки ничего не скроешь, будто он все равно ее заразил, будто она озвучивала то, что Эммет хотел спрятать у себя в голове.

Эммет слышал ее вой за несколько миль от дома, даже на тротуаре в час пик или в подвальном баре у реки, даже под землей, в переполненном вагоне метро.

Эммет не знал, можно ли ее спасти. Отчаявшись, он решил завести еще одно животное. Сначала подумал о собаке, но потом решил, что рисковать не стоит. Она могла заразиться той же тоской. Он представил, как они обе горестно стенают в унисон из разных комнат. Если ей и вправду не хватало общения, лучше уж завести кошку. Кошек, по крайней мере, не слышно на улице, какими бы несчастными они ни были.

Кошек Эммет еще никогда не заводил. Он чесался от их шерсти, как будто она отравленная. Когда он был маленьким, у матери его лучшего друга жили шестнадцать кошек. Когда хозяйка ложилась вздремнуть, кошки укладывались рядом на ее кровати, переплетаясь, словно разноцветные лоскутки стеганого одеяла.

Эммет изучил в газете объявления приютов для бездомных животных, где можно взять кота бесплатно. Почти все находились далеко, в районах города, где Эммет никогда не бывал. Но один приют, давший самое скромное объявление в одну строчку, располагался поблизости.

Он принял душ. Оделся консервативно. Протер лицо кубиком льда, чтобы щеки порозовели и посвежели. Порылся в ящике и отыскал фотографию студенческих времен: он слушает уличный концерт, сидя на траве, а рядом собака. Положив морду ему на грудь и щурясь, она глядит в объектив. Эммет вспомнил, как чесал ее за ушком, а другой рукой гладил по курчавой шерсти. Она шевелилась от удовольствия, и, когда щелкнул объектив, виляющий хвост расплылся на снимке.

Эммет положил фотографию в задний карман и погладил собаку по морде.

— Подожди немножко, увидишь, какой я тебе подарок принесу. Больше тебе не придется беспокоиться. Наша жизнь изменится.

В приюте на табурете у конторки дрожала миниатюрная собачонка. Кроме нее, внутри никого не было. Окровавленный бинт болтался у нее на шее, как галстук. Шерсть вокруг бинта выбрита, кожа серая, расцвеченная алыми нарывами. Из невидимых комнат доносился неистовый лай, точно консервными банками колотили о тюремные решетки.

«Только кошку», — напомнил себе Эммет, еще раз вообразив двух собак, без надзора слоняю-

щихся по квартире. Через окно он увидел другую комнату забитую клетками с кошками всех возможных мастей. «Может, одна из них будет моей?» — разволновался Эммет, и ему вдруг показалось, что жизнь вот-вот изменится к лучшему.

Эммет посмотрел на пса, дрожащего на табурете.

— Кошку, — виновато сказал он. Пес задрожал еще сильнее.

Эммет подошел к нему и протянул руку, чтобы тот ее понюхал. Чем ближе он подходил, тем сильнее пес дрожал: от кончиков пятнистых розовых ушей до кривых бежевых лап. Когда Эммет наклонился через конторку, чтобы погладить пса, тот в ужасе затоптался на месте, словно не Эммет, а какой-нибудь садист угрожал ему пистолетом и приказывал танцевать.

— Все хорошо, — проворковал Эммет, положив подбородок на конторку. — Тебя никто не возьмет, если будешь так себя вести. Сделай глубокий вдох.

Пес задыхался и беспрестанно высовывал язык. Глаза заволокло клейкими слезами, они собирались в шерсти на щеках.

— Кто-нибудь тебя полюбит, — с сомнением сказал Эммет.

— Не трогайте Голубку, — приказал голос за спиной.

Эммет виновато попятился и отвернулся от собаки.

— Простите, — ответил он полной женщине в голубой форме, какую мог бы носить механик. На кармашке жирными красными буквами было вышито имя: «Джоан».

— Я не знал, что здесь кто-то есть. Так это Голубка?

— Да, — сказала Джоан. — А в чем дело? Вам не нравится? Я им сама даю имена.

— Э-э-э, просто мне кажется, это очень необычное имя. Особенное, — сказал Эммет. — А давно здесь этот пес?

— Не пес, а собака, — огрызнулась Джоан и погладила раненую Голубку нежно, будто соболиную шкурку. — Я нашла ее несколько недель назад, на берегу. Она почти умирала от голода. Ей недавно сделали операцию. Я ее посадила у двери, чтобы немного подбодрить. Пускай почувствует себя сторожевой собакой, может, это придаст ей уверенности. Со временем любого можно вернуть к нормальной жизни, если действовать обдуманно и не спешить. Так вы кого ищете? Славную маленькую собачонку?

— Вообще-то кошку. Чтобы составила компанию моей собаке, когда я ухожу из дома.

— Ну, насчет этого ничего не могу сказать. Собака очень привыкает к хозяину, и тут вы вдруг заводите кошку. Собака ведь может ее даже убить. Как бы вы себя почувствовали в детстве, если бы ваша мама взяла приемного ребенка и заперла вас с ним в одной комнате? Не очень, а? Добавьте к этому инстинкт охотника, которого у вас нет. А у любой, даже самой милой собачки он есть. Кошка с собакой — извечные враги. Мне нужно подумать. Вы надолго уходите из дома каждый день? Заполните-ка эту анкету.

Джоан протянула Эммету три листа бумаги.

— Садитесь сюда, рядом с Голубкой, — сказала она и вышла в кошачью комнату. Кошки оживились. Сквозь стекло Эммет видел, как у них открываются рты — мяукают за решетками.

В анкете оказалось больше вопросов, чем при поступлении на работу. Адрес, телефон, количество комнат. Собственное ли жилье или съемная квартира, есть ли из дома выход во двор, сколько часов в день отсутствуешь. В последнее время Эммет ходил на работу лишь пару раз в неделю, но если учесть все его прогулки, получалось, что дома он почти не бывает. «Шестнадцать ча-

сов, — подумал он. — Иногда и больше». В графу он вписал: «три». На вопрос о профессии ответил: «частная практика», словно это объясняет, почему он столько времени проводит дома.

Количество детей и их возраст. «Никого, кроме домашних животных», — написал он. Рекомендации от двух людей, с их телефонами, домашним и рабочим. А также телефон ближайшего родственника, живущего отдельно. Количество животных, которыми Эммет владел, и причину их смерти. «От старости», — написал он.

Внизу большими буквами были напечатаны условия договора, который следовало подписать. В случае выдачи животного приют оставляет за собой право посетить клиента без предупреждения, чтобы проверить условия содержания его питомца. Значит, кто-то может явиться к нему в любое время. Эммет замер, представляя себе, как станет бояться выйти из дома, ожидая инспекцию.

«Через неделю оставлю записку, напишу, что внезапно переехал в другой штат. На ферму», — решил он и поставил подпись над пунктирной линией. Между страницами Эммет вложил свою фотографию с собакой.

С анкетой в руке он постучал в стекло коша-

чьей комнаты. На коленях у Джоан нежились три кота. Белый с коричневыми ушами, черный и один с мускулистыми ногами и полосатой рыжей шерстью. Когда Джоан встала, рыжий задержался у нее на животе, сопротивляясь земному притяжению и всеми четырьмя лапами уцепившись за ее униформу, а потом спланировал на пол. Воспарил, на пару секунд завис и пролетел половину комнаты. Приземлился на задние лапы, небрежно мяукнул, облизал лапу и энергично почесал ею под подбородком.

Джоан подошла к Эммету в приемной, не обращая внимания на летающего кота.

— Частная практика? — спросила она, изучая анкету. — Знавала я кое-кого с частной практикой. Все звери умерли, только не от старости.

Со второй страницы ей на колени соскользнула фотография. Она посмотрела на собаку, уютно растянувшуюся поперек Эммета, будто они влюбленная парочка.

— Милая псинка, — смягчилась Джоан. — Люблю больших собак. Ее стерилизовали?

— Когда ей было шесть месяцев. В мире и так полно ненужных щенков, я не хотел их множить.

— Молодец. А давно она у вас живет?

— Ой, много лет. У нас так много общего. Она даже в отпуск со мной ездит. Но я подумал и решил, что несколько часов в день, когда меня нет дома, ей бы не помешала компания. Она ведь уже пожилая. Знаю, что глупо так говорить, но я очень боюсь, как бы она не умерла в одиночестве, когда я, например, пойду в банк. Так хотя бы рядом будет кошка.

Джоан прервала его:

— А почему не собака? Подыщем маленькую, неприхотливую. — Она нагнулась, и Голубка облизала ей щеки змеиным язычком.

— Это условие моего договора аренды. Разрешают только одну собаку. Я думаю, кошку никто не заметит. Я могу прятать ее отходы в мешках для мусора. Никто не догадается.

— Ну, тогда, наверное, пожилую кошку, — вздохнула Джоан, — такую, которая раньше жила с собакой. Вы попробуете, понаблюдаете за обстановкой и, в крайнем случае, вернете ее обратно. Мне нужно проверить документы кошек. Я их не так хорошо помню, как собак. Они все сливаются. Вы пока осмотритесь, откройте клетки, а я вам кого-нибудь подберу.

— Вы хотите сказать, мне выпустить их всех? — Эммет думал, что подождет в специальной

комнате, и ему станут приносить кошек по одной. Ему вовсе не хотелось оставаться одному в кишащем животными помещении.

— Не стесняйтесь. Для танго нужны двое. Вам может понравиться одна, а она, допустим, будет не в восторге от вашего запаха или от того, как вы двигаетесь. У них, у кошек, свои критерии. Их не обманешь. Знаете, какими злыми они бывают, жуть. Так вы уверены, что не хотите собаку?

Эммет засомневался.

— Кошку. Уверен. Кошку.

Джоан деловито взялась за картотеку, а Эммет на цыпочках прошел в кошачью комнату. Увидев его, звери зашипели и сморщили носы, будто их раздражал новый запах. Эммет нерешительно протянул руку к первой же клетке, как давным-давно, когда заставлял себя убить паука. Затем отодвинул пальцем щеколду.

Он почувствовал себя увереннее и пошел к остальным клеткам, одним щелчком открывая дверцы одну за другой. Ни одна кошка не проявила к нему интереса и не захотела выходить, кроме котят, которые с готовностью вытянули навстречу мохнатые головы.

— А ну, обратно! — приказал Эммет, осторожно закрывая дверцу. Он представил себе, как его

собака, с воем мотаясь из комнаты в комнату, одним движением лапы расплющивает молодые косточки.

Эммет стоял посреди комнаты среди открытых клеток. За ним пристально следило множество черных зрачков. Каждый кошачий мускул напрягся, готовясь к схватке. Эммет испугался, что Джоан, увидев всех этих съежившихся кошек, ни одну ему не даст. Эммет скрипуче почмокал губами, надеясь, что так запищала бы мышь, опрометчиво перебегающая комнату. Он весело похлопал в ладоши. С каждым хлопком кошачьи уши раздраженно прижимались к голове, будто вдоль стены дул сильный сквозняк, пригибая головы одну за другой.

Крайняя клетка в первом ряду оказалась пуста. Эммет и не заметил, как рыжий полосатый кот, спланировав с коленей Джоан, проскользнул за дверь. Теперь он вернулся и потерся о ноги Эммета, гордо вытягивая голову. Он высоко поднимал каждую лапу, потом медленно опускал, будто вместо нежных, безволосых, розовых подушечек на лапах были тяжелые дорожные ботинки.

Эммет очень обрадовался, что хотя бы один кот от него не шарахается. Эммет решил, что этот предназначен ему судьбой. Он присел на

корточки и почесал кота за ухом. Тот блаженно зажмурился, уперся своей крепкой головой ему в пальцы и замурлыкал: казалось, каждый волосок вибрирует. Даже губы кота повлажнели от удовольствия.

— Ты мой? — спросил Эммет и потянулся к нему, чтобы взять на руки.

Эммет держал кота пузом вверх, и в пушистом меху виднелись точки сосков. Кот восторженно вздохнул и приготовился мяукнуть. Звук совсем не походил на мяуканье — больше на скрип ботинка по отполированному полу. Высокий, писклявый голос так не подходил к мужественной наружности, что сердце Эммета сжалось от любви. Кот словно посвятил его в тайну своей нелепости.

— Ага, нашли друга? — сказала Джоан от дверей. Эммет почему-то смутился, будто его застали за интимным занятием. Он прикрыл кота рукой и повернулся к Джоан.

— Мне кажется, он доволен. Он один из всех сам меня предпочел. Такое впечатление, что он меня выбрал, а не наоборот.

— В идеале так и должно быть. Пусть животное само решает. Про этого кота я мало знаю. Ему года четыре. Странствовал по улицам, а

несколько месяцев назад пришел и поселился у нас. Он кастрирован — значит, успел пожить у людей. Заметили, как он ходит? Странно, да? Как мясник какой-нибудь. Глядя на него, невольно задумаешься о реинкарнации. Может, и мы были такими раньше, а может, станем такими, что еще ужаснее. Если реинкарнация существует, как вы думаете, в каком направлении мы движемся? Я хочу сказать, интересно: собаки с кошками идут после людей или до? То есть плохая собака в следующей жизни становится человеком или плохой человек становится собакой? А ведь еще жуки и рыбы. Птицы. Классификация меня как-то пугает.

— Может, в этой жизни ему неплохо жилось, — сказал Эммет, укачивая кота. Тот спал глубоко, будто впервые расслабившись после длительного шока.

— Кажется невинным, да? — сказала Джоан, подходя ближе. — Но и змееныши, наверное, выглядят невинно, с определенной точки зрения.

— Можно его взять? — тихонько, чтобы не разбудить кота, шепнул Эммет.

— С вами, кажется, все в порядке. Да и коту вы понравились. Что вы с ним сделали? Впихнули ему снотворное, чтоб успокоился?

— Нет. — Эммет повысил голос, чтобы кот пошевелился. — Как вы могли так подумать? Это ведь кот…

— Да бог с вами, успокойтесь. Я пошутила. Бывают же такие обидчивые люди. Забирайте кота, только подпишите документ. Время от времени, когда у меня выходные, я без предупреждения заглядываю к хозяевам зверей. Не беспокойтесь, я ненадолго. Посмотреть, как животные чувствуют себя на новом месте. Убедиться, что они привыкают. Есть свои хитрости. Например, резко поднять руку у пса над головой. Если он пригнется, значит, его бьют. Или ногой брыкнуть — посмотреть, побежит он прятаться или нет. Очень резко надо. Собаки не говорят. На них не видно синяков, по крайней мере, не так, как у нас. У многих черная кожа. Поэтому нужно чувствовать их страх, атмосферу ощутить. Вы ведь понимаете, о чем я? Собака сама подскажет, если она несчастна. Такой своеобразный язык знаков. А вот кошка не может. Или не хочет. Они ведь не признаются, что несчастны. Сказать по правде, по кошкам сложнее понять, страдают они или нет. Внешние признаки — это одно: вот подстилка, вот миска, вот игрушки, вот туалет. Но кроме явного членовредительства, разгадать

что-то еще… я не ручаюсь. Не ручаюсь.

— Не волнуйтесь. Я живу один, и мои животные получают больше ласки, чем иные люди. У него будет отличная жизнь. — Эммет поцеловал сонного кота в нос. В глубине кошачьего горла мягко заурчал моторчик.

— Они прямо как машины, правда?

— Нет, они живые, — сказал Эммет, лаская кота. — Мурлыканье — это как живой детектор лжи, встроенный в их тела. Когда коты счастливы, они не могут это скрыть, даже от самих себя. Они ничего не могут поделать с собственными телами.

Джоан фыркнула:

— Это вы так думаете. Они часто включают моторчик, когда им что-то нужно. Это же кошки. Людям всегда кажется, что они все знают про животных, но я бы не поручилась. Говорю вам, кот всегда себе на уме. Я еще не разобралась, но уверена, что они такие. Ну да бог с ним, подпишите вот здесь и забирайте кота. Это будет испытательный срок, пока мы все не проверим. Не думайте, что я вам не доверяю, но мы бы папу римского проверяли, если б ему взбрело в голову взять у нас зверя. Это мое первое правило — прежде чем кому-то доверять, постарайся застать его врасплох. Я вам принесу коробку.

Эммет прижал кота к плечу и наклонился, чтобы подписать договор. Кот проснулся, замурлыкал громче и мокрым, твердым носом уткнулся Эммету в шею. «Нет, это не притворство», — подумал Эммет и неуклюже поставил подпись. Лицо уже чесалось от кошачьей шерсти.

Джоан вернулась с коробкой с газетами.

— Так ему будет удобнее. Хуже нет носить котов на руках по улице. Стоит им испугаться, как они вонзаются в вас когтями, и только их и видели.

Она проверила подпись и сама подписалась внизу.

— Ну, вот и готово. — Казалось, она хотела задержать его подольше, но не знала как. Эммет не понимал, то ли она еще сомневалась, отпускать ли кота, то ли просто скучала здесь одна.

Эммет взял коробку подмышку и прижал к боку. Кот, потеряв равновесие, соскользнул в угол. Эммет выровнял коробку.

— Ну что ж, не забывайте нас, — уверенно сказал он, надеясь, что Джоан передумает заходить, увидев, что этот визит его не беспокоит.

Джоан проводила его до двери с Голубкой на руках.

— Ну, вы знаете, где меня найти, если все-таки надумаете взять собаку. Собака вам помо-

жет, — прибавила она и помахала Эммету лапой Голубки.

Эммет поблагодарил, вышел наружу и вздохнул с облегчением. Что бы он ни делал, даже простейшие вещи, стоило ему невероятных усилий и казалось тщательно продуманным, словно преступление.

«Не вижу, почему мне нельзя завести кота, — успокаивал себя Эммет по дороге домой. — Я же ничего плохого не сделал». Однако беспокоился он так, будто совершил что-то нехорошее.

Эммет прибавил шагу, прижимая коробку к себе. «Я просто пытаюсь исправить положение. Хочу, чтобы все было как надо», — твердил он про себя, мечтая, как кот успокоит собаку. По крайней мере, он в кои-то веки постарался предотвратить катастрофу. Он представил себе, как много пользы принесет этот первый отважный шаг. Если собака успокоится, его собственный страх улетучится быстрее.

Приближаясь к дому, Эммет услышал знакомый одинокий вой. «Мой план сработает», — подумал он и взбежал по лестнице. В спешке открывая дверь, он резко опустил коробку на пол, кот крякнул и заскреб когтями, стараясь сохранить равновесие. Закрыв за собой дверь, Эммет успока-

ивал себя мыслью, что в последний раз слышит этот безумный вой.

— Да, да, да, я дома, — пробормотал Эммет, и собака заворчала от радости. — Ты опять выла, ай-яй-яй. — Но собака так радовалась, что не замечала укора. Она восторженно скалила зубы.

— Догадайся, кто там? — с гордостью сказал он, постучав по коробке. Он поставил коробку на пол и приказал собаке сидеть. Собака нетерпеливо задрожала, тихонько поскуливая, как обычно делала, предвкушая угощение.

— Подожди, — приказал Эммет, удерживая ее и закрывая ей глаза рукой. Другой рукой он открыл коробку.

Кот высунул сонную голову. Осмотрелся и в нескольких футах от себя увидел взволнованно трясущуюся собаку. Кот зашипел и с пронзительным воплем выпрыгнул из коробки, угрожающе дергая хвостом, словно взбешенный тигр.

«Ррав», — один раз гавкнула собака, будто поддразнивая пришельца. Кот взлетел в воздух и спланировал через всю комнату, как в приюте. Он приземлился в холле, на приличном расстоянии от Эммета.

Эммет пошел его искать, надеясь, что кот отсиживается в соседней комнате. Но там кота не

было. Его не было ни в столовой, ни на кухне. Эммет сжал губы и зачмокал, изображая мышиный писк. Сообразив, что кот исчез, он запищал совсем жалобно. «Он должен быть где-то здесь», — твердил себе Эммет, осматривая мебель, заглядывая в каждый шкаф, в унитаз, в каждую комнату.

Кот как сквозь землю провалился.

Эммет почувствовал легкий сквозняк из столовой, где окно было приоткрыто как раз настолько, чтобы кот легко проскользнул на улицу. Сетки на окне не было. «Неужели он…» — Эммет высунулся из окна и посмотрел, нет ли на асфальте кошачьего трупа.

Громко зазвонил телефон. «Это из приюта, — подумал Эммет, застыв от ужаса. — Джоан что-то забыла мне сказать». Он знал, что, если возьмет трубку, она по его голосу обо всем догадается. Станет его подозревать, подумает, что Эммет настолько жесток, что и часа не утерпел. А если он не возьмет трубку, Джоан решит, что он ушел, оставил кота наедине с собакой. Она сразу поймет, какой он безответственный. В следующий свой выходной она, возможно, придет пораньше и проследит, как Эммет выходит из дома, а потом посчитает, сколько часов он отсутствовал.

«Ну вот, как быстро я все испортил, — отругал

он себя и выскочил из квартиры. — Теперь еще и Джоан будет меня преследовать», — думал он, вспоминая, как подписывал договор, и эта бумага сразу показалась ему зловещим признанием.

— КОТ…КОТ…ПОЖАЛУЙСТА…КОТ…ВЕРНИСЬ! — истерично выкрикивал Эммет молчаливым стенам домов. Он запер собаку в доме и теперь бегал по улице, осматривая кусты, в которых мог бы скрываться кот, если успешно приземлился.

Из окон квартиры доносился пронзительный вой. Эммету раньше не сознавал, насколько этот вой ужасен, как он усиливается до крещендо, потом стихает до хныканья, которое, кажется, вот-вот смолкнет, но через мгновение снова набирает силу, и каждая волна все безутешнее.

«Убью собаку», — подумал Эммет, прислушиваясь. Он представил себе, как прижмет ее к полу и схватит руками за горло.

«Но ее глаза будут меня преследовать». — Он представил, как ее морда исказится от ужаса предательства, когда она вдруг поймет, что человек, которого она любит больше всего на свете, желает ей смерти. Эта картина омрачит ему всю жизнь.

Из-за куста выскочила крыса, а Эммет уже обрадовался, что нашел кота. Ничто вокруг больше не шевелилось. Эммет забеспокоился, что его ко-

пошение в кустах привлечет внимание соседей.

«Нет, легче обмануть Джоан насчет кота, чем вынести этот безумный вой, да еще в такой поздний час». Он скажет ей, что по дороге домой воры выхватили у него из рук коробку. Он заставит себя плакать в трубку. Попросит другого кота, и чтобы она сама проводила его до дома. «Я заставлю ее поверить мне, она поверит мне», — монотонно твердил он, возвращаясь в квартиру.

Собака так расстроилась, когда хозяин ушел, что даже не заметила, как он вернулся. В квартире ее вой был просто невыносим — казалось, ее пытают.

— Иди сюда, иди сюда, — позвал Эммет, вбегая в гостиную и обнимая ее.

На диване в боевой позе стоял кот. Он больше не шипел.

«Значит, он прятался в чулане», — подумал Эммет, успокаивая собаку. Та бегала кругами: от него к коту и обратно, тыча в обоих носом.

Кот ни разу не дрогнул, когда она к нему подбегала. Он уже отстаивал свою территорию и всем своим видом показывал, что он у себя дома.

Теперь они будут жить втроем.

Собака запрыгнула Эммету на колени. Кот на полу прикрыл глаза и включил свой моторчик.

Он осклабился, подбираясь ближе, и потерся о джинсы Эммета, оставив в воздухе шерсть, светящуюся, как от радиации.

11

Выходя с собакой на полуночную прогулку, Эммет не выключил свет в спальне. Он еще не мог рисковать, оставляя ее дома одну. Появление кота ничего не изменило. Даже когда собака мирно сворачивалась калачиком на диване, глаза ее бегали под закрытыми веками, и, стоило Эммету потянуться за курткой или просто заправить рубашку в брюки, она бросалась к двери и так яростно скреблась, что из-под лап разлеталась деревянная стружка. Потом она откашливалась, как бы прочищая горло для грядущего воя.

На улице Эммет намотал поводок на руку, глядя на свои освещенные окна. Он размышлял, стоит ли вернуться и выключить свет. Может, без света квартира будет казаться естественней? Совсем недавно он узнал о своих соседях кое-что новое, и это заставило его усилить бдительность.

Неделю назад он открыл дверь и увидел, что миссис Дью на улице раздает какие-то листовки. Даже с десяти футов он смог прочитать заголовок печатными буквами: «Уничтожим вредителей».

Эммет в последнее время раздумывал, как изменить тактику общения с соседями. Он решил

сбить их с толку дружелюбием, однако они не поддавались и, завидев его на улице, безразлично спешили мимо. Атакованная вредителями миссис Дью была стационарным объектом, и Эммет с улыбкой приблизился к ней.

— Тараканы? — спросил он, показывая пальцем на листовки.

— Можно сказать и так, — пренебрежительно ответила миссис Дью. Она протянула листовку пожилой чете, которая приветствовала ее улыбками.

Эммет обошел соседку и встал сбоку, не давая ей повернуться к нему спиной.

— Они неуничтожимы, — шепнул он ей на ухо. — Они древние, как динозавры. Что-то мне подсказывает, что мы должны обращаться с ними уважительно. По крайней мере, они прожили на земле дольше нашего. К ним можно относиться хотя бы как к мигрантам. — Эммет выдавил смешок.

— Марджори! — окликнула миссис Дью женщину в голубом халате в цветочек. Пока женщины разговаривали, Эммет отошел, чтоб они не подумали, будто он подслушивает, но в то же время чтобы миссис Дью не могла от него улизнуть. Время от времени женщины оборачивались на

него, будто мечтали, чтобы Эммет ушел.

«Это мой шанс остаться победителем, — подумал Эммет, удерживая позиции. — Если я сейчас сдамся, никогда больше не найду в себе сил продолжить борьбу». Он наклонился и выдернул из трещины в асфальте два сорняка. На случай, если миссис Дью заметила, Эммет рукой смахнул грязь с асфальта и вытер ладонь о рубашку.

Едва Марджори отошла, Эммет потянул миссис Дью за рукав.

— Я где-то читал, что тараканы — единственные живые существа, способные выжить после ядерной войны. То есть мы все сгорим, а их внутренние органы смогут противостоять чему угодно, даже атомному взрыву. Однако не отчаивайтесь. Я знаю прекрасный способ их вывести. Радиация нам не поможет, но если вы насыплете дома борной кислоты, их тела мигом изничтожатся. Даже мусора не останется. Нет, они, конечно, не взорвутся, просто сгниют изнутри.

— О чем вы говорите?

— Я нечаянно заметил заголовок вашей листовки. О вредителях. — Эммет попытался заглянуть в листовку, но миссис Дью прижала бумаги к груди. Он с надеждой улыбнулся. «Если я заставлю ее дать мне листовку, моя жизнь изменится», — за-

гадал он, будто сорвал четырехлистник клевера.

— Меня люди беспокоят, а не насекомые. У меня дома нет насекомых.

— И у меня нет, — солгал Эммет, вспоминая полчища тараканов, прячущихся среди газет в пустой комнате. — Просто я читал об этом в журналах. У меня есть специальная папка с полезными советами, я ими всегда пользуюсь в случае необходимости. Ведь ко всему нужно быть готовым, не так ли?

— Потому я и потею сейчас на солнце, — сказала миссис Дью, изучая свои листовки. Она в десятый раз осмотрела Эммета, задержав взгляд на серой футболке, висящей на нем, как пижама. — Думаю, вам тоже можно дать. — Она неохотно протянула ему листовку. — Мы готовим собрание на следующей неделе. Хотим, пока не поздно, совместными усилиями выселить жильцов из 202-го. От них ничего хорошего не жди. — И она пантомимой изобразила укол в вену. Даже перевязала себе руку невидимым резиновым шнуром. Потерла пальцы, изображая деньги.

— Но как мы это докажем? — с воодушевлением спросил Эммет.

— А как мы можем не знать, что происходит прямо перед нашими окнами? — Она сделала

многозначительную паузу, как бы намекая на секрет, известный только им двоим.

Эммет густо покраснел. Он всегда чувствовал себя виноватым, когда обвиняли другого. Даже когда в его присутствии ругали незнакомца. Если мимо проезжала полицейская машина с ревущей сиреной, Эммет задерживал дыхание, пока она не исчезала из виду. Давным-давно он запомнил наизусть номера всех домов в своем квартале, но на всякий случай, чтобы миссис Дью не связывала его с правонарушениями, спросил:

— А что это за дом, 202?

— Серый, углом к вашему. Я бы сказала, вы проходите мимо по десять раз на дню. Со своей большой собакой. И хочу добавить, в такие часы, когда приличные люди уже спят.

— Я болен бессонницей, — сказал Эммет. — А люди, страдающие бессонницей, знают, что эта болезнь не легче любой другой. — И бесстрашно прибавил: — А раз вы знаете мой распорядок дня, значит, и сами страдаете бессонницей.

— Изредка, — призналась миссис Дью, глядя в землю. — Просто люди много чего говорят. Так и узнаешь обо всем.

— Разговоры бывают сплетнями, — жалобно отозвался Эммет. — Люди иногда ошибаются.

— Да, возможно, — нахмурилась Дью.

— Хорошо, увидимся на собрании. Во всеоружии, как говорила моя мама.

Миссис Дью фыркнула и протянула листовку женщине с коляской. К коляске были привязаны розовые воздушные шары.

Эммет побежал домой, радуясь, что его приняли. «Я выиграл», — ликовал он и представлял себе званые ужины с присутствием всех соседей. Воображал, как они будут умолять его дать им совет по воспитанию капризных детей. Раздумывал, не предложить ли им услуги воспитателя, тем самым поправив бюджет.

Несколько дней Эммет перечитывал листовку, пока не выучил ее наизусть. Он держал под неусыпным надзором здание через дорогу, словно это была его работа. Ему хотелось проследить за всем, что происходит в 202-м, чтобы на собрании удивить соседей своей бдительностью. И тогда они, возможно, примут его в свою компанию.

По утрам жалюзи были опущены. В доме как будто спали. Но поздно ночью у крыльца собирались группки людей, которых Эммет раньше никогда не видел. Хозяйка приглашала их войти одного за другим и через несколько минут с улыбкой провожала. Держалась она невозму-

тимо. Единственной подозрительной деталью были длинные рукава, даже в жаркие дни. Эммет представлял себе ее руки в синяках и следах от игл. Он ни разу с ней не заговорил, но несколько раз приветливо помахал рукой, надеясь, что, если миссис Дью удастся выселить эту женщину, та не догадается, что Эммет способствовал этому.

Но сегодня вечером, когда Эммет готовился выйти из дому с собакой, женщина из 202-го постучала в дверь.

— Привет, — сказала она, заглядывая в коридор. — Я Анита, живу через дорогу. Вы не могли бы одолжить мне молоток?

Эммет замялся. Как-то нагло с ее стороны приходить к незнакомцу за молотком. Могла бы попросить у знакомого соседа. Хотя, может быть, от нее все шарахаются.

Собака протиснулась в коридор поприветствовать гостью. Эммет оттянул ее за ошейник, и женщина ловко проскользнула в гостиную. Обошла всю комнату.

— Большая квартира, — восхитилась она.

— Мне требуется много места, когда ко мне приезжают дети. — Эммет надеялся, что, если эта женщина опасная, возможно, она запомнит, что дом часто полон невинных детей. Она осмотре-

ла его руки, на которых не было обручального кольца.

— Я разведен, — сказал Эммет. — Но с детьми вижусь как можно чаще. У меня трое.

Женщина подошла поближе и уставилась на его нижние веки, пытаясь вычислить возраст. Эммет попятился.

— Так вы, похоже, еще молоды.

— Слишком молод, — значительно произнес Эммет. Потом добавил: — Но когда ты влюблен…

Он показал на фотографию крестников.

— Милые мальчики. Блондины такие, — сказала она.

Эммет смущенно потрогал свои каштановые волосы.

— Боюсь, у меня не доминантные гены. — Он изобразил смешок.

Женщина прошлась по комнате, провела пальцем по полке со стерео, как будто проверяла, нет ли на ней пыли.

— Сколько комнат?

— Только три, — сообщил Эммет. Двери в остальные комнаты были закрыты. — А это в основном чуланы. В них удобно хранить игрушки. Я принесу молоток.

Вернувшись, Эммет увидел, что Анита изучает

фотографии на стенах. Она показала пальцем на снимок Сьюзен, его подруги по колледжу.

— Это ваша жена?

— Моя жена умерла. — Женщина открыла было рот, но Эммет ее перебил: — Я хотел сказать: для меня умерла. У меня нет ее снимка. Нет смысла копаться в прошлом. То, что умерло, мертво. Так я обычно говорю.

— Ну да, — неуверенно проговорила Анита, разглядывая коллекцию пластинок.

Эммет протянул ей молоток.

— Вот, возьмите насовсем, у меня их несколько.

— Как мило. Извините, что побеспокоила, но хоть познакомились. То есть, когда я сообразила, что у нас дома нет молотка, решила зайти к вам и заодно познакомиться.

— Пусть это будет мой подарок. В знак добрососедства. Может, когда-нибудь и мне придется что-то у вас попросить.

— Может быть. Но вы, кажется, неприхотливы.

Эммет шел за женщиной шаг в шаг, пока она осматривала его имущество. Она делала это с таким видом, будто бродила по магазину. Всякий раз, когда Эммет загораживал ей обзор, она вытягивала шею и смотрела на что-нибудь другое.

Они протанцевали несколько таких осторожных па, и наконец он сказал:

— Мне пора гулять с собакой, я вас провожу?

— Я часто вижу, как вы с ней гуляете поздно вечером. Я, бывает, не могу уснуть и сижу у окна. Вы по четыре часа бродите.

Эммет побледнел. Значит, кто-то все же за ним следит.

— А вы уверены, что это я? Я почти всегда сижу дома, вдруг дети позвонят. Так они меньше переживают, что семья распалась.

— Может, и не вы, но ваша собака такая огромная. Ее ни с какой другой не спутаешь. — Анита вроде искренне смутилась.

— Да ничего, все ошибаются. У моей собаки есть брат. Он живет за углом. У одного студента. — После каждого предложения Эммет делал паузу, ища в лице женщины признаки доверия. Он громоздил ложь за ложью, а выражение ее лица не менялось.

Она погладила собаку по носу — на морде было необычное белое пятно, напоминающее полумаску. С ним собака казалась злобной, когда была неподвижна.

— Они близнецы, — сказал он.

— Близнецы? — Анита удобно устроилась в мяг-

ком кресле и положила ногу на ногу. В комнату вошел только что проснувшийся кот и прыгнул ей на колени, словно они уже знакомы. Анита рассеянно его погладила.

Эммет поморщился. Чем дольше она сидела, тем больше интересовалась его жизнью. Он изо всех сил старался сохранять спокойствие, мозг бурлил.

— Да, — сказал он, будто слушая себя со стороны. — Как там их называют? Двуяйцовые? Однояйцовые? Не помню.

Эммет мучительно вспоминал все тонкости лжи, которой уже напичкал эту женщину. От напряжения у него закружилась голова. «Я сказал ей, сколько у меня комнат? Я сказал ей, кем работаю? Сказал, как меня зовут? Сколько у меня детей? И где они живут?»

— Вайоминг, — пробормотал он и сам засомневался, произнес ли это слово вслух.

— Что? — Она явно вздрогнула.

— Вайоминг. Так зовут брата. Странное имя для собаки, правда? Но мою собаку зовут Голубка, так что мне ли судить об именах. Мальчик хорошо за ней следит. То есть за н-н-ним, за псом. Много с ним занимается, как вы могли заметить.

Анита легонько постукивала молотком по сво-

ей ладони.

— Действительно смешное имя.

Эммет попытался отвлечь ее внимание от себя.

— А вы чем занимаетесь?

— А разве это имеет значение? — с чувством сказала она. — Всем вокруг нужно обязательно знать, чем ты зарабатываешь. Всем плевать, что ты за человек, и, чтобы с тобой заговорить, им сначала надо взглянуть на твой банковский счет. Как этим старым каргам. Вечно лезут не в свое дело. Меня от них тошнит.

— Простите, — сказал пристыженный Эммет. — Я тоже не люблю, когда лезут в мою жизнь.

— Нет, это вы простите. Я так бесцеремонно ворвалась в вашу квартиру. Вообще-то мы занимаемся экспортом. Мы сделали бизнес на пустом месте. Хотите познакомиться с моим мужем? Приходите к нам ужинать во вторник.

Эммет присел на подлокотник дивана и тут же встал, прошел к окну. Присел на край полки около стереосистемы, дрожащая нога застучала по шкафу. Он снова встал. Сел. Анита не двигалась, только левой рукой гладила кота. «Может быть, миссис Дью ошибается, — подумал Эммет. — Может быть, Анита — всего лишь жертва чьих-то навязчивых подозрений». Он попытался

прочитать что-то в ее глазах, уловить какие-нибудь намеки или знаки, которые раскрыли бы ее секреты.

— Во вторник, говорите? — неуверенно спросил Эммет. Он представил себе дружбу с Анитой. Эммет давно не общался ни с кем, кроме брата. Но даже знай он ее лучше, он не смог бы перестать ей врать, не отважился бы рассказать, во что превратилась его жизнь. «Не могу рисковать», — решил он.

Анита поднялась с кресла с котом на руках.

— Или в среду. В любой день на следующей неделе. Мы почти всегда дома. Только предупредите заранее.

— Во вторник приезжают дети. Мы так редко бываем вместе, не хочется выходить.

— Вы можете взять их с собой.

— О нет. Они очень привередливы. Сведут с ума любую хозяйку.

— Тогда я сама как-нибудь к вам забегу. Когда ваши дети уедут.

Эммет потянулся пожать ее руку на прощание, и пальцы наткнулись на стальной молоток. Эммет потряс его, будто клешню.

Он смотрел из-за шторы, как Анита пересекает улицу. Она долго открывала все замки на своей

двери. У входа ее встретил мужчина в мотоциклетной куртке. Он что-то шепнул ей на ухо. Она ответила. Мужчина покачал головой, и Анита еще что-то сказала. Мужчина кивнул и пошел за ней в дом. Эммет подождал, когда за ними закроется дверь, и потянулся за собачьим ошейником.

— Быстро, — сказал он. — Пока ей некогда смотреть.

Он торопился по ступеням и вдруг оцепенел, увидев голый свет в спальне. Зря он не купил переключатели, которые автоматически включают и выключают свет в разных комнатах, будто семья перемещается по дому. Но сейчас поздно об этом думать. Собака тянула поводок. Эммет безнадежно оглянулся на дом. «Оставить или выключить?» Он не мог решить. Оставил как есть.

По дороге к реке он шел мимо соседей, которые выбрались подышать воздухом в конце душного дня. Гигантские тени Эммета и собаки растянулись на асфальте на много ярдов вперед, будто животное и хозяин преследовали двух худышек, куда бы те ни двигались. Если кто-то приближался сзади, чужая тень догоняла и накрывала тень Эммета, и ему казалось, что его преследуют с двух сторон. Он попросил собаку поторопиться. Та радостно прыгала и играла с ним, хватаясь

зубами за поводок.

— Давай, бегом, — шепнул ей Эммет. Они уже не останавливались на перекрестках, и тормоза машин визжали вслед. Рубашка Эммета потяжелела от пота, они с собакой бежали к причалу, мимо проституток и торговцев наркотиками, стоящих на своем посту у реки.

Добежав до воды, Эммет вцепился в сетку и выронил поводок. Собака с лаем бросилась на забор, помчалась между машинами, тычась мордой в дверцы, дыша в окна. Всякий раз, когда Эммет звал ее, она ложилась на землю, подпускала его к себе на фут и снова бросалась в темноту. Мусор в реке мерно постукивал о цемент. Где-то неподалеку слышались редкие всплески и смех.

Эммет пошел за собакой, которая удалялась по пирсу. «Вернись», — позвал он. Она совсем исчезла из виду. Эммет заставил себя идти за ней вслед. Чем дальше он шел, тем больше появлялось на пирсе продавленных деревянных досок, откуда на ноги плескала вода. На полпути Эммет чувствовал себя, словно у самого опасного края. От реки поднимался туман. Из него то и дело появлялись силуэты людей, словно окутанные огнем. Некоторые окликали его, подзывали жестом, заманивая в туман. Собака то ныряла в

дымку, то выныривала, тихо звеня ошейником, словно колокольчиком.

Вдруг она завизжала и вылетела к нему из облаков, поджав хвост.

— Что, извиняешься теперь? — Эммет обнял и прижал к груди ее трясущееся тело. Он побежал обратно и потянул ее за собой, закрыв глаза. Он прыгал по доскам, затаив дыхание, и молился о том, чтобы они не рухнули слепо в воду.

Эммет лег отдохнуть на цементную плиту у пирса. На автостраде мелькали сирены. Один за другим автомобили въезжали на стоянку, расположенную вдоль сетки, освещая Эммета фарами, и ему казалось, что это полицейские фонари пригвождают его к забору.

«Куда же мы пойдем? Домой?» — в сотый раз подумал Эммет. Тишины дома он боялся еще больше, чем улицы.

Как мертвили его слепота, и борьба с собой, и раздвоенность, от которых тело в страхе ходило ходуном. Гладя собаку, Эммет вспоминал себя десять лет назад; он тогда принимал наркотики, крался по коридорам бабушкиного дома, прятался в своей комнате. Он вспомнил чувство, когда щекочущие химикаты поглощали его целиком. Минута тянулась медленнее часа, и он боялся,

что проглотил слишком много таблеток и теперь его мышцы сведет параличом, он на всю жизнь останется прикованным к креслу.

Эммет боялся, что его обнаружит бабушка. Он мерил шагами комнату и твердил про себя, что скоро станет инвалидом. На рассвете ему удавалось себя убедить, что он научится мириться со своим состоянием. Он заново учился говорить нормально, а его голос многократно отражался в голове, точно разговор сквозь толщу воды, и так до тех пор, пока он не засыпал. Но каждый раз он в конце концов засыпал, и наркотик отпускал его. А сейчас все по-другому. Эммет жил так, словно проснулся в одну из тех ночей, и ни сон, ни время его не спасут.

Эммет позвонил Джонатану из будки таксофона. Ответил Джонатанов спокойный голос на автоответчике. Эммет решил оставить сообщение, в котором будет вся правда о его теперешней жизни. Он подобрал слова, которые отразили бы его вымотанность: *жалкий, лишенный формы, испуганный до смерти.* Но произнесенные вслух, слова казались плоскими и пустыми. Эммет представить себе не мог, как объяснить человеку, который живо ощущает себя, что его собственное тело пустеет и блекнет с каждой секундой.

«Я не смогу объяснить, что бы ни говорил», — подумал Эммет и еще раз произнес слова вслух. Они прозвучали фразами на непереводимом языке. Никакие слова не выразят этот бесконечный кошмар, в который превратилась его жизнь.

«Мне нужно научиться с этим жить», — решил Эммет. Так же он думал когда-то давно, боясь передозировки и паралича. Он положил трубку, дернул собаку за поводок и направился домой. До рассвета всего четыре часа. Он сумеет дождаться.

По пути домой он вспомнил, как часами лежал без сна после бабушкиных рассказов о кораблекрушении в Южной Африке. Он представлял себе, как корабль разбивается вдребезги, все обломки исчезают под водой, и остается лишь океан и недосягаемый берег. Интересно, думал Эммет, как долго дедушка плыл, прежде чем надежда оставила его.

Как ему, наверное, хотелось соскользнуть вниз, в глубину, и перестать плыть, повинуясь уставшим мышцам. Но некий инстинкт помимо желания, неодолимая плавучесть выталкивали тело, не давая ему утонуть. В воображении Эммета появлялась голова, она на миг выныривала, чтобы потом снова погрузиться, и так она вы-

прыгивала несколько раз, пока не обрела свободу плавать по волнам уже мертвой.

«Я — это он, только выброшенный на мель», — подумал Эммет, представляя себе, как дедушка потерялся в синем море и ждет, когда же все кончится.

12

Подойдя к дому, Эммет остановился у живой изгороди на углу — посмотреть, есть ли кто на улице. Все окна темны, только на верхнем этаже 202-го горел свет. Наклонив голову, будто спасаясь от проливного дождя, Эммет побежал к своему крыльцу.

Поворачивая ключ в замке, Эммет слышал умиротворяющее урчание кондиционера. Через стекло он заметил, что дверь коридорного чулана валяется на полу, будто ее сорвало ветром.

«Неужели я пропустил бурю? Я ведь был всего лишь в нескольких кварталах отсюда. — Он открыл дверь, прислушиваясь к скрежету замка. — Ураган. Тут, видимо, прошел ураган», — думал Эммет, входя.

Эммет снял с собаки поводок и погладил ее, как всегда, возвращаясь с прогулки.

— Понравилось гулять? — спросил он. Тоже часть ритуала — будто они по полночи где-то шатаются исключительно ради собаки.

Эммет наступил на упавшую дверь, точно она всегда так лежала. В полутемном коридоре послышалось цоканье собачьих когтей по голому

полу. Собака побежала на кухню выпить воды, поскользнулась и врезалась в дверь.

Эммет двигался спокойно. Он включил верхний свет и испугался его наготы. Он успел привыкнуть к прозрачности уличных фонарей. Секунду Эммет видел голые белые стены, совершенно пустые, остались только гвозди, на которых еще недавно висели фотографии и картины.

Эммет зажмурился и стал считать в уме. Он следил задыханием: как движется диафрагма, как воздух наполняет легкие, а потом выдувается изо рта, словно дым.

«Я буду считать, и ничто меня не остановит», — решил Эммет, надеясь, что это поможет мозгу отвлечься от внезапной мучительной слабости.

— Один… два… — Он открыл глаза на счет три, но не остановился: — Четыре… пять… — продолжал он, осторожно озираясь. Мелькнул большой неровный прямоугольник пыли там, где стоял диван. Пятно походило на обведенный мелом силуэт трупа.

Эммет снова закрыл глаза и начал слепо разворачиваться, считая, пока не оказался перед полками у окна.

— Тридцать шесть… тридцать семь… — не торопясь продолжал он. Потом слегка приоткрыл

веки: — Сорок один… сорок два, — и глянул туда, где стояли книги и стереосистема. Пусто, с полки свисали только шнуры удлинителей.

«А что стояло здесь?.. а что тут было? — Он пытался вспомнить бывшее расположение вещей, поворачиваясь на каблуках и заглядывая в каждый угол. Свет слепил его, как стробоскоп. Скрутила вина. — Я, наверное, оставил дверь открытой. Это я оставил дверь открытой, — в бешенстве подумал он. — Я разобью стекло, чтобы выглядело так, будто они пролезли через окно. И никто не обвинит в этом меня». И тут он вспомнил, что живет один, и все украденные вещи принадлежали ему. Собака потерлась о его ноги.

— Полиция, — сказал Эммет, и собака завиляла хвостом.

Она хвостом ходила за Эмметом по квартире, пока он осматривал остальные комнаты. В спальне остался только матрас. Сама кровать исчезла вместе с постельным бельем. На полу, под стеной, где раньше висели карты, валялись черные, голубые и красные кнопки. Доску объявлений оторвали от стены, а коричневые обломки мягкой пробковой древесины, похожие на куски мяса, были разбросаны по полу.

На кухне собака с надеждой перевела взгляд

от Эммета к мойке, но все полки были пусты. Исчезла даже вымытая посуда, которую Эммет поставил сушиться. В углу, где раньше стояли миски для животных, валялись только засохшие огрызки. Эммет открыл холодильник. На верхней полке стояла распухшая от влажности, покрытая инеем пачка пищевой соды.

Кота нигде не было видно. Эммет обыскал каждую комнату, открыл все чуланы и шкафы. В трещине шифоньера торчала открытка с видом Калифорнии, где когда-то жила бабушка. В чулане спальни, в углу, лежал рваный кроссовок без шнурка. Все остальные вещи, включая ботинки с деньгами, были украдены. В спальне матрас. На кухне холодильник. В столовой складной столик. В пустой спальне лежали нетронутыми стопки газет. Только спортивная полоса вчерашнего выпуска была развернута — видимо, кто-то задержался, чтобы проверить счет какого-то матча. Все остальное пропало.

Эммет остановился у лестницы в подвал.

— Я дома, — сказал он, надеясь, что кот выскочит оттуда и станет тереться о его ноги. Собственный голос отозвался эхом, словно в пещере.

Эммет боялся спускаться в подвал один. Что, если грабители, услышав, как он вернулся, спря-

тались там? Что, если они захватили кота в заложники и сейчас держат его за горло?

— В полицию, — повторил Эммет. Он подошел к стене, где раньше висел телефон, но сейчас там была только железная подставка, прикрученная к стене шурупами. Значит, он не сможет позвонить в полицию. Металлический шнур таксофона во дворе был аккуратно отрезан какими-то вандалами еще несколько месяцев назад, и никто его не заменил.

— Что же нам делать? — сказал он собаке. Они стояли рядом на крыльце. Эммет решил, что ничего не скажет брату, пока не разузнает наверняка, что случилось. Он увидел, что в спальне дома напротив горит свет. Там жила старуха, умирающая от рака. Эммет не посмел ее тревожить — возможно, она уже погрузилась в сон, свое единственное безболезненное состояние.

Он осмотрел ближайшие дома. Все были темны, кроме верхнего этажа 202-го. Наверное, Анита заработалась допоздна. Эммет подумал, что в этом городе можно найти миллион подозреваемых в краже. Накатила слабость. Это могли быть незнакомцы, или хозяин дома, решивший отомстить за неуплату, или миссис Дью с ее комитетом бдительности проследили за ним и забрались в дом,

или Анита организовала против него тайный заговор. Но ему нужна была помощь, и у Аниты сейчас эту помощь легче всего получить. Если Эммет позвонит в дверь к незнакомым людям, они подумают, что он злоумышленник. Он запер собаку в квартире и перешел на другую сторону улицы.

Анита открыла дверь так быстро, словно ждала его.

Рубашка Эммета была в пятнах от пота. Он смущенно прикрыл их руками.

— Ого, привет, — удивленно, но не враждебно сказала Анита. На ней было то же самое платье, в котором Эммет видел ее недавно.

— Мне нужно позвонить.

— Позвонить? Услуга за молоток?

— Да. То есть нет. Всё украли.

— В смысле? Как так? Я ведь была у вас всего несколько часов назад.

— Всё, — снова сказал Эммет.

Она провела его в гостиную. Все двери были закрыты. Целую стену загораживала огромная красная японская ширма: летящий с гор водопад. Эммет увидел беспорядочно сваленные за ширмой коробки.

— Вечно у нас не хватает места, чтобы все

распаковать, — сказала Анита. — Недостаток городской жизни. Вечно места не хватает. Но, боюсь, сейчас мне не стоило этого говорить.

— Все, что у меня осталось, — это свободное место, — сказал Эммет и набрал 911. — Меня ограбили, — сообщил он женщине, которая взяла трубку.

Возможно, голос его звучал слишком жалко, потому что она сразу поверила, что он не врет.

— Где ты живешь, голубчик? Как тебя зовут?

Эммет сказал все, что требовалось.

— Ужасный город, правда, голубчик? Но со временем все наладится, — ласково прокудахтала она и повесила трубку.

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Мне нужно поговорить с полицией.

— Я пойду с тобой, — сказала Анита и взяла куртку, лежавшую на туго перевязанной коробке.

Эммет помедлил, стараясь взвесить в уме свои подозрения: «Может быть, это она?» — подумал он, стараясь уловить в Аните признаки беспокойства. Он ничего не заметил. Мгновение, а может, и всегда, он сознавал, что никогда не выяснит, кто его ограбил. Ему не хотелось возвращаться в уничтоженный дом одному.

— Спасибо, — сказал он.

Эммет с Анитой ждали полицию на крыльце. Машина подъехала бесшумно, даже ее фары потушены. Эммет замахал руками:

— Это я. Я пострадавший.

Подошли двое офицеров. У каждого на бедре болтался громадный желтый фонарь.

— Я не закрыл дверь, — признался Эммет, не успели они и слова сказать. — Скорее всего. Это моя ошибка. Все пропало.

Он сопровождал их из комнаты в комнату.

— Да-а, — время от времени говорил один из них.

— А эта комната была пустой, — сказал Эммет, когда они остановились у входа в спальню с газетами. — В нее можно не заглядывать. Я просто собрал там газеты. Я кладу их на пол, когда рисую.

— Вы художник? — поинтересовался полицейский.

— Что-то вроде.

Они направили фонарики в подвал, осветив подрагивающую на сквозняке паутину.

— Мой кот пропал, — сказал Эммет.

— Как зовут?

— У него не было имени. Я еще не решил, как его

будут звать. Он у меня недавно живет. На самом деле, он тут просто для того, чтобы собаке скучно не было. Она воет. Но не очень сильно, соседям не мешает, нет. Она просто хочет сказать, что одинока. Я кошек вообще-то и не люблю. Только не поймите меня неправильно, ему здесь было очень комфортно.

— Не бери в голову, парень, — сказал полицейский. — Так что еще, кроме кота?

Эммет попытался представить себе все предметы, которые находились в его гостиной.

— Стерео. Телевизор. Часы. Телефон. Ковры. Бархатный темно-красный диван. Три стеклянных флакона с серебряными крышками. Триста музыкальных пластинок. Две картины в золотых рамах вон на той стене. Фотографии. Стулья. Столы. Письменный стол. Журнальный столик.

— Не забудь про статуэтку, — вмешалась Анита. — Бронзовый такой жук.

— Да. Мне ее брат подарил. И еще хрустальная ваза. С цветами.

— И журнальный столик, — продолжала Анита. — И серебряный светильник. Тут же был серебряный светильник, да? В том углу.

— Да, — сказал Эммет. — У книжного шкафа. И фотоаппараты. И тарелки. — Он поднял голову. —

Зачем воровать тарелки?

— В хозяйстве все сгодится, — заметил полицейский.

— Вся моя одежда. Тринадцать пар кроссовок. Миска для собаки. Миска для кота. Резиновый коврик, который под ними лежал.

— Можно мне лист бумаги? — робко спросил полицейский. — Ваш вызов пришел как внутренний, и мы подумали, нам ничего не понадобится.

— Простите, — Эммет посмотрел туда, где был письменный стол, — но у меня нет.

— Вот, возьмите, — сказала Анита, вытащив из кармана какую-то помятую справку.

— Еще компьютер, — сказал Эммет, вспоминая про спальню. — Карта. Принтер. Стол. Письменный стол. Будильник. Бюро. Шкаф. Магнитофон.

— Еще калькулятор был, — сказала Анита. — То есть я хочу сказать, у всех есть калькуляторы, да?

— Да. И зеркало в деревянной раме. И бумага. Карандаши. Марки. Конверты. Ластики. Кнопки и носки.

— Не спешите, — сказал полицейский, — ус покойтесь. Можете послать нам список вещей позже.

— Но позже я могу уже не вспомнить, — сказал Эммет. Пустота комнат уже казалась привычной.

— Да вспомните, вспомните, — уверил его полицейский. — Правильно настройтесь, и все. После шока память обычно возвращается. Поверьте мне, молодой человек, у вас шок. Потому вы и ведете себя так странно. Не принимайте близко к сердцу, я сталкиваюсь с этим почти каждый день. Мы же все люди, черт бы нас побрал. Теперь нам надо взять отпечатки пальцев. Вы что-нибудь трогали?

— Да, — сказал Эммет. — Я открывал двери, когда искал кота.

— В подвале есть свет?

— На стене выключатель, — сказал Эммет. — Но я там ни разу не был. Там что угодно может таиться. Скорее всего, мой хозяин хранит там свои инструменты.

Он провел полицейских к подвалу. Полицейские спустились, а Эммет задержался на последней ступеньке. Он похлопал в ладоши и позвал кота.

Полицейские включили фонарики, осветив дверь во двор. Там зияла огромная дыра, словно кто-то пробил дверь топором.

— Может, вы и оставили дверь открытой, но они проделали собственный вход, — сказал полицейский.

Эммет потрогал края дыры. Фанера была не больше дюйма толщиной. Вор и пальцем мог ее проткнуть.

— Я куда надо попал? — спросил кто-то сверху. В коридоре их ждал коренастый мужчина в темном костюме. — Отпечатки пальцев, — сказал он, показывая на черную кожаную сумку.

Мужчина обмакнул кисточку в бутылку с бледно-серым порошком. Он прошел к подоконнику у окна и обмазал кисточкой дерево. На поверхности проступили следы пальцев. Полицейский стал покрывать порошком всю квартиру Эммета, и всюду появлялись отпечатки: они взбирались по книжным полкам, по голубой эмалированной мойке на кухне, они покрывали все двери и выключатели. Всюду, на каждой поверхности проявились следы пальцев, ногтей и даже целых ладоней тех, кто побывал в квартире.

— Я лучше пойду, — сказала Анита. — Если я больше не нужна.

— Вы здесь не живете, леди? — поинтересовался полицейский.

— О нет, что вы. Я соседка. Я просто была здесь

совсем недавно, — сказала она, поглядывая на полку, где стояло стерео. Мужчина посыпал ее по краю. Вдоль полки появилась дорожка отпечатков. Мужчина приложил к ним кусок пленки и посмотрел на свет.

— Тут некоторые очень хорошо получились.

— Если хочешь, заходите потом и переночуйте у меня, — сказала Анита Эммету. — Ляжете на диване в гостиной. Пока у вас все не утрясется, можете считать мой дом своим. Просто постучите в дверь.

— Ну вот, кажется, и все, — сказал мужчина, закрывая свою сумку. Он вытер руки о костюм, оставив полосы порошка на брюках.

— Не беспокойтесь за кота, — сказал полицейский. — Он, скорее всего, просто выбежал за дверь. Вернется. От котов не так просто избавиться. Однажды такой бредовый случай был. Кот моего сына выпрыгнул из машины в лесу. Вернулся домой через три недели. Страшный, как смерть, но живой. Они никогда не сдаются. Я лично их терпеть ненавижу, этих кошаков.

Эммет проводил полицейских. Их форма пахла табаком и моющими средствами. Он не хотел, чтобы они вот так его бросали.

— Как вы думаете, мне вещи вернут?

— Вряд ли, парень. Бьюсь об заклад, твои вещи уже на том берегу реки. Завтра вечером из твоих тарелок кто-то будет ужинать. У тебя есть документы на имущество? Можешь указать это в налоговой декларации.

— Ничего у меня нет. Все было в ящиках стола, а их тоже забрали. Я даже не смогу доказать, что у меня что-то было.

— Но и обманывать тоже не стоит, — сказал полицейский. — Возможно, будет расследование. Ситуация не из легких. Но подумай иначе: если бы сегодня ночью ты спал в своей квартире, то, возможно, был бы уже на том свете. Те, кто врывается в дом с топором, обычно свидетелей не оставляют.

Полицейские ушли, а Эммет застыл посреди гостиной. Собака села у его ног. Она все за ним повторяла. Подолом рубашки Эммет попытался стереть один пыльный отпечаток. Не получилось. «Интересно, они навсегда останутся? Чтобы вечно напоминать мне?» — подумал он.

Эммет представил себе, как воры ощупывают его вещи. Они теперь знают о нем все, а он никогда не выяснит, кто они. Они знают его имя.

У них информация о его банковском счете, записные книжки, тетради, письма, записи его

телефонных разговоров. Они выкрали даже его фотографии и знают теперь, как он выглядит. Теперь любой незнакомец на улице может подмигнуть, проходя мимо, — он ведь прочитал все его записи, прослушал его пленки.

«О боже, подумать только, они теперь всё обо мне знают!» — подумал Эммет, холодея от стыда и ужаса. Он напомнил себе, что где-то в государственном компьютере какой-нибудь секретарь, вероятно, знает о нем не меньше. Но воры видели и то, что ни разу не покидало его дом. Они словно поселились у него в голове.

Эммет составил перечень всего постыдного, что было в ящиках стола. Воры, наверное, смеялись, копаясь в его вещах, окликали друг друга: «Эй, ты только посмотри на это!» Интересно, им было страшно? У них был план? Эммет восхитился отвагой воров, как они храбро зашли в дверь, с улицы, где полно людей. Наверное, один стоял за углом, готовый ударить Эммета по голове дубиной, если тот вернется слишком рано. Они украли кота, а может, убили и спрятали в квартире?

— Кот! — позвал Эммет.

Он заметался по комнатам, снова открывая все шкафы и чуланы. К рукам приставал графит, въедался в кожу. На ладонях четко проступила

каждая линия, будто Эммета обвиняют в преступлении.

— Кот!

На кухне он снова открыл холодильник и осмотрел все отделения, даже маленький отсек для масла.

Наконец Эммет добрался до морозильной камеры. Он услышал шипение, точно пар под давлением выпускают, и чьи-то когти вонзились ему в спину. Эммет зашатался от боли и увидел рыжую вспышку: кот слетел с его спины и приземлился у входа в гостиную. Он попятился в угол, дергая задними ногами, словно боксируя. С клыков капала слюна, а на розовом язычке пузырилась пена.

Эммет приблизился.

— Прости, — сказал он, наклонился и погладил зверя по голове. Кот взвизгнул, словно его ударили, и хлестнул Эммета по носу левой лапой, а потом правой, по глазу. Он молотил его лапами, оставляя глубокие царапины: левой, правой, левой, правой; он продолжал, даже когда Эммет закрыл лицо руками.

— Перестань. Пожалуйста, перестань. — Собака лаяла, держась от них на почтительном расстоянии.

В последний раз царапнув Эммета по костяшкам пальцев, кот умчался в другой конец комнаты, презрительно фыркая.

Эммет вытер лицо рубашкой. На ткани остались тонкие полоски крови от царапин. Он снова осмотрел пустые стены и торчащие из них гвозди. На полке лежал шнур удлинителя. Полицейские забрали список вещей с собой.

— Сосредоточься, — громко и сурово приказал себе Эммет, пытаясь вспомнить, как уютно выглядела квартира все эти годы. Он хотел восстановить в памяти все, что успел продиктовать полицейским, но сейчас вспоминались только некоторые предметы. «Стерео, — подумал Эммет, — книги». Больше в голове ничего не было. Он начал снова: «Стерео». Он засомневался, как в те минуты, когда пересказывал Джонатану по памяти криминальные сводки, спотыкаясь и запинаясь, и факты казались все неправдоподобнее.

Чтобы прийти в себя, Эммет составил воображаемый список необходимых человеку вещей. «Одежда. — Он пальцем дотронулся до собственной кожи. — Телефон. Тарелка. Ложка. Глубокая тарелка. Подушка. Миска для кошки. Миска для собаки». Он пообещал себе, что завтра же все это

купит. Он заставит себя пойти в банк, раз все деньги исчезли вместе с ботинком.

Эммет лежал поперек матраса, закрыв глаза. Даже при свете, закрывая глаза, он словно падал с другой планеты, кувыркался в пространстве.

— Мне нужно уйти отсюда, — сказал Эммет.

Кот вышел в коридор, задев его ноги. В шипении кота слышалась ненависть. «Он никогда не простит меня», — подумал Эммет. Он взял собаку с собой на улицу, опасаясь, что кот убьет ее, если они останутся наедине.

Эммет машинально направился к реке, прямо к таксофону. Уже почти рассвело. Он набрал номер брата. Пришлось переждать семь длинных гудков, прежде чем Джонатан сонно сказал «алло».

Слушая голос брата, Эммет пытался преодолеть свое молчание, но немота парализовала, не давая попросить о помощи.

«Это я», — молча твердил он, словно глядя на себя, суетящегося в телефонной будке, бледного и измученного, со стороны. Собака тянула поводок.

Эммет прикрыл трубку руками. «Я пропал», — подумал он удивленно. Он не представлял себе, что так ясно это осознает.

— Я пропал, — сказал он, в исступлении на сей

раз, будто издали наблюдал гибель человека, которого не спасти.

— Алло! Кто это? Эммет? — с тревогой спрашивал Джонатан.

«Что я скажу ему?» — думал Эммет, слушая, как брат испуганно кричит в трубку.

Как он хотел, чтобы она вернулась. Эммет позволил мысли промелькнуть в голове, но самому себе боялся признаться, как он этого хочет. Или, может быть, не по ней он так скучал, может, то была дрожь нетерпеливого детского ожидания, что оставляло его, лишь когда она приезжала, чтобы забрать его с собой.

Она и не догадывалась, что каждый раз сын тайно молил ее об этом. Всякий раз он встречал ее, словно воплотившуюся мечту о побеге, даже зная, что она заехала всего лишь на разведку, что она явилась только отметиться, поиграть в жизнь по правилам. И всякий раз как быстро она понимала, что у нее не получается, как быстро исчезала, появлялась и исчезала вновь, пока не вернулась в последний раз, чтобы уйти навсегда.

Однажды она взяла его с собой кататься на лыжах.

Они висели в воздухе на подъемнике. Эммет попробовал опереться спиной на ее руку. От мороза

его дыхание дымилось, а синтетические куртки стали такими твердыми, что казалось, если он прижмется к матери, они раскрошатся, рассыплются голубыми и фиолетовыми осколками.

Она сняла руку Эммета с перил:

— Давай, облокотись.

Он положил голову ей на плечо. Ее шарф был влажным от пота и тающего льда. Эммет закрыл глаза и втянул голову в плечи, чтобы согреться. Мать подняла его лыжные очки и протерла стекло. На солнце очки походили на дешевые зеленые стеклышки. Мать смахнула пальцем растаявшую снежинку из уголка его глаза.

Она склонилась так близко к его уху, что оно вынырнуло из онемения:

— Тебе весело?

Мать обняла его. Эммет открыл глаза и улыбнулся. Соприкоснувшись, куртки зашуршали, точно брезент о бетон.

Мать показала на водоворот разноцветных точек впереди.

— Людей все больше, — сказала она, и они понаблюдали, как цветные пятнышки взбираются на холм и перемешиваются.

Подъемник замедлил ход, кресла закачались. Они оказались на самой высокой точке — внизу

сходились подножия двух горных склонов.

Мать прижалась к плечу Эммета, и он через куртку почувствовал кости ее руки. Такие крепкие, будто сквозь суставы кто-то продел тонкие стальные прутики. Мать болтала ногами. С каждым покачиванием их сиденья приближались к перилам в конце пути. И тут мать сильно отклонилась назад. Кресло затрясло. Она повернулась к Эммету с улыбкой.

— Как думаешь, мы умрем, если прыгнем отсюда?

Небо было бледное, словно продолжение сугробов. Белизна всюду, она закручивалась и замыкалась вокруг них.

Мать подняла защитную металлическую дугу на сиденье. Обняла Эммета, подтолкнула вперед, но удержала и, смеясь, притянула к себе. Они подтянули колени к груди, лыжи их дрожали, как сломанные пропеллеры.

Эммет прижался к матери, и на секунду ему показалось, что он мог бы упасть в пустоту, не сломав ни одной кости. Глядя на дымящиеся от ветра и снега вершины, похожие на Сахару, мать склонилась ближе и сказала:

— Смотри, кажется, они такие нежные. — Она сняла перчатку, взяла ее двумя пальцами, пома-

хала ею у Эммета перед глазами и подмигнула — мол, смотри, фокус.

Потом она отпустила перчатку. Черная рука устремилась к сугробам, планируя большими безжизненными кругами, будто контролируя свой полет, но потом круги сбились, и она понеслась вниз, пронзая пустоту. Перчатку трепало, она почти оставляла за собой хвост черных клеток. Лети она так чуть дольше, наверняка полностью распалась бы на молекулы, но она упала в снег и сразу исчезла, точно кулак в тумане.

13

Кот что-то замышлял против Эммета.

После ограбления зверь вел себя очень беспокойно. Он шипел, едва Эммет или собака входили в комнату, то и дело отскакивал в угол и боком прижимался к стене.

Один кот знал, что именно случилось в ночь ограбления. Эммет пробовал ублажить кота, купив ему новую керамическую плошку и фланелевую подушку. Это не подействовало. Кот его не простил.

Всю ночь кот расхаживал по комнате и прислушивался. Он подслушивал телефонные разговоры Эммета. Он знал, какие звуки Эммет издает во сне, а их даже сам Эммет никогда не слышал. Мало ли в чем он мог признаться во сне. Кот точно знал. Эммета это пугало. Однажды он взял у брата магнитофон и поставил у изголовья — записать все, что будет происходить ночью. Эммет проспал пять часов. На пленку записалось только мягкое кошачье мурлыканье, будто зверь специально лег животом на магнитофон.

Кот знал об Эммете все. И с каждым новым открытием его походка становилась все более

вороватой, его спина мелькала то здесь, то там на фоне штукатурки, а глаза никогда не закрывались, даже ночью.

Эммет только делал вид, что спит. Неделями он тренировался бесшумно и медленно дышать, беззаботно ворочаться, как всякий невинно спящий человек. Порой он даже специально бормотал во сне: имя, фразу, опасение. Эти слова должны были обмануть подозрительного кота и вызвать у него сострадание. Однако ничего не менялось. Зверь продолжал глазеть на Эммета, а иногда лапой хлопал по векам, будто ловил паука, стараясь не порвать паутину.

Когда Эммет ложился спать, кот дремал у него прямо на лице. Когда Эммет моргал, шерсть щекотала ему глаза. Но он научился замирать и не шевелиться. Он читал о людях в Африке, которые застывают, когда к ним в спальный мешок заползает змея. Они лежат, словно парализованные, пережидая, когда змея согреется и уползет. Эти люди прекрасно понимают, что такое паника и что в такой ситуации опасно даже дыхание.

Об Эммете и так уже слишком много знали. Он чувствовал, как все его секреты испаряются, будто влага с кожи, все поры раскрылись и выдают его беспокойство. Иногда он даже ощущал, как

открываются и закрываются эти мельчайшие, едва видимые люки: тихонько постукивают, точно дешевые деревянные браслеты. В последнее время Эммет постоянно растирал руки и бормотал, что ему холодно.

После ограбления он перестал принимать почту. Сбил с толку всех своих корреспондентов. Он упросил секретаршу на работе, жившую недалеко от почты, принести ему бланк для меняющих место жительства. Эммет сказал ей, что его двоюродная бабушки решила переехать в другой дом престарелых и так больна, что не может сама пойти за бланком. Он смутно припоминал, как однажды сказал секретарше, что его мать и бабушка умерли, но о двоюродной бабушке еще ни разу не упоминал. У его бабушки ведь могло быть несколько сестер. Секретарше неоткуда узнать, что все они были монашками и давным-давно умерли в монастырях Франции.

Эммет аккуратно вписал в бланк свой старый адрес. В качестве нового адреса написал: «Вайоминг. Каспер, Главпочтамт. До востребования». Он долго разглядывал карту, прежде чем вспомнил, как однажды ребенком потерялся в этом районе во время снежной бури. Эммет надеялся, что Каспер — все такое же пустынное место, вряд

ли кому-то придет в голову преследовать его там. А с другой стороны, этот город больше того, где Эммет живет сейчас, и там новичок не окажется у всех на виду. Он позвонил в справочную, уточнил почтовый индекс и записал в нужную графу: 82601. Через две недели почтовый ручеек высох. Не очень близким знакомым он разослал открытки, в которых сообщил о переезде. Сложнее было избавиться от близких знакомых. Со временем Эммет надеялся исчезнуть для всех. Но начать решил с кота. Кот, в свою очередь, тоже спешил поскорее выжить Эммета из дома.

Домовладелец больше не посылал писем с требованием оплатить квартиру. Теперь он вывешивал на двери подъезда предупреждения, подписанные чиновниками из муниципального управления, чтобы все соседи видели. Эммету в офис звонили из налоговой инспекции, требуя, чтобы он погасил долги. Эммет отвечал, что человек, которого они ищут, умер.

— При ограблении, — добавлял он. — Я удивляюсь, как вы об этом не читали. Этот случай был во всех газетах. Мы все в шоке. Такой безвредный был человек.

Несколько раз Эммет кричал в закрытую дверь темного кабинета, якобы обращаясь к секрета-

рям:

— Кто-нибудь в курсе, что случилось с этим парнем, Эмметом? — Потом он прикрывал трубку рукой и считал до тридцати. — Тут говорят, что он переехал во Францию, — говорил он. — К своим тетушкам. Они монахини.

Эммет не знал, когда сборщики налогов догадаются позвонить директору его фирмы. Не знал, когда хозяин его выселит. Находясь в квартире, он старался как можно меньше двигаться. Собаке срезал когти под корень, чтобы они не цокали по деревянному полу. Выбрав день, когда хозяина не было дома, Эммет сменил замки на своей двери. Иногда поздно ночью ему казалось, что домовладелец возится с замками, пытаясь их открыть, но еле слышно, будто мыши топочут по стеклу.

После ограбления кот принес в дом блох. Теперь, когда мягкой мебели не было, они прыгали по полу и копошились в Эмметовых носках, словно личинки. Они нещадно заедали собаку. Эммет часами сидел на матраце и по одной вылавливал блох у нее на животе и у себя на ногах. Он зажимал блох двумя пальцами и бросал в банку с горячим аммиаком, а они сразу шли ко дну, как чаинки. Ноги от укусов выглядели отвратительно. Кот садился в сторонке и с недо-

умением наблюдал, как Эммет борется с блохами. Потом кот принимался чесать шею задней ногой, блаженно улыбаясь, и Эммет видел, как блохи разлетаются во все стороны и падают на пол.

Больше всего на свете Эммет хотел, чтобы кот убежал. Он специально оставлял заднюю дверь открытой, но кот сразу заподозрил неладное. Он садился на пороге и принюхивался. Когда Эммет подходил к двери, кот бросался обратно в квартиру. Неделю назад Эммет выманил кота на улицу с помощью рыбьей головы, купленной у мясника. Стоило ему бросить голову за порог, кот тотчас прыгнул за ней. Эммет захлопнул дверь. Кот промолчал, но всю ночь и весь день просидел, уставившись на дверь и не желая спать. Эммет чувствовал себя, как под домашним арестом. Наутро он сдался, опасаясь, что соседи увидят изможденного кота и пожалуются в приют для животных.

У кота появились знакомые. Однажды Эммет пришел домой и увидел четырех кошек, разгуливающих под его окнами. Он очень испугался, что все они набросятся на него. Они ведь понимали его язык, а он не представлял, что происходит у них в головах. Эммет все лето наблюдал за ними, слушал их вздохи, шипение и мяуканье, но ни

на йоту не приблизился к расшифровке этих таинственных знаков.

Пока он различал только один звук. Когда кот был голоден, он шатался по кухне и понижал свой писк на октаву, повторяя одно и то же: *мэа, мэа, мэа.* Еще он хватал зубами свою миску и демонстративно ее переворачивал. Однажды кот начал делать это одновременно. Переворачивая миску, произносил: *мэа.* Миска стукалась о пол, пока Эммет не вышел из себя. Он пнул кота, как подушку. Зверь мертвой петлей вылетел в гостиную и спрятался под складным столиком. Он просидел там несколько дней, плевался и утробно ворчал.

С тех пор кот постоянно напоминал Эммету об этом инциденте. Но то было лишь началом их вражды. Однажды Эммет обнаружил, что уже четыре кошки, заметив его приближение, повторяют: *мэа, мэа, мэа.* Он их шуганул, но кошки скрылись в кустах и продолжали орать оттуда. Теперь каждый сосед знал, что Эммет мучает животных. Эммет сделал такой вывод, наблюдая, как продавец в бакалейной лавке дает ему сдачу. Обычно он давал деньги женщинам прямо в руки и всегда справлялся, как поживают их дети и мужья. Но как только подходила очередь Эммета,

продавец оставлял деньги кучкой около корзины. Потом давил на педаль, включая конвейер. Эммету приходилось хватать монеты, чтоб они не разлетелись. Он судорожно собирал их одну за другой, стараясь делать вид, что так и надо.

Жена и сообщница продавца владела прачечной. Эммет был уверен, что эта парочка правит всей округой и что они проводят регулярные собрания своего штаба на соседней улице, в клубе, где окна закрашены черной краской. Всякий раз, когда Эммет не досчитывался сдачи, женщина говорила, что у нее нет мелочи. Она отдавала ему вещи еще влажными. Приходилось досушивать их дома, развешивая на кухне, как занавески. Кот вставал на задние лапы и дергал их, будто они развешены специально для его удовольствия.

Однажды в начале лета Эммет увидел, как женщина из прачечной разговаривает с его котом. Она почти приплюснула лицо к стеклу, осклабившись и шевеля губами. Увидев Эммета, она не сдала позиций:

— Ваш кот такой тощий… — упрекнула она, намекая, что он морит животное голодом.

С тех пор Эммет покупал больше кошачьей еды, чем нужно. В магазине он набивал свою корзину самыми дорогими банками, надеясь,

что продавец передаст жене, как хорошо Эммет кормит кота.

— У моего кота отличный аппетит, не то что у меня, — повторял он и посмеивался, надеясь, что этот смех добавит ему обаяния. Продавец никак не реагировал. Иногда он вместе с Эмметом смотрел, как сдача падает с конвейера на пол.

Для себя Эммет покупал еду тайно, в другом конце города. Он выбирал небольшие пучки морковки и аккуратно укладывал их в портфель. Никто не видел его с сумкой. Банки с кошачьей едой Эммет расставил на радиаторе у самого окна, чтобы соседи видели их, когда будут подглядывать, как он живет.

Эммет старался завоевать расположение кота. Он постоянно напоминал зверю, что спас его, забрав из приюта.

— Без меня ты до сих пор влачил бы жалкое существование среди клеток с такими же бездомными животными. А ночью тебя никто бы не защитил. Ну как бы ты звал на помощь с таким-то голосом? Кто бы тебя услышал? — Что подумала бы Джоан, знай она, как Эммет кое-что замышляет против кота, а ей самой некогда нанести партизанский визит и спасти зверя, она ведь так занята другими животными.

Эммет в последний раз попытался выманить кота на улицу. Тот лишь зарычал, остановившись в дверях. Снаружи Эммет заметил две пары горящих в темноте глаз. Он вдруг понял, что недооценивает опасность вторжения. Он собственными глазами видел фотографии одной голливудской актрисы, которую съела ее собственная такса. Эммет знал, что друзья кота уже собрались во дворе и поджидают его. Он представил себе, как открывает дверь, в глазах рябит от мерцания зеленых огоньков, а зловещее шипение громче ночного моря.

Собака еще любила его, но Эммет предполагал, что кот просто не успел настроить ее против хозяина. Это лишь вопрос времени. Он не знал, кого предпочтет собака, если окажется перед выбором: его или кота. Она вполне могла принять сторону животных. И тогда за ним будут охотиться двое.

Эммет повесил на дверной проем штору. В телефонном справочнике отыскал приют для животных в другом районе города. Приют располагался так далеко, что его работники вряд ли были знакомы с Джоан. «А что, если они все-таки общаются? — думал Эммет. — Что, если они рассылают по приютам фотографии сотрудников и черные списки неудачных клиентов,

приклеивают их у себя над столами?» У Джоан есть фотография Эммета с собакой. Этот снимок можно размножить и развесить на досках объявлений в офисах по всему городу.

Трубку взяла женщина. Ее голос, сиплый и прокуренный, совсем не походил на голос Джоан. Эммет сказал, что кто-то подбросил ему под дверь кота, и он боится, что животное, возможно, голодает. Эммет подпустил в голос тревоги. В трубке молчали. Он прибавил, что соседские дети, скорее всего, мучили кота.

— Вы ведь знаете, какими жестокими бывают дети, — сказал он, надеясь, что у женщины есть ребенок. — Вы не могли бы прислать машину, чтобы спасти кота?

Она засмеялась и сказала, что они могут принять кота, если Эммет привезет его сам.

— Раз уж такая ситуация, — добавила она.

Эммет не знал, что это могло значить.

— Вы можете хоть что-нибудь сделать для беззащитного существа? — спросил он, взывая к ее состраданию.

Женщина снова засмеялась.

— Может, дадите ему доллар и отправите на метро? — предложила она и повесила трубку.

Эммет не мог везти кота на метро. В муници-

пальном законодательстве существовал пункт, который это запрещал. Даже если он накроет кота одеялом, вряд ли зверь будет вести себя смирно. Будь Эммет одним из тех, кто даже в час пик с остекленевшим взглядом небрежно курит в машине, он бы попробовал. Но у Эммета, если он провинится, все на лице написано. Стоит полицейскому заметить дрожащего кота у Эммета в руках, как тот сознается, не успеет полицейский подойти и расслышать бормотание.

Эммет запер собаку в спальне, чтобы она ничего не видела. Он высыпал из пузырька пять снотворных таблеток, растер их в порошок книжным корешком и высыпал в молоко.

— Котик, сюда, — позвал он. Он никогда раньше так не называл кота. Кот посмотрел сначала на Эммета, потом на миску. Один раз подцепил языком молоко.

Под пристальным кошачьим взглядом Эммет вышел из кухни. Кот сразу успокоился и принялся быстро лакать. Потом растянулся на своей подушке в углу и повернулся мордой к стене.

Во сне кот перевернулся на спину. Эти таблетки его не убьют. Эммет раскрошил оставшиеся три таблетки из пузырька и добавил их в миску. Обмакнул палец и прижал его к кошачьему рту.

Рот не открывался. Кот почти улыбался во сне.

В дверь постучали. Собака залаяла и стала царапать когтями пол, пытаясь выбраться из спальни. Эммет испугался, что это женщина из приюта разузнала его адрес — проверила телефонный номер, с которого он звонил. Может, она передала информацию Джоан, и та сейчас стоит за дверью с полицией. Оказалось, что пришел соседский мальчик.

— Я делаю косметический ремонт, — начал оправдываться Эммет, не успел мальчик и слова вымолвить. — Поэтому квартира такая пустая. Начинаю с нуля, как говорится. Все старое выбрасываю.

— У вас найдется свободная минутка? — спросил мальчик.

Раньше они ни разу не разговаривали. Может быть, мальчик даже сквозь стены каким-то образом прознал о жестоких планах Эммета насчет кота и пришел за ним проследить?

Эммет загородил вход, расставив ноги, чтобы мальчик не проскользнул внутрь, как Анита. Он нервно оглянулся, опасаясь, как бы кот не выполз в прихожую.

— Момент не самый удачный, — заметил Эммет. На складном столике — кружки с холодным

аммиаком, по столу разбросаны дохлые блохи. Будто компания друзей засиделась вчера после долгого ужина.

— Ну, пожалуйста.

Тон мальчика убедил Эммета, что это действительно важно. Бывало, ночами, когда Эммет сам лежал без сна от страха, он воображал, как стучит в дверь незнакомого человека. Иногда он представлял, как сосед впускает его в квартиру и ставит чайник. Или как кто-то на мгновение высовывает нос и тут же громко захлопывает дверь. Возможно, мальчик часами собирался с духом, чтобы постучать к нему. Эммет не смог отказать.

— Садись сюда. — Он проводил мальчика к складному столику. — Пока это все, что у меня есть, до конца ремонта.

— Я видел, как вы с собакой входили и выходили. Я надеюсь, что не сильно вам помешаю. Я просто хотел спросить у вас совета насчет фотоаппаратов. Я видел их у вас на шее, когда вы выходили ночью. Я хотел спросить, что вы об этом думаете. В смысле, о фотографии. О профессии фотографа.

Значит, и мальчик за ним наблюдал. Наверное, он родственник женщины из прачечной. Наверное, у него в квартире спрятаны вещи Эммета.

— Прости, но я не могу сосредоточиться. Кажется, мой кот болен.

Кот вошел в столовую. Его глаза закатились, он зашатался и прислонился к стене. Кот направился прямо к мальчику, но Эммет перехватил зверя. Кот уткнулся Эммету в руку и закусил кожу около большого пальца.

— Видишь, он в прострации, даже меня не узнает. — Эммет взял кота за горло, оторвал от руки и вытер кровь о шерсть. — Что-то с ним происходит, а я не пойму.

Мальчик кивнул.

Над головой у Эммета роились видимые частички света. Он не мог пошевелиться, только еле слышно вздыхал. Вой собаки из спальни стал невыносим, и Эммет уже ничего другого не слышал.

— Я очень привязался к этому коту. И к собаке тоже. Они же со временем становятся, все равно как твои дети. — Так обычно говорила мать Эммета.

Мальчик потянулся и двумя пальцами погладил кота по голове. Зверь трижды повел шеей и рухнул на пол.

— Прости, — сказал Эммет, — но мне нужно отвезти его к ветеринару. — Он вдруг сообразил,

что уже почти полночь. — Наш ветеринар при необходимости выходит на работу по ночам, ради постоянных клиентов. Я не представляю, что буду делать, если кот меня оставит. Мы так много пережили вместе.

— Тогда, может, я лучше в другой раз зайду? — сказал мальчик, не вставая со стула. — Может быть, вы обдумаете мой вопрос и потом что-то посоветуете? Мы могли бы поужинать вместе.

— Да, в любое время. Когда кот поправится.

Эммет посмотрел мальчику в глаза и дружелюбно улыбнулся. Теперь он был рад гостю. Если будет суд, Эммет попросит мальчика выступить свидетелем. Мальчик подтвердит, что Эммет очень любит кота.

— Приходи, если захочется поговорить. Я спрошу друзей, что они об этом думают. О том, какой лучше выбрать фотоаппарат.

— Спасибо.

— Приходи.

Мальчик встал. Эммет открыл тяжелую отсыревшую дверь. Она поддалась с трудом, и скрип не понравился коту. Он попытался удрать в коридор, но мальчик медленно наклонился, одной рукой поднял кота и передал его Эммету.

— Надеюсь, он поправится.

— За твое будущее, — сказал Эммет и отсалютовал ему котом, как бокалом шампанского.

Как только мальчик ушел, Эммет принес кота на кухню. Попытался мягко напомнить ему о своей любви.

— Помнишь, как я тебя спас? — шепнул он. Потом с воодушевлением сообщил коту, что они, возможно, переедут в другую квартиру. Он пообещал, что возьмет ему для компании еще одного кота. — Тебе, видимо, одиноко, когда меня нет, — сказал Эммет, с опозданием признавая свою ошибку. — Бесчеловечно было оставлять тебя здесь с собакой. — Эммет говорил, прижавшись губами к кошачьему уху, чтобы собака не могла подслушать.

Эммет посадил кота перед миской. Тот не задумываясь допил молоко с тремя таблетками. Эммет подождал, пока паузы между кошачьими вдохами и выдохами станут длиннее. Растянувшись на полу, кот казался оцепеневшим и ненастоящим.

Интересно, если кота засунуть в мешок для мусора, он задохнется? Эммет боялся, что кот проснется и сообразит, что вокруг черный пластик. Эммету захотелось самому почувствовать, каково будет зверю. Эммет достал из-под ракови-

ны мешок, надел себе на голову и затянул на шее. Постоял так несколько минут, нюхая пластик. Ему не было страшно. И коту будет спокойнее. Возможно, он проснется, подумает, что уже умер, и смирится с темнотой и нехваткой воздуха. Эммет завернул кота в полотенце и положил в мешок.

Телефон позвонил дважды и замер. Потом снова зазвонил. Этот код был известен только брату. Джонатан любил кошек. У него дома жили целых три. Эммет сообщил ему, что кот сбежал. Голос сорвался. Казалось, Эммет от этой потери обезумел. И Джонатан поверил ему, он не мог заподозрить Эммета в обмане.

Они проговорили двадцать минут. Эммет не отрывал глаз от мешка с котом. С каждым вздохом животного шевелился пластик. Кот пока не собирался бежать. Он дышал, как пьяница, уснувший на вечеринке. Эммет слишком далеко зашел, чтобы останавливаться на полпути. Он знал, что, если не довести дело до конца, кот так и будет ходить туда-сюда по кровати и не давать ему спать. Кот будет его преследовать. Ему всего четыре года. Значит, это мучение будет продолжаться еще двадцать лет.

Эммет выглянул наружу. Улица была пуста. Он

схватил сумку с обдолбанным котом и выскочил за дверь к мосту, что нависал над автострадой в трех кварталах от его дома. Эммет прижал пакет к груди, чтобы сбросить кота вниз, но машин было слишком много, даже в такой час. Эммет представил себе визг тормозов — машины будут объезжать странный объект, шмякнувшийся на дорогу с неба.

Пакет может стать причиной несчастного случая, и тогда полиция будет рыскать по городу в поисках Эммета. Интересно, на скользком полиэтилене проявятся отпечатки пальцев? Серая пыль до сих пор не стерлась с деревянных косяков и полок в квартире, а ведь после ограбления прошло уже несколько недель. Полицейские в прошлый раз не взяли у Эммета отпечатков. Но отпечатки вполне могут храниться где-нибудь в архивах. Скорее всего, отпечатки пальцев и стоп взяли в роддоме, когда Эммет только-только родился.

Пакет лежал на асфальте у его ног. Кот спал грузным калачиком, и пакет морщился при каждом вдохе, точно водоросли. Значит, он там еще не умер. Если он выживет, будет Эммету вечной угрозой и укором.

По мосту к Эммету приближалась стайка под-

ростков. Если они увидят, что пакет дышит, скорее всего, подумают, что там младенец. Устроят над Эмметом самосуд. Эммет прижал пакет к груди и бегом бросился домой. На улице никого — ему удалось пробраться в квартиру незамеченным.

В спальне визжала собака. Эммет положил пакет на складной столик и открыл ей дверь. Собака совсем обезумела от одиночества, сперва она даже не признала его и вся сжалась от страха. «Я и ее теряю», — думал Эммет, подбираясь к собаке на четвереньках.

— Это же я, — жалобно твердил он. — Гляди, я дома. Все в порядке. — Собака села и затряслась в ужасе. «Она все слышала, — запаниковал он. — Она знает, что я наделал».

Эммет не мог вынести ее недоверия. Он с нежностью подумал, как она его любила в последнее время, а он ее только мучил.

— Ты нужна мне, — нежно сказал он. — Кот просто болен, и ты должна помочь мне его спасти. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста. — Он приближался к ней, вытянув руки, точно слепой. Когда он коснулся собаки, та перестала дрожать. — Пойдем, поможешь мне, — сказал он и повел ее за ошейник в столовую.

Собака положила лапы на столик и обнюхала пакет. Она поскуливала и тыкалась в него мордой. Кот потихоньку просыпался. Если он пришел в сознание, его нельзя показывать собаке. Эммет ведь не знал, какими сообщениями они могли обменяться. Возможно, язык животных настолько загадочен, что человек не способен уловить, в какой момент начинается их диалог.

— Мы должны держать кота в темноте и не беспокоить, — сказал он собаке.

Он взял пакет и положил его за унитаз. В куче бумажных полотенец и тряпок кота никто не заметит, если выключить свет. Эммет сел на ванну и стал следить за вдохами и выдохами кота. Если отнести зверя в приют, они увидят обмякшее тело и поймут, что Эммет кота отравил. Они его накажут.

Эммет еще раз позвонил в приют. В этот раз ответил усталый мужской голос. Эммет сказал, что уже звонил насчет подброшенного кота. Он не стал ждать, что скажет мужчина. Он и сам не знал заранее, что скажет. Он просто говорил, говорил и говорил, пока не понял, что спасен.

— Мои соседи переехали две недели назад и забыли своего кота. Или бросили. Точно не знаю. Я слышал, что сосед устроился учителем в Айове.

Они устали от города и подыскивали место, где будут растить детей. Я не знаю, куда точно они поехали, но, если бы знал, позвонил бы им и попросил забрать кота. Я всегда считал, что за такими людьми нужно наблюдать, за людьми, которые постоянно говорят о своей семье и при этом бросают кота, почти котенка, на произвол судьбы… Я бы взял его себе, но у меня аллергия. Я кормил его целую неделю, и он теперь не уходит с моего двора. Он мяукает ночами, не дает мне спать. Это такой кошмар — слушать, как под окном кричит беззащитное животное. Мой доктор не разрешает мне впускать его в дом. У меня аллергия на антигистамины, сердце стучит так сильно, что пошевелиться не могу… Я был бы не прочь кормить кота. То есть еда — не проблема. Но грядет зима, и я боюсь, что кот замерзнет. Когда я звонил вам вечером, женщина, которая подняла трубку, говорила со мной очень грубо. Я поклялся, что больше вам не позвоню. А потом увидел, как подростки кормят кота какими-то таблетками. Он шатался по моему двору и падал. Я закрыл дверь, я даже опустил жалюзи, но этот звук, вы не представляете, что за звуки издает этот кот, это какой-то предсмертный хрип. Что же это за люди, которые так издеваются над жи-

вотными? Если бы я не боялся последствий, я бы пожаловался в соответствующие инстанции. Но мне же тут еще жить. Люди об этом забывают. Раз мальчишки способны сделать такое с беззащитным котом, представляете, что они сделают со мной?.. Не побоюсь сказать, что подобные вещи приводят меня в замешательство, я уже боюсь жить в этом городе. Здесь никто тебе не поможет. У меня есть собака, но это разве защита от банд малолетних головорезов? У простого человека нет возможности противостоять таким ужасам. Преступлений так много, что страшно читать криминальные сводки. Но я считаю, что это делать нужно. Нужно отслеживать события. Я уверен, вы по роду своей деятельности видели немало безобразий, которые люди творят с животными. Я как подумаю — оторопь берет. Но вы должны морально подготовиться, прежде чем я принесу кота. То, что с ним сделали, может и вас шокировать… Сам я ему помочь не могу Потому и звоню вам. Я один не могу его спасти. Простите меня, что так говорю, но я зашел в тупик, пока следил за этими пацанами. Я слыхал, как они себя ведут, но никогда ничего подобного своими глазами не видел. Я не удивлюсь, если они меня и обокрали. Я вам говорил? Ну да. Вынесли все,

что у меня было. Здесь почти ничего не осталось, кое-какие мелочи для нас с собакой, и все. Разве такой дом годится для кота? Я ни разу не бывал в приюте для животных, но полагаю, что у вас там все хорошо организовано. Да любое место подойдет, лишь бы ему не жить на улице, он же там совсем беззащитный. Я и сам не отказался бы жить в клетке. Я знаю, вас это удивляет, но, когда ты за закрытой дверью и знаешь, что ничего с тобой не случится, можно спать, как младенец. Если, конечно, можешь при желании в любой момент выйти. Если не подписывал договора о пожизненном заточении… У меня немного денег, но я возьму такси и поеду в ваш приют, если вы твердо пообещаете встретить меня у дверей. Вы не могли бы назвать свое имя? Я не хочу все это заново рассказывать и не стану ничего заполнять и подписывать. Вы там будете еще час? Я не хочу огласки. Моя семья довольно известна, и я не хочу, чтобы газетчики что-нибудь разузнали. Только между нами. Хочу отдать кота, забыть о нем и выспаться. Боюсь, если я не отвезу его сегодня, с ним что-нибудь случится. Можно приехать прямо сейчас? Такси меня за час довезет. Ваша смена еще не кончится? Я не сумасшедший, но я не спал всю ночь, и бессонница меня нервирует. Думаю,

вы меня понимаете, вы ведь и сами работаете по ночам. Мы с вами ни разу не встречались, но я вынужден просить вашей помощи. Умоляю вас. Мы сможем хоть что-то сделать, пока ситуация не изменилась к худшему. Как граждане. Верьте мне. Как вас зовут? Вы там будете через час?

Мужчину звали Нейтом. Он сказал, что будет на работе до девяти утра.

Эммет позвонил в службу вызова такси и продиктовал диспетчеру, откуда и куда едет. Ожидая машину, он аккуратно застелил газетами коробку, которую ему дала Джоан, словно собирался нести что-то хрупкое.

— Кот болен, и мы его спасаем, — сказал он собаке и переложил кота в коробку. В расчесанных местах, где кота особенно сильно кусали блохи, шерсть лезла клочьями.

Эммет повел собаку в спальню. Завязал ей пасть рубашкой, чтобы не выла. Потом связал собаке лапы ремнем и положил ее на матрац, как заложницу.

— Лежи тихо, пока меня не будет. Это для твоего же блага, — сказал он и легонько поцеловал ее в нос. — Кот болен, я не хочу, чтобы то же самое случилось с тобой. Я обо всем позабочусь. Будем жить, как раньше. Помнишь?

Водитель приехал в «универсале». Он курил сигару, мурлыча между затяжками, и не обращал внимания на Эммета. Сказал только два слова: «Служба такси». Эммету на мгновение показалось, что машина принадлежит местным заговорщикам. Они вполне могли ее подослать, чтобы с пасти кота, а Эммета увезти далеко в лес и утопить в болоте.

Как только они выехали из квартала, Эммет попытался умаслить водителя. Эммет никак не мог замолчать. Рассказал водителю о своей жизни, превратившейся в кошмар. Говорил всю дорогу, выдумывая разнообразные подробности кошачьих мучений. В конец концов Эммет почувствовал, что справедливость на его стороне. Он облокотился на коробку, придерживая крышку одной рукой.

Они уехали далеко и теперь проезжали районы, о которых Эммет ни разу не читал в криминальных сводках. Жители собирались на улицах в группки. Стояли в закоулках и на углу, наблюдая за уличным движением. Водитель поворачивал так часто, что Эммету показалось, будто он попал в самое сердце лабиринта и углубляется все дальше. Темнота пригвоздила его к сиденью.

Машина замедлила ход и въехала на авто-

страду. Водитель знал дорогу. Приют был в пять раз больше того, где работала Джоан. Парковка — большая, как у супермаркетов. Вокруг стояли служебные автомобили.

— Приехали, — бесцветно сказал водитель.

Эммет вынул кошелек.

— Вы меня подождете? — спросил он. Водитель пожал плечами и взглянул на часы. Эммет старался не поддаваться панике. Он дал водителю деньги. Поблагодарил. Водитель в первый раз посмотрел на коробку.

— Что там у вас? Енот?

Приют освещали голые лампочки. Эммет подошел к человеку за столом.

— Вы Нейт? — спросил он. Мужчина кивнул. Позади стола то и дело открывалась и закрывалась железная дверь, и до Эммета доносилось отраженное от стен эхо звериных голосов. В голове завертелись жуткие сцены экспериментов над бедными тварями.

— Кот, — сказал Эммет, стараясь не разъяснять все сразу. Он потряс коробкой для достоверности.

Нейт позвал другого мужчину, одетого в форму ветеринара. Они вдвоем подошли к Эммету, встали по бокам, словно пограничники. Эммету

хотелось во всем признаться, но история распадалась в голове на клочки и обрывки.

— Кот. — Его растянутые в улыбке губы слегка задрожали.

Ветеринар вынул кота из коробки и поднял к потолку. Эммет опустил глаза — он был уверен, что у ветеринара в руках болтается мертвое тело. Но ветеринар развернул кота к свету и осмотрел. Потом прижал к груди. Кот зевнул и положил голову ему на ладонь. Эммет покосился на дверь с красной надписью «выход» — на случай, если они сейчас ринутся на него. Он не знал наверняка, не ловушка ли этот приют, а кот вел себя так, словно очутился среди друзей.

Нейт что-то сказал, но Эммет не расслышал. Ему хотелось знать, действительно ли кот перехитрил его и слинял. Но он не мог вспомнить, как все это началось и почему зашло так далеко.

Ветеринар пнул коробку в угол, взял кота подмышку и пошел к вертящейся двери, не говоря ни слова.

Нейт протянул Эммету какую-то бумажку. Кажется, требовал денег. Эммет попятился от стола. Чтобы Нейт не подходил, Эммет швырнул ему кошелек с деньгами. Эммет не знал, чего от него хотят. Нейт потрогал кончик ручки, будто

проверяя рыболовный крючок.

В приют вошел мужчина с собакой. Собака была точно такая же, как у Эммета, большая и коричневая. Эммет понял, что его собака тоже предательница. Наверное, они схватили ее, как только он вышел из дома. Он посмотрел на незнакомца, потом на Нейта, потом на открытую дверь. Незнакомец принес с собой сквозняк. Эммет почувствовал, как ветерок проник в комнату и легким шарфом обвил шею. Эммет не мог придумать, как бы прервать воцарившуюся тишину.

— Кот, — повторил он.

Это слово больше не походило на слово — просто спазм, оно схватило за горло и заметалось между стен.

Часть вторая
КЛИНИКА

Самым важным или самым привлекательным оказалось желание найти такой взгляд на жизнь… при котором жизнь хоть и сохраняет свои естественные тяжелые падения и подъемы, в то же время с не меньшей ясностью предстает пустотой, сном, неопределенностью[3].

Из дневников Франца Кафки
«Он», записи 1920 г.

---

[3] Примечания: 3
Пер. Соломона Апта.

1

Когда Эммет был маленьким, ему казалось, что самая жесткая поверхность на земле — это *зеленый* кафель в коридорах детского сада. Каждые несколько недель из громкоговорителя на игровой площадке раздавался вой сирены. Учительница хватала деревянную указку, висевшую на магните около доски, и хлопала ею по ладони. Весь класс покорно вставал из-за парт и ждал, когда она объявит:

— Представим себе, что русские бросают на нас бомбы.

Дети становились в шеренгу в коридоре, склонившись перед стеной, будто она священная. Эммет запомнил, как прислонялся лбом к прохладной плитке и обхватывал руками живот. Он рассматривал тонкие серые полоски между плитками, состыкованными так аккуратно, что на чистой зеленой поверхности не было ни одной лишней капли цемента.

Склонившись перед стеной, Эммет воображал, как здание сотрясается от взрывов. Он знал, что деревянный каркас переломится быстро, а пластиковые потолки превратятся в пыль. Но он

верил в кафельные стены, в то, что они защитят его, ведь жар от бомбы не может быть горячей огня той печи, где обжигали керамику.

Во время таких тренировок Эммет часто вспоминал, как бабушка рассказывала ему о бомбардировках в Лондоне во время войны. Она закрывала окна черными шторами и зажигала одну-единственную свечу на столе, в столовой миссис Пеббл. Пламя подрагивало всякий раз, когда неподалеку разрывалась бомба, а иногда и вовсе потухало, превращаясь в дым. Иногда домашние сами тушили свечку, брались за руки и сидели в темноте, как на спиритическом сеансе. Время от времени кто-нибудь вставал и выглядывал за занавеску, смотрел на город, освещенный вспышками.

Однажды Эммет с бабушкой смотрели по телевизору передачу об извержении вулкана на Гавайях. Эммета поразили языки огня, вылетающие из катера. Бабушка сказала, что примерно так выглядел Лондон во время бомбежки, когда она глядела на него сквозь серое оконное стекло в щель между занавесками, — оживший вулкан посреди города, разбрасывающий огонь из тоннелей и прожигающий небо.

Когда Эммет ходил в детский сад, родители жи-

ли в тупике из четырех домов. Так случилось, что все соседские семьи одновременно поверили газетам и решили, что надвигается опасность. Они собрали деньги и на заднем дворе дома Эммета построили бомбоубежище. Глубокое убежище, почти как колодец. Стальная дверь плоско лежала на земле и открывалась с помощью железной цепи. Папа Эммета положил на эту дверь лист искусственного дерна, а цепь выкрасил в зеленый цвет, чтобы замаскировать вход.

Дверь открывалась наружу, длинная металлическая лестница вела в главную комнату. Стены были из спрессованной глины, покрытой штукатуркой. На полу лежали соломенные циновки. В центре комнаты, как в больничной палате, рядами стояли двенадцать раскладушек. Рядом с каждой — пластмассовый поднос, а на нем прозрачная баночка с белым фитилем, напоминающая ритуальную свечу. Слева располагалась комната поменьше, с бугорчатыми диванчиками и длинным столом, сколоченным из досок разобранного амбара. Мать Эммета купила длинные полки и заполнила их книгами о садоводстве, истории Французской революции и романами о нацистах, после войны живущих под землей в Южной Америке.

Детям предназначался маленький клад с подарками, который они могли открыть только после ядерного взрыва. До того открывать коробки запрещалось. В дни, когда Эммету было скучно, он ждал ядерного взрыва, точно Рождества, мечтая поскорее развернуть подарки.

Один сосед был астрономом. Он встроил в стену бункера телескоп, который выглядывал наружу, как перископ. Когда Эммет глядел в него, ему казалось, что он в подводной лодке. Другой сосед соорудил вентилятор и вывел его на улицу с помощью длинных труб. Вентилятор должен был очищать воздух от радиоактивной пыли. Эммет с братом помогли отцу притащить и расставить вдоль стены герметичные пластиковые канистры с водой. А вдоль другой стены они штабелями поставили банки консервов. Отец считал, что провизии им должно хватить на полгода. Никто не думал, что они будут делать, если заточение продлится дольше.

Раз в несколько месяцев отец Эммета глубокой ночью выходил на улицу и звонил в колокольчик. Он считал, следует тренироваться жить вместе, чтобы, когда случится беда, не возникало сюрпризов. Люди выбегали в темноту и вставали в очередь перед входом в бункер. Двенадцать

человек в пижамах и махровых халатах держали в руках подушки и одеяла. В бункере у каждого под раскладушкой уже был заготовлен чемодан с одеждой.

В такие ночи все говорили шепотом, словно их могли услышать солдаты, расхаживающие над головой. Все вежливо рассаживались на диванах, как незнакомцы на вечеринке. Мать Эммета заваривала чай. Время от времени отец взбирался по лестнице — глянуть, что происходит снаружи. Возвращаясь, он каждый раз говорил, что после взрыва открывать люк будет нельзя и телескоп станет их единственным окном.

Мысль о падающих ночью бомбах Эммета не пугала. Он твердо верил, что со временем опять сможет оказаться наверху. Отец уверял его, что бункер — очень надежное место, и Эммет точно знал, что они выживут. Мир за пределами бункера казался ему намного опаснее.

Прошло время, родители перестали опасаться русских и проводить учения, но Эммет по-прежнему изредка спускался в бункер по ночам. Он брал одеяло из чулана, стелил его на раскладушку и лежал, прислушиваясь к рычанию вентилятора, гоняющего спертый воздух. Эммет вертел телескоп и рассматривал двор; все, что он видел,

было расчерчено тонкими черными линиями, нарисованными на линзах: объемным прямоугольником с кругом точно посередине, похожим на прицел.

Эммет уже двадцать лет не спускался в бункер, но иногда, гуляя по городу, замечал в лестничных колодцах небоскребов желтые знаки с черными треугольниками, которые когда-то обозначали бомбоубежища. А когда ему случалось идти по коридору, выложенному прохладной зеленой кафельной плиткой, он трогал ее пальцами и вспоминал, как вместе с другими детьми стоял у такой стены в детском саду.

Зазвенел колокольчик. Стеклянные двери распахнулись, и Эммет вошел в больничное отделение. Двери захлопнулись у него за спиной так громко, что он прыгнул вперед. Оглянувшись, Эммет увидел свое отражение в зеркальных дверях — его раздвоенный силуэт стоял посреди коридора с сумками в руках. Помещение было заставлено оранжевыми скамейками, обтянутыми больничным кожемитом, и пластмассовыми столами с пепельницами и бумажными стаканами. Эммет вынул из сумки бумажную салфетку, постелил ее на скамейку и сел на самый краешек, ожидая, когда кто-нибудь с ним поздоровается.

Медсестры на цыпочках входили и выходили из отделения. При звуке колокольчика дверь открывалась сама, будто за ней следил спрятавшийся за ширмой волшебник. От возбуждения у Эммета кружилась голова, и он придвинул сумки поближе к ногам. Звон колокольчика множился, он был теперь повсюду, а когда Эммет закрывал глаза, звенело так отчетливо, что казалось, будто это отец стоит на улице и созывает соседей, чтобы провести их в бункер через дверь, покрытую фальшивой травой.

2

Протягивая Эммету руку, к нему подковылял очень маленький человек, почти гном. По внешнему виду сложно было судить, кто он — пациент или работник больницы. Но когда человечек подошел ближе, Эммет заметил именную карточку на кармане и пейджер на поясе.

Голова мужчины едва доходила Эммету до пояса. У него были короткие кривые ножки в ковбойских остроносых сапогах из серой змеиной кожи, с неимоверно длинными и острыми носами. Из резинки, стягивающей волосы в конский хвост, выбивались непослушные кудри, паутинкой клубясь на голове. Усы аккуратно огибали рот и свисали вниз полумесяцем. В левом ухе болталась серьга-распятие, а на шее висел тонкий серебряный «ошейник» с бирюзой. Медбрат будто хотел привлечь внимание к своей огромной голове, чтобы рост не так бросался в глаза. Эммету он показался постаревшим ковбоем, чью голову пришили к телу больного ребенка.

— Я Крис, — сказал медбрат, — то есть Кристиан. Я провожу вас в вашу комнату.

Эммет промолчал. Он не знал, чего ожидать от

клиники, но такой прием показался ему чересчур простым, словно он в первый раз пришел в общежитие колледжа.

Крис провел его мимо комнаты отдыха с двумя столами для пинг-понга, на которых лежали белые шарики, прижатые ракетками к столу. В центре комнаты располагался стол для игры в пул, с киями в передвижном деревянном ящичке. Такая же пустая комната вполне могла находиться в начальной школе или в подвале церкви маленького городка. По стенам развешены яркие примитивные картинки, над каждой цветными мелками выведены имена авторов. Эммет видел подобные картинки в воскресной школе, где учились его крестники, но сюжеты рисунков сильно отличались. Многие картины на этих стенах были жестокими: персонажи Священного Писания с искаженными лицами и открытыми ртами и много людей, совокупляющихся прямо на земле.

В вестибюле около комнаты отдыха Эммет заметил освещенный отсек со стеклянными стенами. Дверь закрыта. Во всем остальном отделении света не было. За звуконепроницаемым стеклом сидели на табуретках четверо дежурных — смеялись и что-то пили из кружек.

Палаты для пациентов находились в отдель-

ном крыле, и там же вдоль коридора на равных расстояниях друг от друга тянулись раковины и зеркала. Слева — тяжелая белая дверь, похожая на подвальную. В центре двери небольшой иллюминатор, затянутый проволочной сеткой. Эммет вопросительно посмотрел на дверь. Пока только она и страшноватые рисунки на стенах портили его впечатление о больнице.

— Это изолятор, — пояснил Крис. — Для буйных. Вы вряд ли к ним относитесь, но если начнете безобразничать, то я вас туда отведу, если хотите. Сейчас там никого. Спокойная выдалась неделя.

Эммет удивился, как непринужденно этот человек с ним разговаривает, почти как с приятелем. На этой экскурсии Эммет словно знакомился с новой квартирой, где собирался жить.

Крис снял с кольца на поясе толстый медный ключ с желобками. Повернул ключ в замке и нажал кнопку в стене, дав знак дежурным, сидящим за стеклом на посту. Что-то зажужжало, и дверь открылась.

В изоляторе было четыре комнаты. По две справа и слева от коридора. Крис показал Эммету одну. Начитавшись книг о психиатрических больницах, Эммет представлял себе палаты, обитые войлоком, но эта комната была совсем

обычная, только белая. От такого жилища не отказался бы монах.

Крис включил свет, и Эммет заметил грязные пятна и отпечатки пальцев, тянущиеся вверх по одной стене, будто кто-то пытался ее ободрать. Комнатка была такой маленькой, что Эммету и Крису пришлось закрыть дверь, чтобы она им не мешала. Дверь закрылась, идеально встав в проем, и стала почти незаметна. За их спинами появилась сплошная стена с небольшим овальным окошком для наблюдения за пациентом из коридора.

Из мебели — только небольшая металлическая кушетка с тонким матрасом, покрытым белой простыней. В ногах — аккуратно сложенное белое хлопчатобумажное одеяло, на нем плоская квадратная подушка. Цементный пол тоже белый.

— Мы за то, чтобы тут все было просто, — сказал Крис. — Чтобы ничто пациентов не смущало и не огорчало.

Эммет прошел к грязной стене и попробовал дотянуться до черных отпечатков над головой.

— Думаю, надо бы это закрасить иначе кто-нибудь подумает, что там выход. — Крис потянул Эммета к двери. — Пойдемте, я покажу вам вашу комнату.

В коридоре Крис говорил шепотом, чтобы не разбудить пациентов.

— Вот ваша палата. Соседа зовут Уинстон. Он безобидный, только не оставляйте свои вещи без присмотра.

В темноте комнаты Эммет заметил, что на дальней койке у стены кто-то спит. Ровно посередине койки одеяло неестественно вздулось.

— Уинстон далеко не худышка, — сказал Крис. — Но он вас не обидит. Завтра я целый день на дежурстве. В две смены. Приходите, если что понадобится.

Эммет в знак благодарности погладил Криса по руке и присел на кровать, поставив сумки у ног. После происшествия с котом нервы Эммета были в таком состоянии, что он уже не мог разговаривать, не заикаясь. Вернувшись домой из приюта, Эммет увидел, что собака так и уснула, лежа связанной на матраце. Когда он подошел к кровати, чтобы ее отвязать, она открыла один глаз, вздохнула и отвернулась носом к стене.

Эммету хотелось все забыть. Чтобы отвлечься от ужасов этого вечера, он позвонил Джонатану. Хотел поговорить с ним просто, как всегда. О погоде, о книге, которую читал. Он хотел сказать: «Это я», но буквы запрыгали, задрожали и стали

повторяться снова и снова, пока не превратились в сплошной поток. «Это ад-ад-ад», — повторял Эммет, словно только это и мог выговорить.

Позже он пробовал говорить один, сам с собой. Пытался читать стихи, которые когда-то помнил, произносил вслух строчки из газет. Но его словно ударяло током, который заталкивал слова обратно в горло.

Эммет ни разу не проговорился доктору о газированной воде, которую пил, о пище, к которой испытывал отвращение. Он никогда не раскрывал брату своих секретов. Но ему не удавалось спрятать ужас, что взял в плен его речь. Джонатан посоветовался с доктором Эммета. Они вдвоем убедили его лечь в больницу.

— Ты так долго не протянешь, — сказали ему оба. И Эммет сдался. Он отдал собаку Джонатану и собрал оставшиеся вещи.

Сидя в темноте на новой незнакомой кровати, Эммет пытался рассмотреть очертания немногочисленной мебели. У одной стены — два маленьких комода, похожие на детские. У каждой кровати — тумбочка с лампой.

Эммет откинулся на подушки, словно он в отпуске, в незнакомом отеле осваивается и привыкает к новому месту.

— Комната, — прошептал он. — Комната, — повторил он, смакуя звук. Впервые за несколько недель голос не задрожал. Слово прозвучало ровно и мягко. Эммет заходил вокруг кровати, напевая от удовольствия: — Мурмур, — мурлыкал он. — Мармелад. Хунта. Пелопоннес. Гончарный. Терракота. Маккавей.

Эммет вдруг почувствовал себя непобедимым. Он попробовал сказать предложение, повысив голос на децибел, но так, чтобы не разбудить Уинстона.

— Карл у Клары украл кораллы, — пожав плечами, бегло проговорил он, четко произнося каждое «к» и «л». — Что еще, что бы еще сказать, — думал он, дрожа от радости.

Он вспомнил скороговорку, которой его в детстве научил логопед:

— Не руби дрова, на дворе трава. На траве дрова, не руби дрова.

«Ну вот, все прошло. — На секунду ему захотелось ринуться к телефону и поделиться новостью с Джонатаном. Он запустил руку в карман за монетой, но остановил себя. — Нет, нельзя, иначе я так и не пойму, что со мной творилось весь год. Ничего не изменится. Они подумают, что я уже излечился».

Эммет испугался, что его выпишут, не успеет он и ночи провести в больнице. Ему хотелось передышки, он боялся возвращаться в свою жизнь так скоро. Брат и доктор с таким энтузиазмом ухватились за его заикание, будто раньше не замечали его истощения и отшельничества.

Да и самому Эммету стало легче. Ему теперь не нужно объяснять свое поведение всем и каждому. В ту минуту, когда исковерканные слова мучительно срывались с губ, мозг будто исторгал все бремя, что так долго лежало на сердце. Теперь же Эммет опасался, что без заикания снова попадет во власть своих внутренних кошмаров.

Эммет провел пальцами по столу из «формайки». Он поставил стул к стене. Убрал пушинку с подушки. Он не хотел уходить. Он сжал пальцами горло и сосредоточился, пытаясь вернуть заикание.

— К-к-кот, — сказал он, тренируясь выплевывать «к», а потом выдирать из себя слово целиком. — К-к-кот.

Он пожалел, что не прихватил с собой фотографию кота. Теперь у него ничего с собой не было, дабы при случае доказать, что он не выдумал кошачью ярость. «Как же я мог подумать, что собака меня предала?» Он покраснел, вспоминая,

как убегал из приюта для животных. Теперь, когда у него не было ни кота, ни собаки, его терзала утрата — как давным-давно, когда закончился его роман: Эммет даже сомневался, что тот человек вообще существовал. Осталась лишь какая-то беспричинная тоска.

Эммет откинул покрывало и лег на простыню. Подушка была жесткой и плоской, совсем не похожая на пуховые холмы, сваленные дома на кровати. Он потянулся к комоду и открыл дверцу. Она так пронзительно заскрежетала, что Уинстон заворочался под одеялом. Эммет побоялся распаковывать сумки — шорох мог побеспокоить Уинстона. Эммету не хотелось при первом же знакомстве портить отношения с соседом.

Он на цыпочках вышел в коридор, словно проникая в запретную зону, и крадучись пошел к дежурным. Он понятия не имел, что им скажет, но хотел кого-нибудь увидеть, прежде чем лечь спать. Ему хотелось убедиться, что это место обитаемо.

В коридоре раздраженно ворчала какая-то женщина:

— Ага, ага, давай лучше в прачечной рассказывай свои слезливые байки, сестренка. Я не двинусь с места, пока не выкурю сигарету, так

что дай лучше спичку.

Эммет замер в углу. Он никогда не слыхал такого нахального голоса. Насмешливого и мощного, напряженного, не терпящего возражений. Затем послышалось бормотание и щелчок зажигалки.

— Спасибочки, — гавкнул голос, и кто-то зашагал к комнате отдыха.

Вернувшись в палату, Эммет услышал, как Уинстон кричит во сне. Эммету совершенно не хотелось знакомиться с демонами, что мучили соседа. Он пошел в самый конец коридора, решив постоять в темноте у стены. Но, проходя мимо последней комнаты, он услышал голоса и приостановился. Две женщины и мужчина сидели на кровати вокруг пепельницы, курили и разговаривали.

Не успел Эммет отступить в тень, как одна из женщин поймала его взгляд. Она помахала ему, приглашая зайти. Ее рука была в браслетах до самого локтя, и, когда женщина опустила руку, браслеты со звоном сползли вниз, сплошным золотым кольцом обхватив запястье.

— А, новичок, — улыбнулась она. — Мы о тебе слышали.

Эммет застенчиво присел на кровать напротив и притворился, что завязывает шнурки.

— Я Дафна, — сказала женщина, — а это Брюс. А это Эмили.

Эммет оторвался от ботинок и поднял голову. Он приветливо помахал им рукой, и у Эмили затряслась шея, будто ее что-то душило изнутри. Она выглядела лет на сорок пять, седые волосы пострижены под горшок. Кожа рябая и бледная, словно Эмили уже много лет не выходила на улицу. Торчащие зубы в застывшем волнении приподнимали верхнюю губу. Ногти аккуратно заострены, каждый ровно на дюйм. Эмили улыбнулась Эммету и поскребла ногтями щеку; на запястье посыпались струпья кожи. Оставшиеся на щеках розовые полосы были единственным ярким пятном на ее бледном лице.

Брюса Эммет инстинктивно испугался. Брюсовы глаза бездумно вращались, кожа плотно обтягивала лицо, горячая и красная, точно высохшая от постоянного жара. Волосы торчали колтунами. Когда Брюс встал и подошел к кровати, чтобы пожать Эммету руку, джинсы его приспустились, и на два дюйма вылезла эластичная резинка трусов. Эммет увидел зеленых динозавров на голубой ткани — обернувшись, они зубасто скалились.

— Знаю тебя, — лукаво сказал Брюс и грубо

схватил Эммета за запястье.

Эммет умиротворяюще улыбнулся и назвал свое имя.

Брюс подмигнул и сказал:

— Ладно, я твою игру раскусил.

Эммет не понял, что это значило. Он хотел было спросить, но Дафна его опередила:

— Заткнись, Брюс, — и, повернувшись к Эммету, пояснила: — Брюс думает, у всех кругом секреты, а он их все знает. Придется тебе научиться не обращать на него внимания. Такой уж он есть, наш Брюс.

— Чокнутый, — добавила Эмили, и все засмеялись.

Брюс тоже засмеялся и наклонился к Эммету, почти касаясь губами его уха:

— Позже поговорим. — Он потрепал Эммета по щеке и многозначительно добавил: — Джон.

Эммет отодвинулся от него как можно дальше. Он уже сейчас боялся и минуту провести с ним наедине. Эммет судорожно придумывал ответ, но боялся разозлить Брюса. Тяжело дыша, он без особой надежды посмотрел на женщин, сидящих в другом конце комнаты.

— И что же привело тебя сюда? — добродушно обратилась к нему Эмили.

Эммет пожал плечами и показал пальцем на свой рот.

— Н-н-нервы, — признался он. Теперь ему придется имитировать заикание, как человеку, который изображает иностранный акцент.

Эмили кивнула с одобрением.

— Тебе нужно познакомиться с Майклом. Он не может двигаться, а разговаривать и подавно. Мы его зовем Квадрат. Когда к нему приходят родители или кто-нибудь из докторов задает вопрос, который ему не нравится, он мочится. Это он так говорит «привет».

— Со мной он разговаривает, — сказал Брюс. — Только ночами, когда вы все спите.

— А как же, — сказал Дафна. — Смотри, не успеешь оглянуться, с тобой Иисус и его мамаша заговорят. Они вон уже с Маргарет разговаривают.

Брюс притворно ухмыльнулся, всем своим видом показывая, что Дафна просто не в состоянии понять глубинной тайны, лежащей в основе его жизни.

— Меня ищут, — сказал он. — *Comprenez?*[4]

— Ты в первый раз? — поинтересовалась Эми-

---

[4] Примечания: 4
Понимаете? *(фр.).*

ли, поворачиваясь к Эммету. Эммет кивнул, недоверчиво озираясь. До этого он не замечал замков на оконных рамах и армированного стекла, которое даже пуля вряд пробьет.

— А у меня всю семью упекли, — вдруг очень просто сказала Эмили. Тем же тоном она могла бы сообщить, что все ее родственники окончили один университет. — Ну нас, конечно, не миллион. Только трое, не считая каких-то там двоюродных, которых я не знаю. Только брат попробовал пожить, как нормальный человек. Женился. Несколько лет вытерпел, а потом устал. Однажды ночью убил жену, ее мать и их ребенка, пока они все спали на полу в гостиной. Потом вышел на улицу и сел на скамейку, прижимая к груди топор.

Эмили пожала плечами и запустила пальцы в волосы. Сигарета опалила волосы, несколько прядей съежились, как догорающие фитили.

— Это даже облегчение в своем роде. То есть ничего хуже быть уже не может. Сам подумай. Представь худшее, что может случиться. И вот оно случается. Куда это тебя приведет? Сюда, наверное, — сказала она, отмахиваясь от дыма. — Хотя должна признаться: и до того, как он их убил, я сюда попадала регулярно. Доктора говорят, у

нас у всех не хватает какой-то хромосомы, а без нее в голове туман.

Эммет недоверчиво мигнул.

— Я знаю, это звучит, как будто я все выдумала и хочу оправдаться, — продолжала Эмили. — Как толстые люди, которые утверждают, что проблема в гормонах, но ведь это действительно так. У людей ведь бывают проблемы с гормонами, правда? Это генетика, и ничего тут не поделать. Я не говорю, что жизнь была бы намного лучше, если бы не эта хромосома. Уж точно не с моей матерью. Но с этой болезнью просто не остается шанса бежать, себя-то никуда не денешь. И этот отсутствующий ген, так ведь? Его не видно, но он — самая большая часть меня.

Брюс вертелся по комнате кругами и рычал, как мотор. Раскинув руки, будто крылья, он принялся «пикировать» на всех присутствующих.

— Брюс терпеть не может, когда кто-нибудь произносит больше одного предложения за раз. Кроме него самого, конечно, — сказала Эмили. — У меня мама такая же больная. А твоя? Какая она у тебя?

Эммет еще ни разу не встречал людей, которые так беспечно болтали бы о своих бедах. Им как будто все равно, кто и что о них знает.

Не думая, он ответил:

— М-м-м-моя мать умерла. Она убила себя. Но я не люблю о ней говорить. Ненавижу людей, которые жалуются на своих родителей.

— Почему? — спросила Эмили. — У всех есть парочка. Так же, как два глаза или две ноги.

— Два глаза есть не у всех. И две ноги не у всех, — перебил Брюс, замирая на полушаге. — А еще не у всех есть отец. Бывает же искусственное зачатие. Лучше бы меня сделали в пробирке. Тогда бы у меня не было матери. Хуже ее не бывает. Она украла мой диван. Правда. Мне не на чем было сидеть, пришлось податься сюда.

— А ты не м-мо-жешь его забрать обратно? — промямлил Эммет.

Брюс покраснел и подскочил к нему.

— Нет, — взвизгнул он, — но я натыкал в него невидимые булавки. Теперь, когда она садится на диван, они в нее вонзаются. И я уверен, что они еще там. Она хромает. Говорит, что попала в аварию, но это вранье. Она просто слишком глупа, не замечает булавок.

— Тут матерям здорово достается, — сказала Дафна. — Все их обвиняют. А отцов — нет, если они не насильники. Вот увидишь на сеансах семейной терапии — мамаши сидят и рыдают, а

детки на них орут. И так постоянно. Вечно мамаши виноваты. Плохо.

— Клянусь, что она его украла, — продолжал Брюс. — Это ведь не та вонючая оранжевая софа в гостиной. Мой настоящий. Серый шелк с разводами, это я там в детстве слюни пускал. Мать так говорит, но я не верю, что это я. Мой диван.

Брюс кружил по комнате, размахивая руками. Эмили тряслась и курила. Дафна смотрела в одну точку.

Эммета восхищала сдержанность Дафны. Возможно, она просто посетитель, зашла однажды в больницу и осталась здесь. Эммету хотелось заслужить ее доверие, попросить ее поделиться всем, чему она тут научилась. Однако ему было неловко из-за своего заикания, и он не был готов ровной беседой добиться благосклонности.

— Я у-у-устал, — сказал он, поднимаясь. Дафна ласково улыбнулась.

— Мертвый, — неожиданно сказал Брюс.

— Что? — Все трое подняли на него глаза.

— Я сказал «мертвый». Он никогда не выберется.

— Прекрати, — сказала Дафна.

— Прекратил бы, если б смог, — продолжал Брюс, — но я не могу. Есть вещи, которые не изме-

нить. — Он ущипнул Эммета за щеку и притянул его лицо к себе. — Прости, парень, но ты выбрал не ту дверь и сделал шаг в пустоту.

— Хватит его запугивать, — сказала Дафна.

— Я не запугиваю. Я просто хочу, чтоб он знал, куда себя загнал. Пусть поймет, что я знаю, кто он. — Брюс отпустил лицо Эммета. — А ну-ка, дай я тебе по руке погадаю.

Эммет попытался спрятать руку. Он родился без линии жизни. Те, кто верил в линии на ладони, обычно пугались, словно перед ними вдруг возникло привидение. Сам Эммет так и не решил для себя, верит он в предсказания или нет, но успокаивал себя, надеясь, что, даже если в его ладони кроется рок, ему, Эммету, не дожить до его исполнения.

Брюс ухватил его руку и силой разжал пальцы. Он сразу заметил не рассеченное линией место — словно карта, с которой кое-где смыли изображение.

— Я знал. — Брюс запрыгал на месте. — Он мертв. Он мертв. Я это понял, как только он сюда вошел. Кто из нас теперь сумасшедший? — торжествующе обратился он к Дафне.

— Так всегда было, — быстро произнес Эммет. Он сжал кулак и сунул в карман джинсов. —

Всегда.

— Конечно, всегда, — ухмыльнулся Брюс. Он достал из кармана монету, подбросил ее и поймал тыльной стороной ладони.

— Видишь? Ее сняли с трупа. Я знаю человека, который снял ее с черепа, она лежала в пустой глазнице. Мой друг украл эту монету, кажется, в Египте. Думаю, он проник в пирамиду. Эти древние верили, что такими взятками обеспечат себе место в раю. Эта штуковина принесет мне удачу.

Брюс бросил монету Эммету. Она была коричневая и неровная, почти как камешек. Эммет перевернул ее на ладони. На другой стороне на металле был выгравировано крыло.

— У меня еще тряпка есть, — сказал Брюс, забирая монету. — Тот же самый приятель ездил на Ближний Восток и нашел ее там. В нее было обернуто лицо скелета. Знаешь как? Полностью, и глаза тоже, как будто его казнили. Тряпка намного лучше сохранилась, чем кожа того парня. Хотя, может, это была девица. Их же там расстреливали, да? Мой приятель хотел взять череп, но побоялся, что на таможне отберут, когда бомбы станут искать. Я ее тебе как-нибудь покажу, если ты, конечно, отсюда выберешься. — Он рассмеялся. — Может, в следующей жизни.

Эммет попятился к двери.

— Не обращай на него внимания, — сказала Дафна. — Брюс — единственный человек, которого выкинули из квакеров. Даже они не выдержали его на своих собраниях. Подумай об этом, когда он начнет выпендриваться. Они даже Никсона выдержали, а Брюса вышвырнули.

— Просто я сообщил им слишком много правды. Хер с ними. Хер с вами со всеми. Я ложусь спать.

Он подбросил монету и поймал ее одной рукой за спиной. Потом опять подкинул щелчком большого пальца и поймал ртом. Высунул язык. Монета подрагивала на кончике языка, будто насекомое.

— Найду тебя позже, — сказал Брюс Эммету. — Спорим, что когда ты думал о вечной жизни, то не представлял себе, что это буду я.

Брюс схватил воображаемую гитару и ударил по невидимым струнам. Направляясь по коридору к своей комнате, он запел:

— «Я так устал, что делать мне теперь, я так устал, все мысли о тебе»[5]. — Он выкрикивал: — Ла-ла-ла, лала-лала, — пока не сбился на истеричное хихиканье.

---

[5] Примечания: 5

Цитата из песни «I'm So Tired» с «Белого альбома» группы «Битлз» (1968).

— Тут, что ли, все такие? — в воцарившейся тишине поинтересовался Эммет.

Эмили пускала табачные кольца. Четыре расплывчатых колечка подобрались к Эммету и заволокли его лицо.

— Да он неопасный. По крайней мере хоть умный. Подожди, вот остальных увидишь. Волосы дыбом встанут.

Дафна поднесла руку Эмили к губам и затянулась от ее сигареты.

— У некоторых, — сказала Дафна, — здесь все разваливается. Среди этих дебилов начинаешь подозревать, что ты и сам хуже, чем думал. И все тебя иначе видят. — Она откинулась на матрас, положила подушку на живот и обняла ее. — Тебе самому решать, насколько недосягаемым хочешь быть. Можешь прятаться, можешь идти напролом. Это место — чистый лист бумаги. Хочешь — размажь свое дерьмо по стенам в комнате. Эрнест это постоянно делает, и никто его не выгоняет. Вся остальная твоя жизнь ничего не значит. Это место ни на одно другое не похоже.

Обе женщины зевнули. Мгновенно скинули туфли и залезли под одеяла.

— Спокойной ночи, — сказал Эммет и зашаркал к двери.

— Не волнуйся, — вдогонку подбодрила его Дафна. Она снимала браслеты, один за другим и складывала их на стол у кровати. — Нас ты уже знаешь. А что до остальных — просто научишься правилам игры, и все.

— Спасибо, — неуверенно проговорил Эммет. Он не мог представить себе, каким будет следующий день. Неужели все остальные чужие люди, что спят сейчас в своих кроватях, вдруг проснутся и влезут в его жизнь, изменят ее? Эммету уже казалось, что Дафна и Эмили с ним навсегда. А ведь еще вчера их не существовало. Он часто думал о том, какие события привели его к тому или иному событию, и о том, как изменилась бы его жизнь, если бы он, скажем, переехал в другое место. Размышляя о бесконечных переездах матери, он решил, что, перемещаясь, она лишь стремилась подгадать к нужной случайности. А может быть, она рассчитывала сделать свою жизнь такой, какой хотела, просто не останавливаясь, непрестанно меняя направление, точно движущаяся мишень?

Иногда ночами Эммет прослеживал в уме свои отношения с людьми, прокручивая их назад, к началу. Если он мысленно убирал одного человека, цепочка рвалась, и порядок нарушался. А это зна-

чило, что вся его жизнь — непрерывная линия, но Эммет не мог вспомнить ни одного решения, которое когда-нибудь принял сам. Он долго бесцельно плыл по течению, его прибило сюда, к новому берегу, и он вроде знал, что находится на грани, за которой все изменится навсегда. Но как именно, не имел представления.

Эммет заставил себя ступить в темноту коридора. Он стал шарить руками по стене, переставляя ноги робко и осторожно, будто шел по выступу на отвесной стене невозможно высокого небоскреба.

3

Проснувшись утром, Эммет увидел, что какой-то человек склонился над ним, положив руку ему на бедро. Эммет никогда в жизни не встречал такого толстяка.

— О, какой ты миленький чувачок, — сказал человек. — Я тебя запросто сожру на завтрак.

Уинстон протянул Эммету руку для пожатия. Но когда Эммет с трудом подал свою, Уинстон поднес его пальцы к губам и засосал кончики.

— Ох, и сладенькое мяско. Будем друзьями, малыш, — сказал он, — хочешь одолжить мне пять долларов?

Эммет уставился на него, сонно моргая. На мгновение ему показалось, что он у себя в квартире. Ему приснилось, что кот пригвоздил его к кровати, упершись лапами в его закрытые глаза.

Уинстон откинул простыни. Эммет быстро перевернулся на живот, словно был раздет.

— Скромненький, а? Давай, пошли, малыш. У меня от тебя аппетит разыгрался. По воскресеньям дают блины, мне нужно живот набить.

Он поднял футболку и погладил себя по животу. Над брюками нависали черные складки. Они

тряслись перед лицом Эммета, словно густой темный клей. По бокам кожа растянулась и напоминала грубые швы. Сквозь густые курчавые волосы на животе просвечивало такое множество вен, что кожа казалась сплошным синяком.

— Я большой мальчик, — сказал Уинстон, похлопывая себя по животу, — и аппетит у меня большой. Обожаю блинчики!

Эммет представил себе, как под жирными складками Уинстонова живота по морщинистому кишечнику ползет маслянистое блинное тесто. Ему не хотелось идти с этим человеком в столовую, заполненную голодными и слюнявыми незнакомцами.

— Я, может быть, попозже подойду, — сказал он, поднялся с кровати и вытянул рубашку из сумки. Он распаковывал вещи, пока не услышал, как Уинстон хлопнул дверью. Эммет глубоко вздохнул и опустился на стульчик у стола.

Потрескавшаяся казенная мебель была вся из деревопласта, на сиденье каждого стула — плоская резиновая подушечка. Краска на потолке облупилась, по стенам тянулись коричневатые разводы. Эммет положил на стол четыре книги и пустой блокнот. К стене прикнопил открытку с изображением океана, возле которого стоял

когда-то бабушкин дом в Калифорнии. При дневном свете немногочисленное имущество Эммета выглядело здесь убогим и неуместным.

Клетчатый рыже-бурый ковер во многих местах прожгли сигаретами. Эммет поглядел вниз, и цветные квадраты на ковре задрожали, прожженные точки поползли вереницей. Эммет поднял глаза к потолку. Каждая черточка и кусочек известки, каждое пятно — все вибрировало, словно живое.

Он услышал, как в коридоре поскрипывают по линолеуму колеса каталки. За дверью бродили целеустремленные люди, их голоса звучали в унисон, гудели пронзительно, как электрички в час пик. Как долго Эммет сможет не выходить из комнаты? Дафна сказала, что здесь можно вести себя как угодно. Может, Эммета оставят в покое, если он будет неподвижно лежать на кровати и не мигая таращиться в потолок.

— Минутка есть? — В дверях появился Брюс, до смерти напугав Эммета.

Брюс был измучен и помят, как будто не спал всю ночь. Он внимательно осмотрел коридор, своим телом загородил дверной проход.

— Можешь мне доверять. Я просто хотел напомнить, что знаю, кто ты такой. Но я никому не

скажу. Обещаю.

Эммет не оборачивался. Он вынимал вещи из сумок и раскладывал их по ящикам.

Спиной он почувствовал, как Брюс на несколько шагов приблизился.

— Слушай, я ждал этого всю жизнь и вот наконец, понял, почему был послан сюда. Но сначала мне нужно узнать правду. Ты должен доверять мне. — Он говорил так, будто умолял сохранить ему жизнь. — Я ее крутил и крутил, но так и не понял. Я обещаю, что ни одна живая душа не узнает. Но мне нужно знать. Прости, что вчера так грубо на тебя наседал. Разреши мне начать заново. Мы можем подружиться. Хочешь, возьми сигарету.

Брюс пошарил в кармане и рассыпал сигареты по полу. Он упал на колени и пополз к Эммету, протягивая ему целую горсть сигарет.

— Вот, возьми. Бери все, что хочешь. — Он положил голову Эммету на колени, как ребенок.

Он казался настолько обезумевшим, что Эммет положил руку ему на ухо. Хотел погладить по голове, но сдержался.

— Я н-н-не курю, — наконец ответил он. — Я н-н-не знаю, чего ты хочешь. Это безумие.

— Конечно, безумие. В этом-то вся прелесть. Нормальному не понять. Ты же одурачил це-

лый мир, всех, кроме меня. Ты круче Гудини. Ты приобрел себе вторую жизнь, и тебе даже не пришлось для этого умирать. Немного жаль парня, который за решетку попал, но ты ведь ему прилично заплатил. Да ладно, что такое для тебя парочка доверительных фондов? Я слыхал, каждая твоя телка стоит не дешевле четверти миллиона?

— Я н-н-не понимаю.

— Нет, понимаешь. — Брюс вскочил на ноги. — Пожалуйста, Джон, признайся. Никто не услышит. В комнатах нет жучков. Я проверял.

— Я н-н-не Джон.

— Хорошо, сейчас нет, но ты же понял, о чем я. Ты был Джоном. Ты стал другим человеком на время. Отлично. Понимаю. Любой может попасть в ловушку. Любой может скиснуть. Но мне ты можешь признаться. Я могу помочь. Мы можем даже сотрудничать. Макграф и Леннон. Нет. Что я говорю. Забудь. Леннон и Макграф. Но звучит так же, тебе не кажется?

— Леннон? — спросил Эммет. Он был так обескуражен, что даже забыл про заикание.

— Да. Я знаю, что это ты. Ну конечно, ты постригся, купил себе контактные линзы, но я-то все понял, как только тебя увидел. Верь мне,

ты был послан сюда для меня. Я всю жизнь был замурован в горящем доме, и вдруг ты явился, и встал в дверях, и показал мне, где выход. Я спать всю ночь не мог, так разволновался. Я все помню наизусть. Назови любую песню, и я ее спою. Я разгадал все шифры, кроме «Белого альбома». Как будто ты дал мне карту, на которой начернен путь к сокровищу, а последнего поворота нет. Я вижу крестик в середине, там, где зарыт клад, но где-то есть один поворот, который мне неизвестен, и без него я буду шататься вокруг да около в вечных поисках. Только ты меня туда можешь провести. Пожалуйста. Я что угодно для тебя сделаю.

Эммет нагнулся к самому уху Брюса.

— Я не могу тебе помочь. Я бы помог, но не могу. Ты ошибся, я не тот парень.

— Слушай, — сказал Брюс, приблизив к нему лицо так, что Эммет различил капилляры возле носа. — Этот Мэнсон все неправильно понял. Ты ведь не хотел никого убивать. Ну, я в курсе: «Дай миру шанс» и все такое. Когда говорили, что Пол мертв, они имели в виду не Пола. Они имели в виду тебя. Ты просто хотел сбить всех со следа. Это я могу понять. Что нужно артисту, кроме тишины и покоя? И ты просто выжидал, когда сможешь исчезнуть, так? Ты бросил семена в землю много

лет назад, но не хотел, чтобы кто-то об этом знал, даже Йоко. Если это тебя утешит, скажу тебе, что, по-моему, она нормальная художница в своем роде. И наверняка хорошая мать. — Брюс вцепился в колени Эммета. — Ну, давай, скажи мне, пожалуйста. Я ведь все знаю. Никто не услышит.

— Леннон умер, — сказал Эммет. — Я н-н-не могу им быть. Я — Эммет.

— Я знаю, что ты умер, — закричал Брюс, — но ты не умер. Ты просто другой теперь. Давай же. — Он махал руками, будто дервиш, рискуя удариться.

— У меня встреча, — сказал Эммет, осторожно пятясь к кровати. Он сел подальше от бьющегося Брюса. Эммет взглянул на часы и удивленно раскрыл глаза, словно уже опаздывает.

Брюс сгреб сигареты со стола и принялся их мять.

— Вот что с тобой сделают, — сказал он. Табак сыпался сквозь пальцы, точно песок. — Утром я слышал, как доктора обсуждали тебя и смеялись. Сказали, ты слишком безумен даже для этого места. Ты сам-то знаешь, как это опасно? Это значит, ты совсем опустился, ты в курсе? Тебя переведут в государственную больницу, если не поостережешься. Я им скажу, что ты пытался

наброситься на меня. Скажу им, что ты замышляешь изнасилование. И тогда тебе вколют торазин быстрее, чем ты успеешь произнести «земляничные поля». Поверь мне. Одна медсестра в меня влюблена. Я все знаю. На меня их правила не распространяются.

Брюс угрожающе надвигался. Его охватила ярость человека, которому нечего терять. Он швырнул Эммета на кровать и надавил ему на грудь, потом взял за горло и ущипнул.

— Ты когда-нибудь терял сознание? — спросил Брюс. — Что-то среднее между сном и смертью в газовой камере. Я сам пробовал. Все чернеет, и не можешь дышать. Я знаю, когда нужно остановиться. Или не остановиться.

Эммет взял Брюса за руки. Мягко их погладил, жестом убеждая ослабить хватку. Эммет не хотел выдать страха.

— Ну же, Брюс.

Брюс сжал его горло сильнее, потом дал передохнуть.

— Сам подумай. Я могу получить все, что пожелаю, не забудь. Тут как в мексиканской тюрьме, и, если я захочу, ты будешь легкой добычей.

Он забрызгал лицо Эммета слюной.

Эммет судорожно придумывал способ его успо-

коить. Но Брюс ведь и так уже в больнице. Он может делать все, что захочет. Если Брюс убьет Эммета, врачи продлят Брюсу лечение, вот и все.

Брюс как будто прочитал его мысли:

— Мне тут нравится. У меня есть все, что нужно. *Comprenez?*

Эммет схватил руки Брюса и прижал их к коленям. Он дружелюбно посмотрел врагу в глаза.

— Ты мне нравишься, Брюс. Я не собираюсь скрывать правду. Я открою тебе один секрет. Единственный, который у меня есть. Я могу нормально говорить. Это заикание — вранье. Я не могу объяснить, как это случилось, но дороги назад уже нет. Я не готов. Ты никому не скажешь?

— Хорошая попытка, — сказал Брюс. — Но говори хоть на эсперанто, мне, на хрен, плевать. Ты знаешь, что мне от тебя нужно.

— Больше я ничего сказать не могу. — Эммет встал и сделал крошечный шаг к двери, будто в спину ему был нацелен пистолет.

— Ага, значит, я прав. Это не всё. Стой. — Брюс бросился к Эммету, швырнул его на кровать, навалился сверху и затряс, схватив за волосы. Эммет испугался, что глаза выпрыгнут из орбит. — Говори… говори… — шипел Брюс.

— Малыш, да ты любишь погорячее! — крикнул

Уинстон, входя в комнату. Брюс поднял голову и вытянул шею, приглаживая клочья волос. Он опустил глаза, притворно улыбаясь.

— Привет, Уинстон, — пробормотал он.

— Сколько любопытного происходит за закрытой дверью. — Уинстон подобрался к ним вплотную. Его толстые ляжки уткнулись Эммету в колени. Уинстон пахнул потом и сладким сиропом. — Я его первый увидел, так что ничего такого и не думай, — сказал он и игриво стукнул Брюса по плечу. — Это мой мальчонка.

— Мы просто разговаривали. Он вчера ночью очень забавно рассказывал. Про музыку. Мне стало интересно.

— Чего-то странноватый у тебя интерес, братан. Может, пойдешь скулить свои песенки еще куда?

Брюс встал. Эммет отвел глаза, но Брюс схватил его за руку:

— Найду тебя позже, Джон.

Эммет молчал. Как только Брюс вышел, он отодвинулся от Уинстона. От Уинстонова пота у Эммета промок шов на штанине.

— Джон? Так, что ли, тебя зовут? Мне казалось, что у тебя какое-то другое имя, недоделанное.

— Эммет с одной «т-т-т».

— Там, где я жил, меня звали Поджог. Никто меня Уинстоном не звал. У меня была эта фишка… ну, про пожары.

— У меня тоже. У меня всю жизнь были к-кошмары. Снилось, что я заперт в горящем доме. Я больше всего такой смерти боюсь.

— А я — нет, парень. Я их обожаю. Видел когда-нибудь, как дом горит?

— Однажды соседский дом сгорел, но я спал, а когда проснулся, увидел только дым и стены в-влажные.

— Я все время поджигал, — мечтательно протянул Уинстон. — Слушай, а где ты жил тогда? Может, я тот дом и поджег?

— В Калифорнии.

— Не-а. Это не я. Никогда там не был. В первый раз это случилось в нескольких кварталах отсюда. Нечаянно. Я играл на заднем дворе со спичками и бутылкой керосина. А тут трава загорелась. Огонь пополз прямо к соседскому дому, как будто я горящую дорожку сделал прямо к двери. Это надо было видеть! Огонь сожрал все, что было на земле, уже грыз плющ, там плющ свисал с белых решеток, возле кухни. Сначала пламя просто лизало дерево, так, знаешь, поддразнивая, а потом краска почернела, тут-то огонь и проснулся. Чмо-

кал доски одну за другой, потом как разгорится, с каждой секундой все сильнее… Первым делом рухнула дверь полуподвала. Хрустнула, расщепилась и отлетела во двор. Только петли висели, как будто их кто-то открутил. Через минуту стали взрываться окна, как будто внутрь кто-то бомбы швырял. Бабах! Величайшее зрелище из всех, что я видел. Мне плевать было на хозяев. Они ведь могли и другой дом купить. Может, останутся без каких-нибудь там фотографий или еще чего, но это ведь такие эфемерные вещи, правда?

Эммет молча кивнул, будто смотрел на экран телевизора.

— Ну вот, значит, и тут сирена завыла, потом другая, и крыша оторвалась, кровля разлеталась, а фасад начал оседать, этаж за этажом, горящую мебель стало видно. Языки пламени на полу, на кровати, на столах и стульях. Все эти долбаные штуковины умирали по отдельности. Мне понравилось, как горят мягкие кресла. Сначала ткань, остается голый каркас, а он медленнее горит, такие получаются огненные кольца. А потом все здание рухнуло, ничего не осталось, груда обломков, и я пошел домой. Но скрыть не удалось. Мать догадалась. У меня одежда воняла, и глаза к тому же горели.

— Тебя забрали в тюрьму? — спросил Эммет.

Уинстон стоял напротив окна. Он повернулся к Эммету и раскатисто загоготал, тряся животом.

— В тюрьму? Ты из какой деревни, парень? Что сделают с восьмилетним пацаном? Меня перевели в спецшколу и показали докторам, которые долго пыхтели, причину моих проблем искали. Только у меня-то их не было. Зато появилась репутация. Меня дети стали звать Поджогом. И это прилипло. Иногда они притаскивали в школу газеты, читали вслух сообщения о пожарах, делая вид, будто меня нету, и говорили: «О, блин, мой знакомый Поджог опять делов натворил. Ого, смотрите, тут в газете говорят, что был пожар, подозревается Поджог». Пацаны считали, это очень остроумно — говорить, будто во всех пожарах в мире виноват один человек… Они постоянно так делали, следили за мной. Намучаешься, пока от них отвяжешься. Вот с огнем все просто. Я тренировался, у меня пламя до третьего, четвертого, даже до пятого этажа доставало, дышало мне прямо в лицо. Такие были костры, я стоял внизу, а мне казалось, будто я на самую вершину мира вознесся. Потому что я такую красоту создавал простым коробком спичек. А потом я его тушил. *Пшш.* Понимаешь, о чем я?

Уинстон смотрел напряженно, словно ожидал, что Эммет зааплодирует такой изобретательности. Эммет тупо кивнул. Он ни разу не встречал человека, который был бы так доволен своими деяниями и ни капли не сожалел о них. Похоже, Уинстон — один из счастливейших людей на свете. Дома Эммет сумел бы как-нибудь выставить его за дверь. Но их свела больница; может, они тут вечно будут жить. Эммет принял единственно возможное решение — поддался Уинстонову энтузиазму.

— Да уж, это н-н-нечто, — сказал Эммет, — а сколько раз тебя ловили?

— О, я со счета сбился. Когда удавалось улизнуть, я еще что-нибудь поджигал. Но мне ни разу не удалось поджечь идеально. Всегда появляется дым, он нарушает чистоту. Я все думаю, как чудесно сделать это ночью. Ты только представь: пожарные машины с этими суперскими мигалками в темноте и оранжевое пламя. Такого цвета на картине не добьешься. А знаешь, о чем я еще мечтаю?

Эммету захотелось, чтобы открылась дверь и кто-нибудь вошел. К нему еще ни разу не заходили ни доктор, ни сестра. Они вообще помнят, что он тут?

— О чем? — вяло спросил Эммет.

— Я мечтаю, чтоб он больше был. Такой дом в пригороде. Миллион окон, три крыла и окружной объезд, туда десять здоровых машин влезут. Я думаю, как бы сделать, чтобы все окна одновременно взорвались. Мечта. Вот только выберусь отсюда. Как думаешь, в таких домах есть пожарная сигнализация? Я точно знаю, что у них есть прямая телефонная линия в полицию, но вряд ли богатеи пожара ждут. Скорее уж ограбления. Согласен?

— Я думаю, люди в таких домах вообще не думают, что им что-то угрожает. По крайней мере с улицы.

— Ну, малыш, раз мы оба здесь, что-то происходит, верно? О боже. Который час? — Уинстон поднял руку Эммета и посмотрел на его часы. — Милые часики. Небось стоят порядочно. Можно поносить?

Эммет прикрыл часы другой рукой.

— Ладно, в другой раз, — сказал Уинстон. — Хватит здесь рассиживаться. Пора на собрание. Там наши заморочки обсуждают, но ты поосторожнее. Эти доктора все секут, а записей у них больше, чем у стенографисток.

Уинстон распахнул дверь. Шум коридора сквоз-

няком влетел в комнату.

— Привет, милашка! — взвизгнул Уинстон, заметив знакомого. — Подожди, сейчас увидишь, что у меня есть. — Он поднял ногу и указал ею на Эммета. — Давай, мальчонка. Пойдем. Хватит прятаться. Пора заводить новых друзей.

4

В коридоре Эммет увидел подростка в инвалидной коляске. Уинстон протиснулся мимо и побрел вперед с таким видом, будто уже забыл, что проговорил с Эмметом целый час. Медсестра медленно возила коляску кругами и покачивала, будто развлекала малыша в детской колясочке. Когда они подъехали ближе, Эммет услышал, как она описывала мальчику все, что встречалось на пути.

— Смотри-ка, Майкл, это раковины. А вот это дверь в изолятор. Гляди, здесь находится медперсонал. Мы почти приехали, Майкл. Ты с кем хочешь сидеть рядом? У тебя есть лучший друг?

Она задержалась, увидев Эммета. К нагрудному карману ее халата был пришпилен голубой пластмассовый подсолнух с именем Рут.

— Ой, Майкл смотри, новый друг. Как тебя зовут?

Эммет назвал свое имя. Мальчик неуклюже заерзал в коляске: руки прикручены к металлическому поручню, ноги всунуты в железные тапочки, и мальчик сидел, беззащитно развалясь. Талию стягивал резиновый ремень. Глаза зака-

тились под приопущенные веки. Глазные яблоки двигались под кожей, будто мальчик видел ночной кошмар. Из уголка рта текла непрерывная струйка слюны. Она стекала вдоль пуговиц и собиралась в складке брюк около промежности.

— Это Майкл. Ему лучше с каждым днем, правда? — Она легонько толкнула парня.

— Привет, — сказал Эммет и подумал: «Он, кажется, и есть тот самый Квадрат».

Тоненький водопадик слюны был единственным признаком жизни Майкла. Медсестра взяла руку Эммета и положила ее на Майкловы безжизненные пальцы. Она сжала их ладони. Кисть Майкла на металлическом поручне была точно без костей. Мальчик не шевельнулся, не ответил. Эммет отдернул руку и вытер ладонь о джинсы, чтобы избавиться от ощущения рыхлой плоти.

— Вот и хорошо. Видите, как легко подружиться? — сказала медсестра. Голова Майкла упала на грудь. Медсестра приподняла ее и помахала Эммету:

— Майкл, скажи: «До свидания».

Эммет отвернулся. Пациенты постепенно заполнили коридор, будто их созывал невидимый колокол. Из-за угла вывернула дерганая желтоволосая девушка. Голова ее болталась на шее,

словно отдельно от тела, не присоединяясь к нему сухожилиями, венами или мышцами. Она спотыкалась, руки, будто крылья, хлопали по бокам в такт каждому шагу.

Эммет напряг мышцы рук — почувствовать их и проконтролировать. «Тут что, все со временем теряют власть над движениями?» — подумал он.

Девушку сопровождал медбрат — он время от времени ободряюще хлопал в ладоши. Когда они, пошатываясь, прошли мимо, Эммет вспомнил механического кролика, которого купил однажды своему крестнику. От каждого хлопка кролик хаотично носился по полу. Эммету казалось, что, едва медбрат прекратит хлопать, девушка рухнет на пол.

Медбрат бодро гудел:

— Иисус ходил по воде, Эдит, а тебе нужно пройти хотя бы по этому коврику. — Эдит не реагировала. Она устремилась вперед, к невидимой цели, в которую впилась глазами — единственным органом, избавленным от неуправляемых движений.

Многие пациенты что-то бормотали, вертели головами, запрокидывали их или роняли на грудь, только не смотрели перед собой. Они двигались бесцельно, точно пространство, в котором

они жили, не имело ничего общего с тем, что творилось у них в головах.

Эммет встал в очередь за мужчиной средних лет в бордовом костюме.

— Привет, — сказал мужчина.

Эммет кивнул.

— Мерзкая шляпа. — Мужчина поскреб макушку Эммета. — Мерзкая.

— Но у меня нет…

— Заткнись. Ты выглядишь, как придурок, сними ее. — Он сцепил пальцы у Эммета на голове. — Моя жена всегда говорила: «Вилли, пойди в топлес-бар в Техасе, посмотри на титьки». — Мужчина потащил Эммета вперед. Остальные пациенты столпились, как в театре, будто специально пряча от Эммета тех, кто мог прийти на помощь.

— Я спрашиваю: ты был когда-нибудь в Техасе, видел титьки? — Мужчина сильнее стиснул волосы Эммета.

— Нет.

— А? — Мужчина так сильно дернул, что у Эммета перехватило дыхание, будто его схватили не за волосы, а за горло.

— Нет. Я с-с-священник.

— Не понимаю, почему это тебя останавли-

вает, — сказал мужчина, но волосы отпустил. Эммет упал на колени. Грузная женщина в халате пошла прямо на него, не давая подняться.

— Помогите, он мне подножку ставит, — заверещала она.

Пациенты запаниковали и толпой бросились бежать, толкнув Эммета на ковер. Они неслись, спотыкаясь о него, и Эммет закрыл голову руками. Кто-то его пнул, кто-то двумя ногами прошелся по спине. Поток казался бесконечным, будто пациенты открыли черный ход в клинику и пригласили всех жителей города пробежаться по Эммету. Он не поворачивался и не поднимал головы, опасаясь, что ему разобьют лицо. Наконец возле уха протопотала последняя пара ног.

Секунду Эммет не двигался, пока не убедился, что поток пациентов иссяк. Поднявшись на колени, он заметил нарядную молодую женщину в золотистом свитере и такой же шляпке. Она сердито глядела на Эммета. На груди у нее болталось серебряное распятие.

— Ты опаздываешь на собрание, пошли со мной, — обиженно сказала она и протянула руку, но Эммет встал сам. Он угрюмо побрел за незнакомкой в комнату отдыха.

Комната с прошлой ночи изменилась до неузна-

ваемости. Игровые столы были сдвинуты к стене, а на их месте по кругу стояли двадцать складных кресел. Пациенты заполнили комнату, их бормотание мешалось в сплошной гул. При дневном свете рисунки на стенах казались еще агрессивнее, точно зарисовки с мест преступлений.

Пациенты передавали друг другу сигарету и по очереди затягивались. Они делились огнем, нежно защищая окурок, будто он редкий зверек из Красной книги.

Эммет заметил Уинстона, отчаянно жестикулирующего перед группкой хохочущих людей. Слушая, они то и дело поглядывали на Эммета. Вот Уинстон вытянул шею и сделал несколько неуверенных шажков вперед-назад. Послышался новый взрыв смеха. Эммет заметил в углу Эмили и Брюса и поволокся к ним.

— А где Дафна? — спросил он.

— Ей сегодня утром пришлось остаться в постели, — сказала Эмили. Хриплые слова прозвучали зловеще.

Брюс подмигнул Эммету.

— В чем дело, Джон? — Он чмокнул пузырем из жвачки. — «Хочешь, не хочешь, чтоб я тебя

склеил?»[6] — тихо пропел он.

— Что за дерьмо, какой такой Джон? — поинтересовалась Эмили.

— Это так, — виновато съежился Эммет. — Это мы с Брюсом так шутим.

— Ага, — сказал Брюс, — мы у него в комнате поближе познакомились, пока вы, девочки, спали. — Он снова щелкнул жвачкой.

— Не забывай, что у твоей жены недавно малыш родился, — сказала Эмили.

Брюс покраснел.

— Малыш, — произнес он так, будто впервые слышал это слово. — Он не мой. Это моего папаши ребенок. Они меня сюда запихали, чтобы вместе быть. Мне это приснилось. Так я и узнал. — Он ладонями потер лицо. — Малыш.

Эммет посмотрел на влажную, воспаленную кожу Брюса. Брюсово тело дрожало от какой-то нездоровой энергии. Эммет не мог себе представить, как Брюс живет за пределами больницы. Эммет впервые посочувствовал ему. Возможно, Брюс выпал из своей предыдущей жизни слишком неожиданно и опасно, чем Эммет полагает.

— Это м-м-мальчик или девочка? — спросил

---

[6] Примечания: 6
Цитата из песни «Helter Skelter» с «Белого альбома» «Битлз».

он.

— Я сказал, что это ребенок отца! — вскрикнул Брюс. — Это байстрюк, у него нет пола! Чтоб он сдох!

Темнокожая женщина, метавшаяся туда-сюда у двери, остановилась и повернулась к ним.

— Отец моего малыша дьявол, но я знаю, что ребенок родится с крылышками, — сказала она. — Меня завалил Ричард Никсон, но моему малышу не нужен вертолет, чтоб летать. Барри Колдуотер тоже меня заваливал. Может, у меня будут близнецы. Они станут моими крыльями.

Она сплюнула на пол и снова заметалась, все быстрее и быстрее, а потом закружилась по комнате, раскинув руки: «Эо-эо-эо-эо». Ее голову украшала чалма из банного полотенца. Складки чалмы были заколоты деревянной ложкой. На щеках женщина помадой нарисовала два розовых солнышка, лучи тянулись к ушам. Губы она накрасила ярко-синими блестящими тенями для век. Прозрачный чулок сполз с одной ноги на заостренный кожаный ботинок. Другая нога была голой. Когда женщина кружилась, чулок закручивался и шлепал по лодыжке. Она небрежно на него наступала, будто это было частью хореографической композиции.

— Хуанита, — сказала Эмили. — Когда вырастет, хочет стать серийной убийцей. Только ей винтовку никто не продает. Она утверждает, что беременна, но мы ей не верим. Доктора нам ничего не говорят, но посмотри на ее живот. Не похож на настоящий.

Живот Хуаниты был очень круглым, будто она запихнула под рубашку глобус.

Пока Эмили говорила, Хуанита дотанцевала до стоящей на коленях молящейся старухи и пнула ее.

— Ведьма лысая, — сказала она, — мое имя Пречистая. Пречистая Дева. Санта-Лючия, Санта-Клаус. Миссис Клаус фон Бюлов. А тут у меня ангел. — Она двумя руками потерла живот, как будто раскрутила глобус.

— Сучка, — ответила пожилая женщина. — Негрилло-полинезийская сучка.

— Сестра, — сказала Хуанита. — Токийская Роза. Бетси Росс. Я знаю, ты вышивала эти звезды на флаге. Все тринадцать. Ты жертва грязной кампании. — Хуанита обняла женщину, потом рухнула на нее.

— Хуанита интересуется политикой, — шепнула Эмили. — Когда не бьется головой о стены, читает газеты. Она даже не знает, какой год на

дворе, но иногда попадает в точку.

— Она поцеловала меня. Она поцеловала меня. Она облизала мое ухо! — прокричала старуха. Она повторяла эти слова снова и снова, без пауз, пока они не потеряли смысл.

Хуанита подпрыгнула и взвыла, как баньши: «Уа-уа-уа». Она брыкалась, подбираясь ближе к старухиному лицу.

Остальным пациентам не было до них дела. Эммет повернулся к Эмили:

— А где врачи? Эти двое сейчас друг друга убьют.

— Не убьют. Да и плевать. Без них будет намного спокойнее. Персонал обычно не трогает нас до собрания, чтобы мы общались друг с другом без надзора. Это якобы развивает самостоятельность, но я подозреваю, что у них где-нибудь видеокамера.

— Тут невыносимо, — сказал Эммет, — там, снаружи, так п-п-плохо не было, правда? — Он попытался вспомнить и перечислить все, что делал каждый день, но орущая женщина мешала собраться с мыслями. Узор на ковре ожил.

— Может быть, — живо отозвалась Эмили. — Но что там, что тут ты бы со страху помер, если б увидел этих двух ведьм. Ты на них глянь. А у

меня улучшается настроение. Глядя на них, я понимаю, что сама еще очень даже ничего.

Хуанита и старуха катались по полу, врезаясь в стулья и вереща на языке, известном только им.

— Завораживает, а? Они ведь наверняка раньше были другие, иначе про жизнь ничего бы не узнали.

Женщины вцепились друг в друга мертвой хваткой. Пока старуха что-то бормотала Хуаните на ухо, та вынула из лифчика губную помаду и нарисовала ей солнце на щеке.

— А мы? — сказал Эммет. — Откуда мы знаем, что мы не такие, как они? Ты разве не замечаешь, к-к-как люди на тебя смотрят на улицах, а ты не понимаешь, в чем дело. Эти две просто настроены на одну волну. Откуда мы знаем, может, и мы в таком же состоянии, но так свихнулись, что сами не замечаем? Мне страшно оттого, что я не знаю, как далеко зашел. Я вижу глаза окружающих и не знаю, чего они от меня хотят.

— Люди рассматривают тебя, потому что знаку кто ты такой, — шепнул Брюс. — Это плата за славу. Ишь ты, за тридцать-то лет можно было и привыкнуть.

— Нет, не то, не то. — Эммет повернулся к нему. — Прекрати. Я имел в виду, что, когда нахо-

жусь где-нибудь, кроме дома, постоянно думаю, что люди вокруг хотят меня уб-уб-убить. Как будто приезжаешь в маленький городок, и все взгляды прикованы к тебе… Иногда на шоссе я закрываю глаза, если меня обгоняет другой автомобиль. Я боюсь увидеть винтовку, нацеленную мне в г-г-голову.

— Да уж, — сказала Эмили. — В один прекрасный день это окажется винтовка Хуаниты.

— Конечно, люди хотят тебя убить, — на сей раз громко сказал Брюс. — Неудивительно. Это уже один раз случилось. Ясное дело, у тебя теперь паранойя.

— О чем ты, Брюс? — прервала его Эмили. — Заткнись лучше. — Она повернулась к Эмметту. — Может, ты *и впрямь* чокнутый, но не в этом дело. Подумай, как им на тебя смотреть, когда ты появляешься в незнакомом городе. Вряд ли кого интересует, женат ли ты и есть ли у тебя дети. Скорее они думают: «Этот псих свободно расхаживает среди нас. Что мне теперь делать?» Да, все они хотят, чтобы ты был мертв, им неприятно смотреть на тебя. Они думали, что всё знают, а ты в их картину не вписываешься. — Она хмыкнула. — Доктора говорят мне, что надо анализировать свою ярость, но это не ярость, это

простая рассудительность. Когда я вижу всех этих людишек, я думаю: «Хочу всех стереть с лица земли». Они мразь, почти все люди — мразь. Глупо думать иначе. Я бы так и сделала. Поубивала их всех. И я не чувствовала бы себя виноватой.

— Молодец, Эмили. Продолжаешь семейные традиции, — сказал Брюс. — Прости, что не спешу к тебе за советом, как жить среди обычных людей.

— Может, и зря. Интересно, долго бы ты продержался на 101-м шоссе. Стоит им взглянуть на твои дикие глазищи, и они утопят тебя в унитазе. Нам приятно думать, что по сути все люди одинаковые, но это херня. Люди боятся друг друга. Они ненавидят друг друга. И если ты оказываешься не на своем месте, тебя хотят убрать. Если такой, как ты, жив, это противоречит их убеждениям.

Эммет не мог объяснить Эмили одну важную вещь: что-то в нем вызывало у окружающих личную неприязнь. Есть люди, которые одеваются намного экстравагантнее, но свободно бродят, где хотят. А другие просто незаметны. Но Эммет, куда бы ни шел, чувствовал, что его страх видим для всех, кто смотрит, будто черные отметины на его душе просвечивали сквозь одежду и сияли ярче розовых лучей на щеках Хуаниты.

Однажды Эммет прочитал в газете о несчастном случае в автобусе. Как только водитель осознал, что взорвался бензобак, он закричал, восторженно глядя в небо: «Господи! Я возвращаюсь домой!» И его накрыл огненный шар. Временами Эммет мечтал найти в себе такую безмятежность. Но бывали дни, когда она казалась ему обманчивее самого навязчивого бреда. Эммет не знал, отчего его жизнь так помутнела — оттого ли, что он добрался до печальной сути вещей, или все из-за какой-то неисправности вроде недостающей хромосомы Эмили? Может, хромосома ослепляет его, не дает ощутить покой и радость, что так легко даются другим?

— Молись Иисусу! — воскликнула старуха, падая на колени. Хуанита оседлала ее, зажав торс между ног. — Восхваляй имя его! Я видела его через амбразуру, я видела его сквозь влагалище Пресвятой Девы! — Старуха откинула голову и захлопала в ладоши, неистово лепеча, как в религиозном экстазе: сучкасучкасучкасучка.

Хуанита села на корточки и повалила старуху на пол, а сама приподнялась на несколько дюймов, расставив ноги.

— Целуй, Роза Кеннеди, — приказала она.

Женщина покорно засучила руками по ковру.

— Возьми меня. Благословляю тело Христа. — Хуанита плотно уселась старухе на лицо, урча от удовольствия.

В комнату вбежал Крис. Упираясь каблуками своих ковбойских сапог в ковер, он потянул Хуаниту за руки. Та проползла между его коренастых ног.

— Только тронь моего ребенка! Быстро вырежу твое поганое сердце! — пригрозила она и нависла над Крисом. Тот бесстрашно выпятил грудь. Отходя, она двумя пальцами щелкнула его по плечу. — С дороги, клоп.

Хуанита направилась к Эммету.

— Дай сигарету. — Она вытянула руку, будто оружие.

Эммет залез в карман свитера Эмили и протянул Хуаните целую пачку.

— Оставь себе, — сказал он, будто это его сигареты.

Эмили подняла бровь:

— Очень щедро с твоей стороны. Может, ты еще одолжишь ей что-нибудь из моей одежды вместо ее расчудесной чалмы?

— П-п-п-прости, — сказал Эммет. — Я не подумал. Просто хотел, чтобы она поскорее отошла.

— Это подводная лодка, парень. Здесь тесно.

Привыкай.

Пока они говорили, Хуанита расстегнула рубашку и воткнула пачку между грудей. Кожа на ее руках блестела. Когда она застегивала рубашку, пальцы ловко взбирались по телу, словно она играла на пианино. Потом Хуанита выскочила из комнаты.

Старуха снова принялась раскачиваться на коленях.

— Кто она? — спросил Эммет; мечтая, чтоб она прекратила.

— Маргарет, — сказала Эмили. — Она здесь уже двадцать лет. Муж приходит к ней каждый вечер, но за все время она не сказала ни одного разумного слова. В обед она видит Деву Марию. Разные части тела. В неудачные дни за ужином тоже.

В комнату вошел мужчина, которого Эммет еще не видел. Он ни на кого не смотрел, даже на Маргарет. Маленький человечек с лоснящимся детским лицом. Огромная, почти до затылка лысина с зализанными прядями на макушке. При ходьбе эти пряди шевелились, точно антенны. Человечек облизывал палец и без конца приглаживал остатки волос. Он смотрел поверх очков в красной оправе с голубоватыми стеклами. Из рваного носка в сандалии выглядывал обломан-

ный ноготь. Шея обвязана широким галстуком пейсли.

— Элегантный. Почти как Хуанита, правда? — сказала Эмили. — Это доктор Франклин. В свободное время пишет стихи. — Доктор возился с бумагами, а пациенты потихоньку рассаживались по местам.

Внезапно из коридора послышался душераздирающий крик — тот самый голос, что ночью раздавался с дежурного поста.

— Не выношу эти гребаные собрания, — скандалила женщина. — Вы еще пожалеете, что заставили меня сюда притащиться!

— О, нет. Это Луиза, — сказала Эмили.

Женщина бросилась через всю комнату так, будто ее пнули. Она махала кулаками, словно борясь с воздухом.

Ее внешность потрясла Эммета. Луиза была высокая, с красивым тонким носом. Темно-синие радужки ее глаз располагались меж правильных белых треугольников — их будто сделали искусственно, в глазницы вставили кукольные глаза. С ними Луиза казалась свирепой и неземной.

Луиза грохнула стулом в центре комнаты. Села, достала из сумочки массажную щетку. Откинула русую гриву вперед, резко расчесала и отбросила

назад. Наэлектризованные волосы встали дыбом. Тонкая талия Луизы плавно переходила в пышные бедра. На ней были короткие шорты и маленький клетчатый топ. Шорты глубоко врезались в тело. Груди доставали почти до талии, длинные, как руки.

Рассеянно поглаживая грудь, она осмотрела комнату и остановила взгляд на Эммете.

— Привет, — одними губами сказала она.

Эммет оглянулся на Брюса и Эмили — может, приветствие адресовано им. Откуда эта женщина его знала? Он ведь провел в палате всего одну ночь. Луиза увидела его замешательство и покачала головой.

— Ты, тебе привет, — снова промурлыкала она, качнув пальцем в его направлении.

— Кажется, кое-кто успел положить на тебя глаз, — сказала Эмили. — Только не приводи ее ночью ко мне в комнату. Я до сих пор не пойму, что это за дамочка такая, и она меня очень нервирует.

Эммет внезапно ослабел:

— Может, она просто вежливая.

— А может, она тоже кое-что о тебе знает. И хочет автограф, — шепнул Брюс. — Только запомни: я первый. Все, что хочешь сказать, скажи мне.

Никакой работы на два фронта, *comprenez*?

— Прекрати, Брюс, — попросил Эммет.

— Нет. Это ты прекрати. Хватит увиливать. Помнишь, что я тебе говорил? Или мы будем друзьями, или я о тебе по-своему позабочусь. Выбирай сам. — Брюс умудрялся говорить грозно, однако тихо, словно похитители в кино.

Если кто-то узнает о безумной идее Брюса, это может обернуться против Эммета. Он понятия не имел, как будет объяснять Брюсову манию докторам. Они наверняка обвинят Эммета в сообщничестве. Работники больницы во всем видят тайный смысл — особенно в случайностях. Нет, даже Эмили и Дафна не должны знать.

Луиза поднялась со стула поправить шорты. Ее круглые толстые бедра походили на сморщенные дыни. Соски выглядывали из-под короткого топа, толстые и фиолетовые, как две губы. Луиза снова широко улыбнулась Эммету, и ему показалось, что у нее целых три рта.

Остальные пациенты ждали начала собрания. Оглушающая болтовня превратилась в мягкий гул, пульсацию лишней энергии, гуляющей по комнате. Даже Маргарет притихла, сидя на коленях и подняв руки к потолку.

— Может, запустим наконец эту шарашку, а? —

рявкнула Луиза.

Доктор Франклин посмотрел на нее поверх очков.

— Ты куда-то спешишь, Луиза?

— Подальше от вас, док. Только разрешите.

— Мы можем тут делать что угодно, если не забываем придерживаться определенных правил, — напомнил доктор.

— Вы эти правила придумали, вы их и придерживайтесь. Что бы вы ни говорили, но тут ваши заключенные. Что, если я попрошу всех встать и пойти за мной? Что, сами для себя собрание проведете? Хотите попробовать?

Доктор нервно вглядывался в лица пациентов. Кое-кто внимательно слушал, остальные сидели с отсутствующим видом.

— Сядь, Луиза, — сказал он.

— Ладно. Я просто хотела убедиться, что в вас столько дерьма, сколько я и предполагала. — Треугольники в глазах Луизы исчезли, и темно-синий взгляд застыл.

Эммет и не думал, что человека могут держать в больнице против его воли. Ему пообещали, что он сможет выписаться в любое время, когда пожелает, даже если врач не согласится. А вдруг доктор солгал и не отпустит его?

Окно напротив на замках. За проволокой в армированном стекле ничего не разглядишь, кроме второй больничной башни. Он повернулся к Эмили: пусть хоть намекнет ему, что знает людей, которые выписались по собственному желанию. Та не дала Эммету говорить, лишь подмигнула. Происходящее явно ее развлекало.

— Ты очень уверена в себе, Луиза, раз считаешь, что сможешь заставить всех подчиниться твоему приказу. Почему ты думаешь, что другим пациентам здесь не нравится?

— Хотите проверить? — насмешливо фыркнула Луиза.

— Можешь идти, Луиза, — сказал доктор и принялся копаться в бумагах, словно и думать о ней забыл.

— Отлично. Желаю продуктивно пообщаться. — Луиза промаршировала через всю комнату и остановилась перед Эмметом. Протянула руку: — Эммет, ты идешь?

Эммет побледнел. Он не мог сообразить, откуда эта женщина узнала его имя. Он поднял голову и увидел ее странные глаза. Они пронзали насквозь и умоляли не унижать ее перед всеми. Эммет знал, что доктор сейчас его изучает, навсегда запоминает его лицо и отныне будет помнить

все, что Эммет делает и говорит.

Эммет встал. Он медлил. Ему казалось, своим уходом он себя уничтожит. Луиза умоляюще потянула его за руку и бросила презрительный взгляд на доктора. Эммет опустил голову, чтобы казаться менее заметным, и прижал руки к груди.

— Молодчина, — выдохнула Луиза ему в ухо. Он молча позволил ей тащить себя из комнаты в комнату.

5

Кроме манеры одеваться, ничего вычурного в Луизе не было. Ее положили в больницу за несколько недель до Эммета. Как-то в четверг вечером она съела флуоресцентную лампочку, которую сняла с потолка в общежитии колледжа. Когда соседка по комнате подоспела с подмогой, Луизу нашли на кровати с обгрызенной лампой, зажатой в руке, словно корочка хлеба.

Луиза была твердо убеждена, что она умнее всех докторов и медсестер, какие ей годами встречались в больницах. Объясняя медикам причины своего отчаяния, она быстро теряла терпение. Когда охранники колледжа доставили Луизу в палату, она очень буднично рассказала доктору, что съела лампочку, потому что хотела почувствовать физическую боль, равнозначную ее душевному страданию. Больше ей нечего было сказать на эту тему. Когда Луизе сделали рентген, в желудке не нашли осколков, так старательно она их разжевала. На губах, деснах и между зубами торчала стеклянная крошка, словно мутные драгоценные камешки.

Луиза рассматривала свое пребывание в боль-

нице как унижение. Как политическое заключение, организованное социальными работниками в сговоре с ее родственниками, которые только и мечтают промыть ей мозги, разубедить в истинном понимании реальности.

— Давай, упрячь меня, — дразнила она мать, когда та отправила ее в больницу. — Ты не сможешь держать меня здесь вечно. Когда-нибудь я выберусь и закончу начатое.

Как другие люди клянутся отомстить врагам, Луиза угрожала жестоко расправиться с собой. Она планировала самоубийство, точно идеальное преступление.

— Я прекрасно поняла, что жизнь может мне предложить, и это не то, что мне нужно, — говорила Луиза всем, кто соглашался слушать.

Ее ярость лишала сил докторов и медсестер. Луиза кого угодно могла переговорить. Она пересыпала речь цитатами, подтверждавшими ее правоту, — цитатами из книг, которых никто не читал. Ее непреклонный гнев делал любой ответ докторов вялым и неискренним. Медперсонал часто обсуждал на собраниях поведение Луизы, в особенности ее издевательства над врачами. Она заставляла их чувствовать себя идиотами. Некоторые делали попытки достучаться до ее

сознания. Но чаще ее просто игнорировали и мечтали, чтобы она поскорее исчезла.

Заботливые доктора пытались воззвать к здравому смыслу Луизы, но как раз его у нее не было. Вместо логики ею руководили дикая паника, бесстрашный ум и вера в собственную непогрешимую проницательность.

— Спасибо, что не подставил меня, — сказала она Эммету, когда оба стояли в коридоре, покинув собрание.

Эммет жалел, что ушел. Теперь все сочтут его бунтарем. Ему хотелось вернуться, но страх поссориться с Луизой был сильнее страха перед любым наказанием. Эммет надеялся объяснить потом врачам, что не так категоричен, как Луиза, и все же надеется на их помощь. Но теперь, раз уж Эммет поставил на Луизу, он только и сказал:

— Н-н-не за что благодарить, — стараясь, чтобы звучало убедительно.

— Пошли ко мне в комнату, — сказала Луиза и провела Эммета в небольшой коридорчик, очень похожий на его собственный. Раньше он его не замечал. По пути они миновали еще две проходные комнаты. Отделение оказалось больше, чем думал Эммет. Может, в этих просторных коридорах жили те, кто вообще никогда не видит дневного

света. Может, здесь проводят какой-то специальный отбор пациентов и самых непокорных отправляют жить с кошмарными пациентами, какие Эммету и не снились.

В комнате Луизы все вещи были огромной кучей свалены на кровати. На полу чемоданы, обвешанные чулками и нижним бельем. Будто Луиза только что примчалась домой из путешествия. Вторая кровать была без постельного белья.

— Они никого не хотят ко мне подселять. Я слишком трудная. Намотай на ус, если собираешься надолго здесь оставаться. Игра в простачка не очень-то помогает. Мой девиз: бери их за горло любым путем.

— Как ты узнала м-м-мое имя? — спросил Эммет.

— Угадала. Видел коробку с медицинскими картами у дежурного поста? Когда мне скучно, я пробираюсь туда по ночам и читаю. До прошлой ночи я твоего имени там не видела. А сегодня и ты первый раз появился. Я сопоставила два этих факта, и получился Эммет. Между прочим, увлекательное чтение, твоя карта.

Эммет ее ни разу не читал. На встречах с психиатром он видел, как тот что-то быстро записывает,

почти синхронно с речью. Однажды Эммет попросил почитать свою карточку, но доктор ему отказал. «К вам это отношения не имеет, правда, — сказал он. — Это всего лишь мои заметки, мой взгляд на ситуацию. Имеет значение лишь то, как *вы* на нее смотрите, а не я».

Эммет часто пробовал заглянуть в бумаги доктора. Иногда беспокойно ходил по комнате, притворяясь, будто погружен в подсознание. На самом деле он пытался выбрать удобный угол для наблюдения. Всякий раз, когда Эммет заходил доктору за спину, тот прикрывал записи рукой. За все время лечения Эммету удалось выхватить только одно слово: «лукавит». Он не понял, к чему оно относится, в какой момент доктор решил, что Эммет солгал.

— И что там написано? — спросил он Луизу.

— О, куча всего. Я знаю, где ты живешь. Кстати, неплохой район. Я знаю, чем ты занимаешься. Какие пьешь лекарства. С лекарствами ты поосторожнее. Тут будут пичкать всем подряд, и через некоторое время уже не сможешь отличить, где симптом болезни, а где побочный эффект от таблеток. Врачи все на свете считают симптомами, и о побочных эффектах им говорить нельзя. Если хочешь совет, прячь таблетку под языком и вы-

плевывай, как только останешься один.

Эммет все еще верил, что таблетки помогут ему преодолеть изнуряющую тревогу. Без лечения его видение мира может исказиться окончательно. Но чем дольше он принимал таблетки, тем чаще оживали предметы, словно он принимал галлюциногены. Эммет жаловался докторам, и те решали, что его болезнь обострилась. Они увеличивали дозы. Состояние Эммета ухудшалось. Он подозревал, что его травят, но боялся выбросить таблетки и позволить разуму жить бесконтрольно.

— А что еще там было, в медкарте?

— Что-то было, но у меня не хватило времени прочитать. Много чего о твоей матери, о том, что она выбросилась из окна. Ты поэтому здесь?

Эммет никогда не мог догадаться, какой из его секретов доктора посчитают причиной болезни. На сеансах они будто старались выяснить, от какого события прошлого Эммета тянется ниточка к проблемам сегодняшним. Но Эммет не знал. Он был таким же странным задолго до смерти матери. Иногда он вспоминал, как тревога захватывала его в тиски, когда он лежал в подушках на бабушкиной кровати. Может, болезнь настигла его еще в чреве матери, как бывает у людей

с шумами в сердце или недоразвитыми конечностями.

— Я не знаю, — помолчав, ответил он Луизе, — возможно, так и было, но я не очень хорошо знал мою мать.

— Вот бы моя мамаша прыгнула, — отозвалась Луиза. — Может, я бы тогда отсюда выбралась.

Преодолев первую неловкость, Эммет с Луизой разговорились. Эммет заметил, какая у Луизы бледная кожа — будто она никогда не выходит на солнце. Он рассмотрел грязь у нее под ногтями и потрескавшиеся губы.

— Ты не очень разговорчивый, да?

— Да. Я обычно понятия не имею, о чем нужно говорить. Мне неловко, потому что я за-за-заикаюсь. — Эммет покраснел, стыдясь своей лжи.

— Да ну, забудь. Просто посигналь, если что.

Эммет вопросительно уставился на нее.

— Посигналь. Ну, пошли мне знак. Повесь в окне белую тряпку. Кивни. Подмигни. Плюнь. Мне все равно. Просто давай о себе знать время от времени. Вот и все.

Всю жизнь Эммет не знал, что говорить незнакомцам. Нередко он смотрел на собеседников в упор, так пристально, что они терялись. В голове в таких случаях обычно не появлялось ни одной

дельной мысли. Луиза Эммету нравилась, но он понятия не имел, как это выразить. Он вынул красный носовой платок и помахал.

— Так сойдет?

— Для начала нормально, — сказала она. — Слушай, а ты ходил в школу? В карте не написано.

— Да.

— Я тоже, но доучиться, боюсь, уже не удастся. Меня вряд ли примут назад, после того, как я дважды пускала себе кровь. Не так уж это полезно для моральной атмосферы в общежитии. А ты никогда не пробовал?

— Думаю, от меня этого все ожидали, поэтому я не пробовал. — Эммет задумался на мгновение. — Я не так уж хочу умереть, просто иногда становится страшно, что будет дальше, так страшно, что не можешь п-по-пошевелиться. Но я не теряю надежды, что это закончится когда-нибудь.

— Нам не узнать. Я бросила об этом думать. Я всегда представляла себе человека и его жизнь как супружескую пару. У меня в этом браке несовместимость. Хочу развода. Никто не верит, что я серьезно, но ты ведь поверишь, если я скажу, что мне хочется освободиться?

Эммет часто в страхе представлял себе, как

кто-нибудь из друзей позвонит ему и признается, что собрался покончить с собой. Эммет боялся, что предаст его, если не попытается описать ему прелести жизни, которых сам не чувствует. Но он боялся, что равно предаст самоубийцу, если убедит его тянуть лямку дальше.

Луиза, судя по всему, давно определилась, и ему ничего другого не оставалось, как сказать:

— Знаешь, я до этого еще не дошел. — Он подумал о матери. — Когда ты пробовала, ты думала о ком-нибудь еще? В смысле, тебе б-б-было и-интересно, как отреагирует семья, или ты просто обо всем забывала?

— Я ни о чем не думала, просто не хотела жить. Вроде глупо, но действительно было, как во сне. Я сняла с потолка лампочку и ее погладила. И вот уже лежу на кровати, живая, и думаю: «Луиза, сжуешь эту малышку и станешь мертвой». Мне хотелось, чтобы все происходило медленно. Я понимала, что это самый важный момент в моей жизни, и хотела им насладиться, понимаешь, почувствовать, как смерть наползает на меня, заплатить ей сполна, — короче, в полной мере ощутить все, что в мечтах ощущала. Но, конечно, невольно приходят мысли — ну, от них же не отвяжешься, — мысли о том, что дальше будет?

Может быть, сияние, цветочные луга, или кто-нибудь с бородой протянет руку в узком проходе? Или бесконечный черный сон? Честно говоря, я бы сон выбрала.

— И ты уже точно решила это сделать? Как только выйдешь отсюда?

— Сейчас да. Но я еще могу передумать. Поживем — увидим, как здесь любят говорить. — Она хмыкнула. — Знаешь эту странную медсестричку с кучеряшками? Рут, кажется. В тот вечер, когда меня сюда доставили, я сидела на кушетке и курила. И весь фильтр сигареты был красным, только не от помады, а от крови. После моего флуоресцентного обеда. А эта телка подходит ко мне и говорит: «Не возражаете, если я присяду рядом?» Я возражала, но она все равно уселась. И давай меня лечить, как мне жить. Хватит, говорит, жалеть себя. Но я-то себя не жалела. Я хотела умереть. А разница есть, сам понимаешь. Она составила список действий, от которых мне станет лучше. Съездить на Гавайи, делать зарядку, написать письмо любимому актеру. И непременно вложить в письмо конверт с обратным адресом, чтоб он отослал мне фотку с автографом. Ну не дурь ли?

— Я н-не-ненавижу составлять списки, — за-

смеялся Эммет. — Я люблю гулять с собакой и ходить в прачечную. Но если перечислять вещи, которые держат на плаву, они сразу кажутся такими глупыми.

— А они и есть глупые — вот в чем дело. Я ничего не имею против старушки Рут, но на ее месте я бы по-быстрому бросилась под первый попавшийся грузовик. — Она помолчала. — Однажды меня отвел в сторонку матушкин проповедник и сказал, что милость божья меня оставила. Я не знаю, с чего он взял, но он прибавил, что время для спасения души еще есть. Я подумала и поняла, что не хочу спасать душу. Я ни к чему не привязана и больше не могу себя дурачить.

— Мой доктор сказал бы, что у тебя депрессия, — заметил Эммет. — И тебе требуется всего лишь правильная доза лекарств. Было время, когда я с ума сходил по одному человеку. Я ночами ездил вокруг его дома на машине. Я звонил ему по двадцать раз на дню, только чтобы услышать, как он говорит «алло», и повесить трубку. Я неделями не спал. Никогда в жизни не был так несчастен. Доктор решил, что у меня маниакально-депрессивный психоз, и назначил мне литий. От лития меня рвало. Доктор сказал, это потому, что я влюблен, но ведь раньше меня не рвало. Доктор

увеличил дозу. Я стал терять сознание. Доктор решил, что я не желаю принимать реальность такой, какая она есть. Он довел меня до такого состояния — сам я бы вряд ли до такого докатился.

Эммет забылся и заговорил плавно, как раньше.

— А где твое заикание? — спросила Луиза, разглядывая его.

— Иногда я не заикаюсь. Когда мне комфортно.

— Это со мной-то комфортно? — Она рассмеялась. — Парень, ты бредишь. Обычно я кого угодно до маразма доведу. Я вообще никогда не чувствую себя комфортно. Не могу расслабиться, даже когда сплю, понимаешь? Мне кажется, моя проблема в том, что у меня художественный темперамент, но нет таланта. Нет этого особого взгляда на вещи. Но я слишком умная, не могу делать плохо и тем довольствоваться, как эти ребята, которые поют в мотелях. Я только и делаю, что читаю, и в итоге даже вставать по утрам не могу. О таких все и пишут, только вот я сама писать не умею. Может, мне стоит открыть салон для художников. Пусть приходят, если им охота познакомиться с человеком, у которого депрессия еще глубже, чем у них. Я гений отчаяния, но средства его выражения отсутствуют. Понимаешь, о

чем я? Я стала кем-то вроде ходячей инсталляции. То, что я с собой делаю, и есть мое творчество.

— Врачи нам не верят, когда мы осознаем такие вещи, — сказал Эммет. — Им вставать по утрам не в тягость, и они не верят, что мы говорим правду. С ними ведь такого не случается. Зачем же я тогда сюда пришел? Я начинаю подозревать, что тут мне будет еще хуже, потому что я ощущаю себя все более странно. Нет, с тобой нормально, но в целом я здесь как будто тону, и надежды выплыть уже нет.

— Эй, мне тут последователей не нужно, — сказала Луиза. — То, что подходит или не подходит мне, тебе примерять совсем необязательно. Слушай, хочешь, расскажу историю? Только не смейся. Обещаешь?

— Конечно.

— Когда я была младше, я мечтала стать балериной. Я годами ходила на занятия. Я старалась не толстеть. Да, и получалось у меня не то чтобы ужасно. Даже одна компания с запада взяла меня в балетную труппу. Потом танцовщица вдруг заболела за час перед выступлением, и режиссер попросил меня ее заменить. Не очень большая партия, просто дуэт с другой девушкой. Мы должны были делать одни и те же движения в разных

концах сцены. Я миллион раз видела этот балет, но смотрела не очень внимательно. Знаешь, когда ездишь на машине по одному и тому же маршруту десять раз, а когда тебя спрашивают, как проехать, не можешь сказать ничего путного. Я ужасно психовала и сказала об этом режиссеру. Он ответил, что мне надо просто краем глаза следить за Алисией, той, второй девушкой. Он посоветовал ни о чем больше не думать. И потом сказал: «Луиза, что бы ты ни делала, продолжай двигаться. Не останавливайся и не отвлекайся»… Конечно, я все провалила. Меня шатало по сцене, как розового слона. Интересная вещь, но раньше, когда я еще не состояла в труппе, я легко ловила и копировала движения балерин, стоящих рядом или напротив. Мне хорошо удавалось, даже когда я не знала танца. А в тот раз я видела только Алисию, она так кружилась в углу, и я знала, что в сравнении с ней выгляжу деревянной, но ничего не могла с собой поделать. Пришлось домучиться до конца. Вскоре я бросила танцевать. Кто захочет танцевать у черта на куличках, задевая платьем декорации, и знать, что ближе к сцене тебе никогда не попасть. Это был билет в никуда. А потом я оказалась тут. Но это «продолжай двигаться» — это такая метафора. Я пыталась, как могла. Со

мной не сработало. А ты умный. Может, у тебя получится.

— Вот мы тут сидим, — сказал Эммет, — и очень трудно вспомнить, что в жизни было не так. Как будто мы на свидании в ресторане, например.

— Это всегда возвращается, — сказала Луиза. — Всегда. Ну, просыпаешься утром, какой-то миг сонно моргаешь, принимаешь все вокруг, и пару секунд думаешь: «Слава богу, мне хорошо. Все кончилось». А потом встаешь с кровати, начинаешь двигаться и понимаешь, что ничего не кончилось. Ужас продолжается… Я раньше думала, что, возможно, есть способ умножать эти мгновения счастья понемногу каждый день, пока не научишься растягивать их хотя бы на пару часов, чтобы передохнуть. Но сейчас я в это уже не верю. Думаю, эти секунды просто означают, что мозг не сразу просыпается. Это просто мертвая зона перед возвращением в реальность, и мы никогда не излечимся и никогда не сумеем забыть.

— Не представляю, как можно что-нибудь забыть, особенно что-нибудь ужасное, — сказал Эммет, — я читал о людях, у которых была травма; они якобы ничего не помнят, но я в это не верю. Это как бессонница: чем больше думаешь о сне, тем труднее уснуть. Я считаю, когда застав-

ляешь себя что-нибудь забыть, оно только глубже въедается в мозг. Я не знаю. Мне все кажется нереальным в ту же секунду, когда случается, так что я никогда не уверен, что именно помню. Я боюсь, это во мне самое неправильное: я не вижу разницы, потому что какая-то часть сознания живет отдельно.

— Ну, странно было бы тебя винить, — сказала Луиза. — По сравнению со всей этой ерундой в наших головах реальный мир довольно ручной.

— Моя мать действительно выбросилась из окна. И я там был. Я все видел. Она это сделала у меня на глазах.

— Ого. Ты все видел? Обалдеть.

— Но мне уже кажется, что я все это выдумал. Я так и не понял, что она хотела сказать.

— Может, ничего не хотела. Такое не поймешь. Никто никогда не знает, что думает другой человек или почему он поступает так, а не иначе. Я однажды прочитала в газете про то, как чья-то мать залезла в посудомоечную машину, закрыла за собой дверцу и просидела так несколько часов. Она оставила сыну записку на столе: «Пожалуйста, вымой посуду, когда вернешься из школы». Он так и сделал: защелкнул дверцу и нажал на кнопку. Она захлебнулась в мыльной пене.

Эммет невольно засмеялся:

— Этого не может быть.

— Клянусь, так и было. Об этом писали в газете. Маленькая заметка. Я сначала сама подумала, что у меня галлюцинация, и дала прочитать заметку подруге. Оказалось, не галлюцинация. Вот видишь, что бы с тобой ни приключилось, с другими бывает и похлеще.

Месяцами Эммет не испытывал ничего, кроме страха и паники. И вдруг, появилась Луиза, а вместе с ней вернулся образ матери, как она летела вниз и шляпа неслась по воздуху рядом. У Эммета перехватило дыхание, так ясно он ее увидел. Луиза впилась в него взглядом, требуя подробностей.

Эммет встретил мать в Филадельфии, они приехали на выпускной вечер Джонатана. Остановились в отеле, в центре города, недалеко от музея. Мать сказала, что в музее есть картины Икинса, которые она хотела бы посмотреть.

Во время церемонии мать постоянно фотографировала. Она пригласила видеооператора, чтоб он заснял каждую секунду торжества. На вечеринке, когда гости собрались вокруг большого шоколадного торта с сахарными птицами, мать не отнимала фотоаппарат от лица. Каждая фраза

была запечатлена щелчком камеры, все, что мать видела, уменьшалось и искажалось линзами. Как только Эммет прокашлялся, чтобы произнести тост, мать нацелила объектив на его бокал.

После ужина они разошлись по соседним номерам. Мать заперлась. Эммет проглотил снотворное и легко уснул. Посреди ночи он проснулся. Ему показалось, кто-то стучит в окно. Позже он вспомнил, что ему снилось, будто любовник матери в Колорадо достраивает сарай, вбивая в мягкое дерево гвозди, один за другим, берет их из коробочки, которую держит Эммет.

Он проснулся и без очков различил только белое расплывчатое пятно в окне, неотчетливое, как «метель» в телевизоре. Надев очки, он увидел фигуру, балансирующую на бетонном выступе стены. Когда он понял, в чем дело, город за окном исчез. Сначала потухли огни, потом серое небо, лотом замолк кондиционер, остался только белый женский силуэт, пошатывающийся за стеклом.

Его мать. В том же наряде, в котором она была на церемонии. Даже шляпка с цветами аккуратно пришпилена к волосам. Эммет не шевельнулся. Мать обернулась и заглянула в комнату, держась за кирпичи оконного выступа, словно боялась

упасть. Эммету показалось, что в ее глазах появилось изумление, когда она увидела его, в очках, как он смотрит. Но позже он решил, что это было не изумление, скорее радость триумфа — ей было приятно, что он проснулся.

Эммет не помнил, потянулся ли за телефоном, откинул ли одеяло, собираясь встать. Помнил, как от предчувствия того, что сейчас случится, почти закружилась голова. Помнил, как подумал: «Как я буду теперь жить, без нее?» — как бабушка, увидев, что корабль ее мужа погружается в воду; но потом другая мысль: «Или мне все равно?»

Должно быть, он сделал какое-то движение, потому что мать отрицательно покачала головой и взглядом пригвоздила его к подушке. Она поднесла палец к губам, будто говоря: «ш-ш-ш, тихо». Палец, согнутый артритом, закруглился над губой. Потом мать отступила назад, но плавно, будто легко ныряя в реку, сейчас поплывет по течению, и там, где она стояла, больше не было ничего, кроме ночи и городских огней, что подмигивали Эммету из окна.

А потом Эммет сделал то, в чем никому никогда не признавался. Он испугался, что не сможет объяснить в полиции, почему не остановил мать. Через несколько минут, услышав вой сирен, он

отвернулся к стене и уснул. Он хотел отдалить последнее мгновение, насколько возможно потянуть время, прежде чем он прочувствует изменения, которые принесет ее смерть. При матери не оказалось ни сумочки, ни паспорта. Лишь через несколько часов управляющий отелем и полицейский постучали в его дверь.

Годы спустя Эммет начал сомневаться во всем, что запомнил, даже в том, что она стучала в окно. Он не знал, разбудила его мать специально или то была лишь уловка памяти и вины. Он не знал, что заставило ее броситься вниз: хорошо продуманный план или минутный неконтролируемый порыв, неведомый ей раньше, желание, что охватило ее внезапно, когда она отдыхала после выпускного вечера.

Бывало, даже в самый спокойный и тихий день, когда Эммет выглядывал из окна, его разум кричал ему: «Прыгай!» А в метро, когда к станции приближался поезд, Эммет вжимался спиной в мраморную стену, чтобы не поддаться соблазну шагнуть навстречу летящим из тоннеля огням и упасть на рельсы. Что, если такое же исступление охватило и ее? Мозг заорал: «Сейчас!» — хотя она, возможно, и не собиралась, а тело последовало зову из темноты — такому же, какой слышен

лунатику.

Но часто, во сне, ее стук и лицо, прижатое к стеклу, мучили его. С годами звук становился все требовательнее, порою громче стука из комнаты, где против воли заперт человек, а лицо гротескно прижималось к стеклу, и губы распухали, расплющивались. Однажды ему даже приснились отпечатки на стекле, точно поцелуи, нарисованные помадой.

Проснувшись, Эммет вспоминал, что в тот день стук в стекло был еле слышен, будто она постучала просто ради интереса, но все-таки дважды, а потом откинула голову — она могла быть кем угодно, *ею* остались только волосы и шляпка. Возможно, она постучала в окно, когда поняла, что сейчас упадет в одиночестве и никто этого не увидит. Может быть, она хотела, чтобы он увидел то, что она не могла выразить словами? Может, она хотела сказать, что весь мир для нее смешался и превратился в ничто? Или в последнюю минуту, когда она увидела, что сын смотрит на нее с кровати, он отпустил ее, позволил закончить то, чего она жаждала с той секунды, когда проснулась в ужасе много лет назад и захотела найти выход.

Эммет подумал было рассказать Луизе только это: как он лег спать, когда мать уже была

мертва. Раньше его часто тянуло с кем-нибудь поделиться, освободиться от бремени неприятной тайны. Но он верил, что его последнее спасение — раздробить собственный образ, будто секреты обтягивают его, словно кожа. Эммет боялся, что, содрав эту кожу, совсем потеряет себя.

— Эй, эй, — сказала Луиза, яростно размахивая в воздухе красным носовым платком, — ты где? Мы же договорились. Не забывай сигналить. Возвращайся.

6

Эммет вздрогнул. Луиза улыбнулась и уронила платок ему на колени. Ее рука на миг замерла на его штанине.

Эммет слегка отстранился.

— Прости, я забылся.

— Кроме шуток. Ты меня напугал. Я думала, ты прямо у меня на глазах отлетел на планету Маргарет.

— Ну вот, уже вернулся. Устал, — сказал Эммет и потер глаза. — А что дальше будет? Долго это их собрание длится? Никто не сказал, что мне тут делать. То, что сейчас? Сидеть сиднем в палате?

— Большое спасибо. Не бойся, это они еще разгоняются. Они будут тебя тестировать. Будешь видеться с аналитиком каждые несколько дней. По вечерам в понедельник — семейная терапия. Вот это натуральная жуть. Это когда наши родители приходят поторчать тут, среди нас.

— У меня только брат есть. Но он на такое не пойдет. Он очень скрытный.

— Даже если ты соврешь и скажешь, что ты сирота, они заставят тебя привести друга. От этого не уйдешь. Им это очень нравится. Так

что тебе придется позвать кого-нибудь и придумать безумную историю. Насочиняй чего-нибудь ужасного, чтобы самому нескучно было. Типа, как мать запирала тебя в туалете и одевала в девчачьи платья до первого класса. Или за деньги заставляла тебя встречаться с бизнесменами. Что угодно, лишь бы вызвать у них сочувствие.

— Когда я был маленьким, — сказал Эммет, — лежа в кровати, может в детской кроватке, я любил вытягивать нитки из штор, которые висели над подушкой, и их сосать. Мою мать это выводило из себя. Увещевания на меня не действовали. Я помню, как она влетала в комнату с дикими глазами, как у старухи, и потрясала большой открытой булавкой. Она махала острием возле моих глаз и рычала: «В следующий раз я пришпилю тебя булавкой к этим шторам!» Она этого, конечно, не сделала, но я хорошо помню острый кончик булавки, так близко, что он троился перед глазами. Я верил, что она может меня убить, хотя тогда еще не знал, что значит «смерть». Мне казалось, она не шутит, и я очень боялся.

— Да, неплохо. Но чтобы успех был гарантирован, историю нужно продумать. Соври, что она так и сделала. Опиши, что чувствовал, когда тебя

пришпиливали к шторе, как булавки проникали под кожу.

— Штора была из зеленого кримплена.

— Вот-вот, так держать. Может, зеленая и кровавые пятнышки? А мать оставила тебя в таком виде на целый день, не кормила и не меняла подгузники? О, они от подобных историй торчат, поверь мне.

— А ты когда-нибудь говоришь им правду?

— Никогда. Для меня это дело чести. Они считают, что все про меня знают, а мне нравится, как они хватаются за мое вранье и заставляют меня смотреть правде в глаза. Нужно уметь противостоять прошлому, как они говорят. Только это вовсе не мое прошлое. Просто выдуманная история, которую врачи записывают в мою карту и передают друг другу, из больницы в больницу, как будто знают все мои секреты. Но ничего они не знают. Правда, я сама себе этим навредила. Они не выпускают меня отсюда ни на день. Не разрешают ходить в кегельбан или еще куда. Придется, наверное, слегка отпустить вожжи. Они боятся, что, как только выпустят меня из виду, я рвану к первой попавшейся лампочке и начну ее грызть.

Луиза потянулась и погладила живот.

— Кстати о еде, ты не голоден? Подозреваю, что пора обедать. О, если ты еще не видел это коллективное насыщение, считай, что ты не знаешь жизни!

Эммет ничего не ел с тех пор, как приехал. Он так отвык от вида пищи, что не мог представить перед собой тарелку. Чтобы себя проверить, он вообразил самое отвратительное блюдо: сырой гамбургер в соусе с какими-то кусочками и расплывшейся радугой жира. Эммет мысленно приблизил лицо к тарелке и втянул носом запах. Лизнул. Почувствовал, что отвращение к еде чуть ослабело. Подумал, что сливки на вкус, наверное, как обычный клей.

— Я в последнее время почти не ел, — сказал он.

— Кто бы, конечно, говорил, — сказала Луиза, отклеивая шорты от бедер, — но пара фунтов жира бы тебе не помешала. Знаешь, я никогда не видела такого худого человека, как ты, чтобы он при этом был жив. У тебя кожа на лице полупрозрачная. В этом, конечно, что-то есть: напоминает лица на старинных портретах, но знаешь, это все равно ненормально.

Эммет потрогал свои щеки. Кожа сильно натянута, как повязка, присохшая к черепу, про

которую рассказывал Брюс.

«А на ощупь приятно, — невольно подумал Эммет. — Я, наверное, вешу не больше ста фунтов».

— Не хочу на тебя давить, — сказала Луиза, — но, если не будешь есть, они подключат тебя к аппарату и будут вливать всякие жидкости. Однако врать не буду. Еда здесь дерьмо. Это из-за нее мы так жиреем. Переварить можно одну картошку из автомата.

— А ты пойдешь?

— Чтобы я пропустила жрачку? Ты серьезно? Я не собираюсь помирать с голоду.

Луиза подошла к бюро, выбрала пузырек с веткой сирени и пшикнула себе за ушами. Отбросила волосы на лицо и принялась драть спутанные пряди щеткой. Одним глазом посмотрела на Эммета.

— Знаешь, ты мне можешь все рассказать. Я же только что наизнанку вывернулась. Когда со мной разговариваешь, можешь считать, что это просто мысли летают, даже самые безумные, как будто у нас общий мозг.

Эммет улыбнулся. Кожа на лице натянулась, будто покрытая штукатуркой.

— Да, — сказал он, разглаживая морщины у рта.

— Я никому не проболтаюсь, — сказала Луиза, раздвинув волосы, как шторы.

Выйдя из комнаты, они увидели женщину в розовом халате и коричневых кожаных тапочках — она с птичьим щебетаньем семенила взад-вперед по коридору. Одной рукой она прижимала к груди сумочку, другой поглаживала эластичные розовые бигуди, подрагивающие на ее голове, точно электроды.

— Простите, — без конца повторяла она, несколько раз задев Луизу и Эммета. — Простите.

— Это Изабелла, — сказала Луиза. — Она безобидная. Когда-то была ученым. Мне она даже нравится, только вот снует повсюду и суетится, как крыса. Но если не обращать на нее внимания, она отстанет.

Из-за угла до Эммета доносился грохот посуды. Казалось, кто-то стучит по столу тарелками и ложками. Из репродуктора полилась музыка, нежные струнные, никакого бита.

— Простите. — Женщина-птица снова врезалась в Эммета. Она отходила, но все равно возвращалась. Из-за угла появилась медсестра с длинной резиновой трубкой, прикрепленной к двум пробиркам. Медсестра что-то насвистывала, а желтая жидкость покачивалась в пробирке.

Девушка улыбнулась Эммету и потрясла пробирками у него перед глазами, держа их двумя пальцами. Жидкость вспенилась.

От зеленого кафеля на стенах Эммета слегка затошнило. Он представил, как медсестра швыряет свои пробирки о кафель и желтая жидкость выплескивается на ковер и на его туфли. Женщина-птица толкнула его в живот. Из соседней комнаты вышли двое пациентов в больничных халатах. Они шли, сунув пальцы в пластмассовые именные браслеты друг друга, словно в наручниках. Было заметно, как при ходьбе покачивается растянутая, мучнистая кожа их ягодиц.

— Простите, — повторила женщина, едва не притиснув Эммета к стене, — простите. — Она смотрела ему прямо в глаза даже с какой-то нежностью, но было ясно, что бродит она не здесь, а по оживленной городской улице, в толпе пешеходов.

Эммет сполз по кафельной стене, носом упершись женщине в колени. Она малюсенькими ступнями потыкала ему в голени. «Где же Луиза? — Эммет попытался осмотреться и собраться с мыслями: — Это больница. Здесь что угодно можно увидеть. Эта женщина ничего не значит. Ее нет», — но вопреки самовнушению сумочка

женщины била его по лицу, и это было, как пощечины.

— Луиза! — взвыл Эммет, схватил женщину за лодыжки и так сильно дернул, что та шлепнулась на спину. Сумка упала и раскрылась, на ковер вылетели помада, очки, берет и толстый пыльный ком, обмотанный ленточкой. Эммет отшатнулся.

— Вор! Сумочку выхватил! — взвизгнула женщина. — Хулиган! — Она сунула два пальца в рот и яростно свистнула.

— Л-л-луиза! — снова позвал Эммет, заикаясь уже не притворно, слова ускользали, будто он говорил сквозь маску.

Женщина-птица опять засвистела, и появилась Луиза — она неслась по коридору.

— Отстань! — приказала она и сжала морщинистое горло женщины так, что та выпучила глаза. Из-за ее зубов вылез язык, белый и в пупырышках.

— Отстань от него! — задыхалась Луиза. Капли пота стекали по губам. Она обхватила голову женщины и развернула к разбросанным вещам. — Поднимай!

Изабелла захныкала, но принялась складывать свое барахло в сумку. Пыльный ком рассыпался облаком, едва Изабелла его коснулась. Ленточка

скользнула ей в руку.

— Он все сломал, — заныла Изабелла.

— Пора спать, Изабелла, — сказала Луиза. Она обеими руками подтолкнула женщину в спину. Изабелла убежала. В конце коридора остановилась, еще раз пронзительно свистнула и помахала руками, будто подзывая телохранителей.

Луиза хлопнула в ладоши и беспечно сказала:

— Вот видишь, никаких проблем. А как ты умудрился от меня отстать? Я иду себе, болтаю, раскрываю тебе остальные секреты, потом оборачиваюсь и вижу, что говорю с воздухом. — Она подмигнула. — Ты кое-что важное пропустил. То, что я ни единой живой душе еще не говорила.

Эммет показал пальцем на место, где стояла Изабелла.

— Она чо-чо-чокнутая.

— Конечно, чокнутая. Ты в больнице, не забыл?

— Нет, — сказал Эммет почти неслышно.

— Хватит дурить, пошли есть. — Луиза потянула его за руку.

От волнения у Эммета бурчало в животе. «Пошевели рукой», — сказал он себе, как обычно говорят киношные доктора жертвам несчастных случаев. Он представил себе, как приказание

формируется в мозгу и передается каждому нервному окончанию, до самых кончиков пальцев.

«Шевелись», — повторил Эммет еле слышно, на выдохе. Он шел очень прямо, боясь смотреть на ковер. Ему казалось, стоит взглянуть под ноги, и пол рванется к нему — как будто падаешь с высоты, не закрывая глаз.

Луиза взяла его за руку и повела за собой. Когда они вошли в столовую, ноги у Эммета стали заплетаться и упираться, будто связанные. Он услышал, как Луиза пробормотала: «Господи, еще хуже, чем я думала». Эммета шатало; ему казалось, он выглядит здесь главным безумцем. Глаза пересохли и болели. «Не забывай моргать, — твердил себе Эммет, пробираясь между столами, — не забывай моргать».

Луиза усадила его на стул напротив мужчины под сорок, в круглых черных очках. Голова его казалась неестественно лысой, как после химиотерапии. Макушку покрывали щепотки пуха, похожие на лишай. Когда он подносил ко рту вилку, глаза его удивленно спрашивали: «Это мне?» Медсестра, сидящая рядом, осторожно подталкивала его руку снизу, направляя вилку ко рту. Легонько стукнув пациента по подбородку, напоминала ему, что нужно открывать рот, и его

челюсть отваливалась, словно у куклы. Потом медсестра гротескно изображала, как разжевывает пищу, и мужчина, повторяя за ней, начинал жевать.

Санитар в белой униформе шлепнул перед Эмметом тарелку с мясом. Из горки картофельного пюре торчал серо-голубой артишок. Листья были опухшие и морщинистые, как пальцы, слишком долго пробывшие в воде.

— Я же говорила. — Луиза скорчила гримасу. — Будем надеяться, что хоть пирожное дадут.

К их столу не спеша пробрались Эмили и Дафна с тарелками в руках. Из их карманов торчали приборы. Дафна коснулась затылка Эммета и холодно глянула на Луизу:

— Разрешите присоединиться?

— Мы живем в свободной стране, — сказала Луиза, уронила вилку и обняла Эммета за плечи.

— А мы тебя искали, — сказала Эмили. — Ты произвел впечатление, когда ушел с собрания. Но потом Хуанита произнесла речь о лидерстве, и все о тебе забыли. Хуанита считает, что вот-вот родит. Живот у нее аж прыгал.

— Привет, Джон, — подмигнул Брюс, усаживаясь на стул возле Эммета. Он запустил свою вилку в Эмметово пюре и хлюпнул.

— Остаешься? — шепнула Луиза Эммету на ухо. Эммет придвинулся к ней, обмяк и навалился всем весом.

— Ешь. — Она кивнула на стынущую съедобную массу.

Эммет лизнул пюре, — подождал, пока оно растает на языке. Кусок картошки был твердый и холодный, как опухоль.

Луиза тронула его губы полной ложкой. Он послушно высунул язык. Эмили с Дафной переглянулись, но Эммет их проигнорировал. Он вдыхал аромат Луизиных лавандовых духов, будто на цветочном лугу. «Она меня защитит», — мечтательно подумал он и представил, как они вместе, рука об руку, гуляют с собакой по улицам. Луиза, конечно, перехитрит кота. Живи она с Эмметом раньше, всех этих кошмаров бы не случилось.

Он откусил кусок мяса и немного пожевал его. Мясные волокна застряли между коронками. Он с набитым ртом улыбнулся Луизе. Она погладила его по мягким волосам на затылке. Эммет уже сейчас готов был отдать ей всего себя, как будто был способен любить.

Медсестра ввезла в столовую мужчину в инвалидной коляске. Руки его были привязаны к подлокотникам белой марлей. Медсестра при-

парковала коляску у стола и стала кормить мужчину.

— Господи Иисусе, это же Генри! — сказала Дафна. — Мы его несколько недель не видели!

Эммет обратил внимание на алые, как тюльпаны, синяки на веках у Генри.

— О, наш Генри буйный! — сказала Эмили. — У него пунктик насчет выковыривания глаз. Он запихивает указательный палец себе в глазницы, и глаза вылезают. Он не может остановиться. Он это делает всякий раз, когда ему высвобождают руки. — Она влажно прищелкнула языком.

Эммет почувствовал, что Луиза напряглась, заинтересовавшись:

— Надо же, я его ни разу не видела! А я думала, что всех здесь знаю. Ты говоришь, он действительно их выколупывает? Как пластмассовые?

— Ну да, — ответила Эмили. — Но я сама ни разу не видела. Мне доктор сказал. Не хотел, но проговорился.

— Буйный, — сказал Брюс. — Мерзкие вы, девки. Я же есть пытаюсь. — Он ткнул палец в картошку Эммета и облизал.

— Интересно, он видит? — сказала Луиза. — В смысле, это же замечательно, если глаза на стебельках, и притом видят? Я всегда мечтала.

Но даже мне казалось, что это чересчур шиза. Вы представьте: можно их направить на себя и увидеть себя без зеркала, как другие видят. Боже мой, я бы хотела себя так увидеть. Собственными глазами. Боже. Как думаете, можно его спросить, каково это?

— Генри не говорит, — сказала Эмили. — Решает математические задачи на дощечке, мелом, и все. Я подозреваю, ты не узнаешь, если сама не попробуешь.

— Не, я слишком большая трусиха, — сказала Луиза. — У меня четыре года ушло на то, чтоб научиться контактные линзы правильно вставлять. У меня тут репутация диверсантки, но обычно я боюсь боли.

Эмили, Эммет и Дафна одновременно посмотрели на потолок, на лампы дневного света.

— Я бы не выдержала слепоты, — продолжала Луиза. — В смысле, одно дело — помереть, но от слепой курицы увольте. Нет уж, спасибо.

— Я думал, ты последняя сука, — вставил Брюс. — Все так говорят. Но, может, ты не такая уж и сука. — Он повернулся к Эммету. — Или, может, просто любишь звезд трахать. Джон, подтверди?

Эммет открыл было рот, но у него за спиной

остановилась Хуанита.

— Звезда, говорите? Мой малыш будет звездой. Мой малыш будет сиять божественным светом.

Брюс запел, щелкая пальцами:

— «Моя мать сошла с небес, мой отец пришел с земли, только я — дитя вселенной»[7]. Давай, Джон, как там дальше? Какая строчка?

— Сатана, — сказала Хуанита. — Пидор цветочный. Время пришло. Сегодня утром, когда я проснулась, я почувствовала, что у меня внутри будто куча щенков, целый помет, верещат и толкаются, только это не собаки. Это мой ребенок готовился выйти на свет. — Она вынула кубик льда из стакана Эммета и разгрызла, наклонясь близко к Эмметовому уху.

— Видишь, какие у меня сильные челюсти? Я тренируюсь. Могу открыть рот очень широко, если ребенку вздумается выйти через него.

Она продефилировала к другому концу столовой, качая животом из стороны в сторону.

— Сотрапезники, — воскликнула она, — благочестивые сотрапезники! Позвольте привлечь ваше внимание. Никогда не доверяйте лидеру,

---

[7] Примечания: 7

Цитата из песни «Yer Blues» с «Белого альбома» группы «Битлз».

у которого нет lederhosen[8]! Вот вам мое слово на сегодня. — За некоторыми столами зааплодировали.

Медсестра оставила Генри и подошла к Хуаните.

— Садитесь или идите в свою палату, — спокойно сказала она.

— Убирайся, Ева Браун, — приказала Хуанита, — этот малыш мой. Ты только и мечтаешь помыть меня в своем душе. — Она брыкалась, высоко поднимая ноги. Эммет изумился ее гибкости, почти как у танцовщицы.

Вторая медсестра встала у Хуаниты за спиной.

— Нацистские суки! — выкрикнула Хуанита. — Сами обжигайтесь, стоя в своих душевых из кипятка! Сами! — Она стала дуть сквозь зубы, будто остужала кусок горячего бекона. — Эо-эээ-о-эээ-о, — пропела она, отчаянно тряся головой.

Эммет заметил в дверях санитара, в руках мокрая простыня, точно сеть.

— Ешь, давай, — сказала Луиза, поворачивая его голову к тарелке. — В другом месте я сказала бы: «Прикончи свои овощи», но эти на вид отрава.

Эммет содрал поочередно все листья с артишо-

---

[8] Примечания: 8
Кожаные штаны *(нем.)*.

ка. Они легко отрывались, и скоро осталась одна кочерыжка, серая и мягкая. Эммет откусил один лист и тут же выплюнул.

— Гадость. На вкус как трава. — Он повернулся к Луизе: — Хочешь мою сердцевину?

— Посмотрим, — отозвалась Луиза, тыкая ножом липкую массу. — Пока ограничимся картошкой. Две ложки.

— 2531,87, 2531,86, 2531,85, 2531,84, — посчитал мужчина с волосами, точно прозрачный мох, и встал из-за стола. — Индекс Доу Джонса падает. Они падают, падают. — Он вздрогнул и начал лупить себя, словно его атаковали тысячи насекомых, а он не сознавал, что это его тело.

— Полнолуние? — смущенно спросила Дафна.

— Если этот чувак собрался дойти до нуля, я покончу с собой, — сказала Эмили.

Дафна с Эмили выдули по два кольца дыма. Когда кольца соединились, женщины рассмеялись и с криком «Сестричка!» схлопнули ладони.

— Твоя сестра банкрот и живет в Англии, в зачуханной хибаре, — обратился Брюс к Эммету. — Я читал. Постыдился бы.

— Сестричка, — сказала Дафна.

— Падает. Падает, — продолжал мужчина.

— Мы здесь для того, чтобы помочь вам, — ска-

зала медсестра.

— Эо-эо-эо, — пропела Хуанита.

— Стыдись, — сказал Брюс. — Тебе должно быть стыдно.

— Ешь, — шепнула Луиза, — ешь.

Частички света летели по воздуху, точно пыль, взрывались у Эммета перед глазами.

— Негритоска, сучка! — закричала Маргарет. — Шлюха! — Она шустро, будто колибри, выпорхнула из-за стола и с вилкой бросилась на Хуаниту. Маргарет двигалась так проворно, что даже медсестры на мгновение замерли в шоке. Она воспользовалась их недоумением и ухватила Хуаниту за ногу. Эммет увидел, как мелькнул сухой коричневый бицепс старухи в платье без рукавов, и та повалила негритянку на пол.

Маргарет изо всех сил воткнула вилку Хуаните в живот. Эммет услышал чей-то мучительный выдох и хлопок, будто лопнула автомобильная шина. Живот Хуаниты сдулся. Оглаживая платье, она зарыдала так безутешно, что Эммет вдруг почувствовал ее горе, словно не резина лопнула, а человек испустил дух.

— Дьявол издох! — провозгласила Маргарет, потрясая над головой вилкой, словно воинским мечом. — Я уничтожила ребенка Сатаны!

По комнате прошел гул, встревоженные пациенты повскакали. Кто-то плакал, кто-то кричал, некоторые крушили стулья о столы. Комната просто разрывалась от ярости.

Санитары скрутили Маргарет простыней, как мумию, вместе с вилкой, все еще зажатой в руке.

— Не прикасайтесь ко мне! — восклицала она, закутанная во влажную ткань. — Я чиста, как младенец! Чиста!

— Младенец, — выла Хуанита. — Младенец, малыш, малыш. — У нее из-под платья выпал сдувшийся рыже-голубой надувной мяч. Он плюхнулся на пол, между ее ног — одна половина плоская, бездыханная. Хуанита подползла к нему, словно в мольбе, и стала качать его, будто пробитую голову.

Пациенты окружили Хуаниту, глазели на нее, подбирались все ближе, напирали. Комната наполнилась врачами и медсестрами, но пациенты упрямо протискивались вперед, осмелевшие от энергии, что потрескивала меж ними.

— Сматываемся, — сказала Луиза и подняла Эммета на ноги.

— Пора бы появиться сестричкам Зайн, — рассмеялся Брюс. — Стелла! Тора! Выходите, выходите. Вы нам нужны.

— Я знала, что у нее там не ребенок, — самодовольно сказала Эмили, — просто знала, и все. — Пациенты аплодировали, а Хуанита билась у их ног, прижимая мяч к сердцу так тесно, что ничего не разглядишь, кроме яркой обмякшей резины.

— Малыш, — подвывала она, а медсестры расступались, делая вид, что заняты спеленатой извивающейся Маргарет.

— Малыш, — стенала Хуанита, а остальные пациенты топтались вокруг нее, держась за руки.

Эммету хотелось ворваться в толпу, остановить их, но он не подходил, глядя потрясенно, будто набрел на опушку, где стал свидетелем церемонии то ли погребения, то ли сакрального убийства. Будто ему не спасти Хуаниту, как любую мать, ослепленную горем.

7

— Зубная фея кое-что оставила тебе под подушкой, — сказал Уинстон, проводя большим пальцем по толстой пачке банкнот. — Я не удержался и подглядел. Я как раз делал уборку. — Он оттянул резинку штанов и сунул деньги в трусы, добавив с улыбкой: — Я как раз пересчитывал свою заначку.

Эммет открыл тумбочку и отыскал свои носки. В них он прятал деньги, которые Джонатан дал ему в день отправки в больницу. Носки оказались плоскими и пустыми. Уинстон откинулся на кровати, с притворной кротостью скрестив руки на выпуклой ширинке. Эммет пришел в отчаяние. «Как я теперь докажу, что деньги были мои? На них ведь это не написано». Он пожалел, что не переписал в блокнот серийный номер каждого доллара.

Эммет как ни в чем не бывало подошел к шкафу и стал перебирать вещи на вешалке. Уинстон следил за ним. Половину денег Эммет зашил внутрь штанины черных джинсов. Он провел рукой по штанине и нащупал пачку. Зевнув, чтобы скрыть облегчение, Эммет поспешно расправил другую

пару брюк.

— Милые штани-и-ишки, — протянул Уинстон. — Так чего ж ты ждешь? Тебе что, не интересно почитать послание зубной феи?

Стоя спиной к Уинстону, Эммет поднял подушку и увидел доллар, приклеенный к куску бумаги и припечатанный к простыне шоколадной конфетой. В записке было сказано:

«Я стану дарить тебе что-нибудь каждый день, если скажешь». Внизу стояла подпись: буква Б, стилизованная в форме сердечка.

— Я буду дарить тебе что-нибудь каждый день, если скажешь. — Уинстон плотоядно покосился на него с кровати.

— Д-д-держись подальше от моих вещей, — предупредил Эммет, бросая записку в мусорную корзину.

— У м-м-меня уже есть все, что нужно, — передразнил Уинстон, побарабанив пальцами в паху.

— Кажется, где-то жженым мусором воняет. Может, Поджог постарался? — огрызнулся Эммет. Его тут же бросило в пот. Он всегда боялся, что будет, если не утихомирить того, кто ему угрожал. Если поссориться с Уинстоном, тот будет мстить, когда Эммет уснет. Станет рыться в его вещах, едва Эммет выйдет из комнаты. Эммет по-

вернулся и приготовился унижаться, добиваясь благосклонности, но Уинстон только фыркнул:

— Touche.

— Пожалуйста, не забирай у меня деньги. У меня их просто нет. Мою квартиру о-о-обокрали.

— Вот что мне нравится в пожарах, — сказал Уинстон. — После них не остается отпечатков пальцев. Какие могут быть улики, когда огонь все пожрал? — Он прищелкнул пальцами. — Раз — и ничего. Престо. Понял?

— Я н-н-надеялся, мы будем друзьями, — сказал Эммет. — Особенно после всего, что ты мне рассказал.

— О, мальчик, ты чересчур серьезно относишься к жизни. Это ж я так дрочу — болтаю себе и болтаю. Да и вообще я уже домой собрался. Жду вот, когда бумаги подпишут, и ту-ту. Меня на реабилитацию отправляют, полпути к свободе. Надеюсь, это на полпути к следующей вспышке моей славы.

Пораженный Эммет увидел в ногах у Уинстона чемодан и рюкзак.

— Но как же ты уедешь? Они разве не д-д-догадываются, что ты и дальше хочешь поджигать?

— Что ты, сладенький. Думаешь, я псих? Я опустил очи долу и сказал, что в прошлый раз

на меня просто что-то нашло. Что они мне сделают? Они же не видят во мне больше ничего ненормального. Я просто жертва неудачной юности. — Уинстон весело крякнул.

«Я останусь тут один», — подумал Эммет и почувствовал себя в ловушке. Он погрустнел оттого, что расстанется с Уинстоном. Он ведь только-только признал этого человека частью своей новой жизни. Больше всего Эммет ненавидел перемены, даже если это перемены к лучшему.

Дверь распахнулась, и в комнату вошел Брюс — в каждой руке по чемодану, подмышкой пластинка.

— Вот я и дома! — крикнул он и завалился на кровать Уинстона. — Знакомо, а? — рассмеялся он и швырнул Эммету пластинку. Без картинки, только пустая белая бумага, из которой в полете выскользнули на ковер два черных диска. Бумажный конверт подлетел к Эммету, и тот смахнул его на пол.

— Я не знал, что… — сказал Эммет, будто его слова могли что-то изменить.

— Откуда бы? Все решилось в мгновение ока. Я все устроил в нашу пользу, как только узнал про Уинстона. Сказал дежурной медсестре, что мы с тобой хотим больше общаться. Она сразу

попалась на удочку, сказала, что рада за меня, потому что я наконец завожу друзей.

Брюс поднял пластинки с пола и вложил их обратно в конверт.

— Так что, приятель, «дай мне, дай мне, дай мне ответ / может, ты любить умеешь, но плясать — ни капли, нет»[9], — пропел он. — Что бы это значило? Любить умеешь, а плясать не умеешь. Это смерть символизирует?

— Да не знаю я, — сказал Эммет. — Пожалуйста, оставь меня в покое. Это не мои слова.

— Хочешь сказать, это слова Пола? Пускай, но разве он тебе их не растолковал? Наверняка говорил что-нибудь.

— Я не знаю. Иногда слова — это просто слова. И ничего не значат.

— Может, насчет «любить» — это про секс? Я-то всегда думал, что это про смерть, ну, или про воскрешение. — Брюс принялся распихивать свои вещи по ящикам. Он открыл нижний ящик Эмметова комода.

— Не возражаешь? У тебя все равно шмоток мало, а я прихватил всю свою коллекцию, а то вдруг моей мамаше вздумается ее продать. — В

---

[9] Примечания: 9
Цитата из песни «Helter Skelter».

руках он держал две пары трусов. Одни в ягодку, на других в соломенных кроватках спали жучки.

— О, эти очень редкие, — сообщил он. — Я знаю людей, которые готовы убить кого угодно, лишь бы завладеть такими трусами.

Эммет не мог себе представить, как он будет жить с Брюсом в одной комнате дни напролет. У него теперь и минуты спокойной не будет. «Возможно ли убедить человека в том, что он во власти бесов?» — думал Эммет, наблюдая, как новый сосед рассовывает по его ящикам свое белье. Его иллюзий ничто не поколеблет. Всех уловок в мире не хватит, чтобы объяснить Брюсу, как он заблуждается. Все равно что убеждать верующего в том, что Бога нет.

— Вы о чем вообще болтаете, друзья? — поинтересовался Уинстон.

— Сказать ему? — спросил Брюс так угрожающе, будто Эммет должен до смерти бояться разоблачения своей страшной тайны. Эммет встретился с ним взглядом. В глазах Брюса светилось торжество.

— Нет, — ответил Эммет, глядя в пол. Он повернулся к Уинстону: — Он считает, что знал меня в другой жизни, до больницы.

— Я бы, наверное, запомнил, но здесь фиг раз-

берешь. Эта жизнь — та жизнь… Просто сгораю от нетерпения, скорей бы снова попасть в ту. — Уинстон поднял чемодан и закинул на плечо рюкзак.

— Покидаю вас, ребята, делайте тут, что хотите.

Уинстон прошел к столу и повертел в руках шариковую ручку Эммета.

— Симпатичненькая. — Он сунул ее себе в карман. — Ладно, я ушел. Ведите себя прилично, мальчики.

— Пусть огонь в домах пылает[10], — сказал Брюс и с ногами уселся к Эммету на кровать.

Эммет перевел взгляд с Брюса на Уинстона. Он чувствовал себя заключенным, наблюдающим за сменой караула. Он смотрел на живот Уинстона, колыхающийся под голубыми молниями, нарисованными на его рубашке. Из кармана торчал серебряный кончик Эмметовой ручки. «На всю жизнь запомню эту сцену», — подумал Эммет. Он не был привязан к Уинстону, но почему-то ему хотелось упросить того подождать, остаться хоть на миг. Не успел он и слова сказать, как Уинстон со своими сумками вышел за дверь и пропал.

---

[10] Примечания: 10

Популярная в Первую мировую войну песня Айвора Новелло и Лины Форд (1914).

— Ну все, он уже история, — сказал Брюс. — Где мы остановились? Ты, кажется, рассказывал мне о песне, которую написал, хотя, может, ее и не ты написал.

— А нельзя потом поговорить? — спросил Эммет. Ему требовалось время, чтобы все обдумать. Брюс ненасытен. Стоит Эммету согласиться на эту игру, как Брюсу захочется, чтобы Эммет начал писать для него песни. Он будет без конца расспрашивать о вещах, про которые Эммет понятия не имеет.

— Как я уже сказал, у нас с тобой теперь вся жизнь впереди. Но я хочу, чтобы ты это сказал. Чтобы ты произнес свое имя вслух.

— Эммет?

— Да не-е-ет. Давай, назови свое настоящее имя. Ты уже рассказал мне про заикание. Ты уже признался, что врешь. Все с тобой ясно. А теперь я хочу, чтобы ты сказал правду. Итак, твое имя.

— Брюс, — вздохнул Эммет.

— Это я Брюс. Давай, мужик, давай. Говори свое имя.

«Почему я сопротивляюсь? — подумал Эммет. — Что может быть хуже этих мучений?» Он явственно увидел буквы, составляющие имя, которое хотел услышать Брюс, но это слово застряло

на языке. Эммет почувствовал себя бестелесным, как когда-то давно, на Ямайке, когда пытался заставить себя шагнуть с берега в пустоту и все глядел вниз, на Джонатана, а тот барахтался в воде и кричал ему: «Прыгай! Прыгай! Прыгай!»

— Говори!

— Д-д-джон, — сказал Эммет.

Брюс наклонился ближе. Казалось, он не удивлен и не рад тому, что Эммет согласился произнести чужое имя.

— Я не расслышал, — сказал он.

— Джон. Меня зовут Джон. — Комната задвигалась. Эммет ухватился за простыню, словно за веревку.

— Эммет? — позвал его кто-то от двери.

— Джон, — сказал Брюс. — Запомни, Джон.

— Эммет?

Крис подошел к его кровати. Эммет сидел, но они оказались лицом к лицу.

— Эммет? — Крис повторял его имя все настойчивее, будто умолял.

— Здесь никого нет с таким именем, — засмеялся Брюс. — Давай, скажи ему.

— Что происходит?

— Скажи ему, — шепнул Брюс ему на ухо. — Скажи, что ты Джон.

— Эммет?

— Джон, Джон, Джон, — шептал Брюс, нежно, будто говорил о любви.

— Я иду. — Эммет дрожа поднялся. Он не знал, куда Крис его поведет, но готов был пойти куда угодно.

— У тебя встреча с доктором Франклином, — сказал Крис и недоуменно перевел взгляд с Брюса на Эммета, ожидая объяснений.

Эммет двумя руками обхватил Крисов локоть.

— Уведите меня отсюда, пожалуйста, — шепнул он.

— Скажи ему, — прошипел Брюс, когда они выходили. — Скажи ему, как ты умеешь врать.

8

— Что у вас там приключилось? — спросил Крис, провожая Эммета к автоматической двери у входа в отделение.

— Н-н-ничего.

— Мне так не показалось. Ты уверен?

— Уинстон украл у меня д-д-деньги.

— Надеюсь, не очень много. Что ж ты сразу не сказал? Теперь его выписали, я мало что могу для тебя сделать. А кто такой Джон?

Эммет пожал плечами. Он вздрогнул, услышав колокольчик у двери, и они прошли мимо темно-лилового электрического глазка. Дверь захлопнулась за их спинами.

«Вот я и вышел», — подумал Эммет, с внезапной ностальгией оглядываясь на отделение, оставшееся за рябым стеклом.

Они подождали лифт. В нем толпились медсестры, посетители и курьеры с шипастыми букетами в руках. Незнакомцы с озабоченными лицами и сумками в руках напомнили Эммету, что за пределами больницы и даже в самом больничном здании существует целый мир. Среди нормальных людей он самому себе показался че-

ресчур заметным с этим пластиковым именным браслетом на запястье. Эммет сунул руку в карман, но браслет скользнул выше по руке и стал липким от пота. «Все они прекрасно знают, что означает этот браслет», — заволновался Эммет, считая этажи, — номера загорались на табло: семь, шесть, пять, четыре.

Крис легонько похлопал его по руке и непринужденно заговорил о погоде, будто Эммет знает, как сейчас жарко:

— Ну и жарища, да?

Эммет благодарно кивнул. Остальные вздохнули с облегчением, будто поверили, что Эммет только что зашел сюда с улицы.

Крис оставил Эммета у двери в кабинет доктора Франклина. Эммет остановился и проводил коренастого человечка взглядом.

— Через час за тобой зайду, — бросил он через плечо.

Эммет задержался в вестибюле. «Я свободен», — подумал он и оглянулся. Коридор и вправду пуст. В голове промелькнула мысль о побеге, но ему никуда не хотелось. Даже в этом просторном, открытом коридоре у него кружилась голова, будто нежданно свалилось слишком много свободы.

Доктор Франклин встал со стула и встретил

Эммета в дверях:

— Добро пожаловать, добро пожаловать.

Эммет тупо вперил в него взгляд. Он обдумывал, как будет оправдываться — он ведь поддержал Луизу на собрании. Но сейчас он не смог бы объяснить, каким образом он связан с остальными пациентами. Он сам не мог понять, отчего пошел за совершенно незнакомым человеком.

— Присаживайтесь, присаживайтесь, — сказал доктор Франклин, указывая на блестящее кресло красного дерева. — Ну как, привыкаете понемногу?

«Что я ему скажу?» — суматошно подумал Эммет. Он не представлял себе, как объяснить невероятное смятение последних месяцев — да хотя бы последнего часа — человеку, который сам такого не испытывал. Он мысленно увидел себя среди пациентов в коридоре. Изабель бьет его сумкой. Хуанита воет, прижимая к груди свой надувной мяч. Луиза на кровати какого-то общежития грызет разбитую лампочку, будто крендель. Явственно послышался голос Брюса, называющего его чужим именем.

Перед ним за столом сидел врач. «Как я смогу рассказать ему всю мою жизнь?» — думал Эммет, изучая широкий красно-коричневый галстук

доктора с прилипшей каплей сырого яйца посередине. Эммету в сто раз легче было с пациентами, чем с врачами. Эмили, Дафне и Луизе, даже Брюсу и Уинстону не нужно объяснять свое прошлое. Они считали его своим. Эммет не понимал, откуда между людьми появляется дистанция, независимо от их желания и намерений, и что за доверие притягивает его к тем, а не иным людям, встраивает их в его жизнь. Он знал одно: доктор Франклин никогда не был там, где был он сам, и вряд ли возможно хотя бы описать доктору все, что Эммет видел.

Доктор терпеливо улыбнулся ему, ожидая ответа.

— Хорошо, — вяло пробормотал Эммет, будто они сидели где-нибудь в клубе. — Все хорошо.

— Я рад. А как только мы назначим вам новое лечение, все пойдет еще лучше. Мы будем стараться, чтобы ваша жизнь постепенно входила в нормальное русло.

— В глазах… иногда у меня перед глазами двигаются предметы, которые не должны двигаться.

— Но, кроме этих предметов, ничего лишнего не появляется?

— Вроде бы нет, но откуда мне точно знать? Я хочу сказать, когда я их вижу, они там и есть. Для

меня, по крайней мере.

— Но вам надо учиться различать, согласны? Мне хотелось бы провести несколько тестов. Понять, как вы себя чувствуете в этом мире. Ничего сложного, все легко и просто, обычный разговор за жизнь, идет?

Эммет согласно кивнул. Он очень устал и надеялся, что угадает правильные ответы и его отпустят обратно в комнату.

— Назовите три штата на букву А.

Эммет представил себе карту, разложенную на столе, береговые линии и полуострова, раскрашенные желтым на фоне голубого бумажного моря. Он представил, как едет с Джонатаном и матерью в машине. У них была цель: путешествуя летом, касаться рукой границ каждого штата, словно это придавало смысл материным скитаниям. Они были везде, кроме двух штатов.

— Аляска, Алабама и Арканзас, — сказал Эммет, вспоминая, как мечтал когда-то совершить путешествие через ледники, к самому сердцу дикой Аляски.

— Отлично, — просиял доктор, будто Эммет сказал что-то гениальное. — А можете назвать имя нашего президента?

— Это каждый ребенок знает, — уклонился

Эммет. — Я з-з-знаю, где я живу. Моя проблема не в этом.

— Но мы должны быть уверены. Порой даже самые тяжелые пациенты умело маскируют свои расстройства обаянием.

Эммет представил себе Уинстона. Как он сегодня вечером выбирается из реабилитационного центра, жадно льет керосин из стеклянной бутылки и поджигает кончик длинной деревянной спички.

— Я знаю, — коротко ответил Эммет.

— Тогда двигаемся дальше? Сколько будет девять умножить на двадцать семь? Отвечайте побыстрей, не задумываясь.

Эммет в уме нарисовал цифры на доске столбиком: двадцать семь на девять. Получается три внизу, а шесть в уме, а дважды девять — восемнадцать и потом прибавляем шесть, то есть восемнадцать плюс шесть и три в конце.

Он не мог вывести окончательную цифру. Ему никогда не давалась математика, даже в самом здравом уме и трезвой памяти. Это семейное. А теперь вот его молчание используют, чтобы доказать его невменяемость.

— Число заканчивается тройкой.

— Хорошо. А начинается?

— Восемнадцать плюс шесть? — Эммет уже сомневался, что справится с простым сложением. — С-с-слушайте, я никогда не умел решать примеры. Думаю, это у нас генетическое. У меня плохо с п-п-пространственным мышлением. Нам в школе однажды дали тест с нарисованными квадратиками. Смотришь на них, и надо представить, как они будут выглядеть в собранном виде. У меня оказался самый низкий балл за всю историю штата. Учитель позвонил моей бабушке и сообщил ей, что я умственно о-о-отсталый.

Доктор снял очки и серьезно посмотрел на Эммета.

— Как это переживание повлияло на вас?

— Никак. Мы просто п-п-посмеялись. Моя бабушка ответила учителю: «Не говорите ему, что он отсталый. Может, он не заметит». — Эммет хмыкнул.

Помрачнев, доктор Франклин пометил что-то в блокноте.

— Хм, давайте еще кое-что попробуем. Возьмите этот лист с пятью незаконченными предложениями. Я буду открывать их по одному. Не раздумывайте. Просто запишите первое, что придет в голову.

Первое предложение было таким: «Моя мать-

_____».

«Что написать?» — заволновался Эммет, вспоминая, как Луиза советовала изобретать детали, чтобы сбить их со следа. Может, стоит написать «убийца» или «наркоманка», но Эммет не хотел очернять память о матери на бумаге, пусть и в шутку.

— Поторопитесь, не раздумывайте, — торопил доктор Франклин.

«Умерла», — написал Эммет.

Доктор подсунул ему другую полоску бумаги. Второе предложение гласило: «Мой отец_____».

«Умер», — не думая написал Эммет.

— Ну вот, так лучше, — буркнул доктор Франклин. — Идем дальше. — Он открыл следующую запись: «Мой брат_____».

«Может, для полноты картины тоже написать «умер»?» — размышлял Эммет. Но тогда доктор подумает, что он желает брату смерти или еще хуже — замышляет убить Джонатана.

— Не думайте, не думайте, — говорил доктор Франклин.

Красивый? Нет, тогда они решат, что Эммет ему завидует, а он никогда не завидовал. Эммету нравилось, как он сам выглядит, ему казалось, что его тело идеально соответствует его душе.

«Любитель кошек», — написал он, наконец.

— Лучше отвечать одним словом, — попенял доктор. — Нам не нужен рассказ, достаточно короткой ассоциации.

— Но это воспринимается как о-о-одно слово, — сказал Эммет, — это же единое целое.

— Ладно, ладно, но в следующий раз постарайтесь. — Доктор открыл четвертую полоску: «Я не_____».

«Любитель кошек?» — подумал Эммет и усмехнулся.

Доктор Франклин уставился на него в упор.

— Что-то смешное? Поделитесь. Запишите.

— Нет, нет, это личная шутка, она ничего не значит. На самом деле.

— Может, я пойму?

— Нет. Просто подумал о смешном, вчера кто-то сказал.

— Может, поделитесь?

— Да ничего особенного. Так как звучит предложение? — Эммет прочел вслух: — «Я не_____». — «Француз? — думал он. — Старый? Сумасшедший? Гурман? Смутьян?» В мире так много всего, чем он не является.

— Скорее, поторопитесь, вы жульничаете, — сказал доктор.

«Медсестра», — наконец вписал Эммет.

— Ну вот, другое дело. — Доктор картинным жестом достал последнюю полоску бумаги. Там стояло: «Я хочу быть_____».

Каким, кем же на самом деле? Каким Эммет хотел бы стать, если бы это было возможно. «Спокойным», — написал он, потому что в глубине души только этого и желал.

— Замечательно, — сказал доктор, собирая бумажки. — Мы поговорим о них чуть позже, а сейчас я хочу, чтобы вы внимательно посмотрели на эти картинки и сказали мне, что вы видите.

Он вынул из портфеля сложенный вдвое лист картона и открыл его, как поздравительную открытку. Там оказалась лужица фиолетовых чернил.

— Я не в-в-вижу ничего, кроме кляксы.

— Вы не стараетесь. Напрягите воображение. Думайте образами. Вам разве никогда в детстве не казалось, что облака в небе похожи на разных зверюшек?

— Нет, никогда. Мне казалось, это просто облака.

— Так постарайтесь. Очистите ум от посторонних мыслей. Что вы видите?

— Простите, — сказал Эммет через минуту. —

Но это похоже на чернила.

— Вы сопротивляетесь. — Доктор Франклин сверкнул глазами. — Нужно расслабиться. — Он открыл еще одну картинку. Там чернила растеклись округло и с одной стороны от центра отходили несколько тонких линий.

— Это может быть солнце, — сказал Эммет, — с лучами. Только фиолетовое.

— И с чем у вас это солнце ассоциируется?

— С жарой. С загаром. Я люблю загорать, но у меня сейчас эти, как их, ф-ф-фурункулы на плечах и еще морщины. Так что я стараюсь не загорать, но остановиться не могу. — Эммет откинулся в кресле в полном изнеможении.

— А вы ничего особенного не хотите рассказать мне про пляж?

— Кажется, нет. А должно быть что-то особенное?

Доктор Франклин резковато швырнул открытку на стол.

— Не верю, что вы стараетесь. Как можно так плоско относиться к жизни? Обычно люди чего только в этих пятнах не видят. Образы ярче снов.

— Простите, — покорно сказал Эммет. — Может, попробуем другую картинку?

Доктор Франклин перебрал несколько карточек

и победоносно протянул одну Эммету. Чернила тонкой струйкой растеклись вдоль трещины в картоне, а снизу болтался фиолетовый овал.

— Это в-в-воздушный шар падает. Лопнувший мяч. Голова в п-п-петле.

— Так что именно?

— Нужно выбрать? Да что угодно. — Эммет снова взгляделся в кляксу. — Ладно. Пусть г-г-голова в п-петле.

— Вам кажется, что это ваша голова в петле?

— Конечно, но вовсе не из-за картинок. Просто я это чувствую. Я сказал, что это голова, потому что, знаете, вчера эта Хуанита со своим младенцем, слышали? Только это не младенец был, на самом деле это был надувной мяч. Мне до сих пор грустно, потому что она-то верила, что это был настоящий младенец, и она очень расстроилась.

— Да, я слышал. Но не лучше ли вам подумать о том, как *вы* избегаете правды? Выздоровление требует усилий. Я за вас это сделать не смогу.

— Я попытаюсь, — сконфуженно проговорил Эммет. — Может, последнюю карточку попробовать? Вдруг получится?

Эммет закрыл глаза и постарался очистить ум, чтобы туда хлынули фиолетовые чернила. Он сосчитал до трех и посмотрел на картинку.

К его ужасу, там не было ничего, кроме бледных полупрозрачных пятен.

«Я здесь ничего не вижу», — запаниковал Эммет, пытаясь распознать образ. Он не притворялся. Ему хотелось бы сказать доктору Франклину что-то правдивое, такое, что удивило бы их обоих, но он ничего не видел, кроме нервно дрожащих клякс. Эти безличные кляксы задвигались по бумаге, как узоры на ковре его комнаты. Вспомнилось, как мать показывала ему созвездия. Она узнавала галактики легко, словно лица любимых, но, как она ни старалась, Эммет, с фальшивым энтузиазмом глядя на звезды, не видел ничего, кроме отдельных световых точек.

— Простите. Думаю, со мной что-то не в порядке. Это как те квадратики, которые я видел квадратиками, и все. Может, я и впрямь отсталый.

Эммет говорил так искренне, что доктор потянулся через стол и похлопал его по руке.

— Может быть, в следующий раз, — сказал он. — Когда вы будете поспокойнее.

— Да, — сказал Эммет, поднимаясь. — Да, когда я тут попривыкну.

— Вы спешите? — спросил доктор Франклин, вынимая полоски с ответами Эммета. — Мне хотелось бы обсудить то, что вы написали.

Эммет попытался восстановить свои ответы, чтобы подготовиться к обсуждению, но смог вспомнить только одно слово: «умер». Будто прочитав его мысли, доктор Франклин сказал:

— Ваши родители умерли. — Он говорил, будто готовил Эммета к дурным новостям.

Эммет заерзал на стуле.

— Ну и? — Нетерпеливым жестом доктор пригласил Эммета продолжить.

— У меня есть брат.

— И?

— И он жив.

— Я это понял, — огрызнулся доктор Франклин. — Вы к нему еще какие-нибудь чувства испытываете?

— Нет. То есть да, к-к-конечно. — Эммет дернулся и замер. Он знал, что любой ответ влияет на его будущее. Он понял, что не может, как Луиза, сочинять истории, которых никогда не было. Он не хотел, чтобы доктора что-то имели против него — хотя бы его ложь.

— Почему вы утверждаете, что вы не медсестра? — пролаял доктор Франклин, меняя тему.

— Это из одного стихотворения. Я его вспомнил, потому что я сейчас в б-б-больнице, и тут так много медсестер, а я не медсестра, понимаете?

— Да, — вяло произнес доктор Франклин.

Эммету показалось, что он проигрывает. Доктор ведь мог что угодно написать в своем заключении. Например, что Эммет симулянт, что он не заинтересован в выздоровлении.

Эммет вспомнил последний вопрос и, пытаясь хоть как-то умиротворить доктора, поднялся и взволнованно заговорил:

— Я знаю, что «спокойным» — это неточное слово, но вы же хотели одно слово, и я старался. Знаете, однажды я видел очень п-п-плохой фильм про Вьетнам, но там был один интересный момент, когда солдаты оказались в джунглях, и враг всюду в кустах поставил растяжки. Людям было страшно и шаг сделать, они все время боялись, что у них под ногами взорвется противопехотная мина. Становилось понятно, что, даже когда они в-в-вернутся с фронта и окажутся за миллионы километров от поля битвы, им все равно будет казаться, что кругом мины. В смысле, этот страх никуда не денется. И вот т-т-то же самое чувствую я. Я так нервничаю, как будто повсюду эти ловушки из проволоки.

Доктор Франклин облизал палец и приладил клок волос к лысине. Он старался сохранить бесстрастное выражение лица, но Эммет видел,

как расширились его зрачки, будто в уме он уже готовил ответ. Доктор щелкнул замками своего кейса, кончиками пальцев уперся в край стола и улыбнулся, показывая, что сеанс закончен. Эммет разволновался, что врач теперь уйдет, не сказав больше ни слова. Несмотря на сложные уловки, к которым Эммет всегда прибегал, чтобы уберечь часть своей личной жизни от посторонних глаз, он все еще верил, что доктора обладают некоей магией. Эммет надеялся, что, как только он будет способен понять, они объяснят ему, почему он так живет. Он очень хотел верить, что во время сеансов они научатся языку, который его освободит.

Эммет широко улыбнулся доктору Франклину, стыдясь, что лицо сияет, будто у ребенка, до сих пор уверенного, что родители неуязвимы.

— Вы мне поможете? — спросил он. — Я не хочу т-т-так больше жить.

Уже произнося эти слова, Эммет чувствовал, как последняя надежда покидает его. Он вспомнил пациентов отделения. Услышал их вой и стоны. Увидел, как они спотыкаются и пускают слюни. Он верил, что эти люди созданы такими, их уже не вылечить. И он — он ведь тоже поминутно дергается и теряет голову. «Как я мог рассчитывать, что чем-то от них отличаюсь?»

— подумал он. Нет, ему уже не переучиться.

— Вам когда-нибудь в-в-встречались те, к-к-кто выздоравливал? В смысле, людям становится лучше? — спросил Эммет. Ему странно было осознавать, что он умоляет о спасении человека, которому в нормальной жизни ни за что бы не доверился. Быть может, после всего, что доктору приходится выслушивать каждый день, в глубине души у него шевелится страх, и доктор боится, как бы жизнь его не стало иной, не той, о которой он мечтал?

Доктор, задумавшись, прикусил нижнюю губу, словно затягивался трубкой. Эммет через стол телепатировал ему, мысленно умолял сказать правду.

— Я не знаю, — сказал доктор Франклин. — Иногда люди удивляют, но я давно перестал строить догадки насчет того, кто победит, а кто нет. Многое зависит от везения. И от того, что вы способны забыть.

— Но это ведь не что-то одно. Это чувство появляется, даже если ничего особенного не происходит, как в этом кино. Когда-то проволока существовала. А потом они уже не могли выбросить из головы все, что пережили в джунглях. И воспоминание переросло в нечто другое, и

оно преследовало их изо дня в день. Разве такое можно забыть? Фильм-то был дешевый, п-п-плохой, поймите меня правильно, мне только этот эпизод понравился. Как что-то может быть одновременно везде и нигде. Этого я и боюсь. Все эти невидимые вещи донимают тебя. Они живут с тобой, словно кошмар. Как можно забыть то, что постоянно с тобой?

— Я не знаю, — сказал доктор Франклин. — Но, вероятно, подобное ощущение может исчезнуть. Может быть, лишиться его — еще не значит излечиться, но эти ощущения, они иногда исчезают.

— А вы такое видели? Вы знаете кого-нибудь, кто справился? Как можно забыть кошмар?

— Я не знаю, — промямлил доктор Франклин. — Можно научиться строить защиту. С этим я часто встречался…

— Приведите пример, — потребовал Эммет. — Как их зовут? Как они это сделали? Как им удалось забыть кошмар?

9

— Что же вы не сказали, что ждете гостей? — спросила медсестра. — К вам брат пришел.

Эммет уже две недели не отвечал на телефонные звонки Джонатана. Он настоял, чтобы в его личной карте появилась запись «никаких посетителей». Эммету не хотелось напоминаний о прошлой жизни. Однако врачи в любое время впускали родственников. От них так просто не отделаешься.

— Вы, конечно, не можете сказать ему, что я ушел? — спросил Эммет.

— Куда это вы уйдете? — сурово ответила медсестра, выходя из комнаты.

Эммет пошел за ней следом в коридор. Джонатан сидел на оранжевом диване, без носков, косточка на лодыжке терлась о подворот его джинсов.

Всякий раз, затягиваясь сигаретой, Джонатан мотал головой, отбрасывая прядь со лба. Подле него суетилась Изабелла, перепроверяя содержимое своей сумочки. Она вытащила атласный ободок для волос, ярко-красную помаду, столовую ложку и карандаш для бровей, демонстрируя

Джонатану свое богатство: «Видал?»

Из угла Эммет смотрел, как брат внимательно изучает эти предметы, словно готовясь восхититься их неожиданным качеством. Но Изабелла все перебирала свое барахло, не переставая восклицать своеобычным повелительным тоном: «Видал! Видал! Видал!» Лицо Джонатана помрачнело. Он уже не поднимал на нее глаз.

— Джонатан! Это ты там? — позвал Эммет, остановившись в десяти шагах от него. Он скорчил приветливую гримасу, делая вид, что рад его видеть.

— Ох-ох-ох! — завизжала Изабелла, услышав Эммета, и крепче прижала свое добро к груди. — Мои вещи! — заверещала она, обращаясь к Джонатану. — Мои вещи! Пойдем, пойдем, нужно прятаться. Он хулиган! — Она прижалась к Джонатану, выкрикивая: — Помоги мне! Помоги!

Джонатан инстинктивно положил руку на ее тощие плечи. Эммет заметил, как брат побледнел, отстраняясь от испуганной женщины и видя Эммета, который шагал ему навстречу, — черная одежда болтается на худом теле. «Он решил, что я ее мучил, — подумал Эммет. — Представляет, какие зверства я могу учинить».

Изабелла сунула два пальца в рот и яростно

засвистела. Джонатан зажал уши руками. Изабелла свистнула еще раз, по ее руке текла струйка слюны.

— Неужели это ты? — недоверчиво воскликнул Эммет, перекрикивая свист, с таким видом, будто не видел брата сто лет. Он остановился рядом, а Джонатан встал с дивана, осторожно отодвигаясь от Изабеллы.

— Значит, ты с ним заодно! — выкрикнула она, увидев, как братья легонько пожали друг другу руки. Она вновь свистнула, и они мгновенно отдернули руки, будто их застигли при передаче секретных документов.

— Ох-ох-ох, — подвывала Изабелла, обращаясь к другим пациентам, которые уже столпились у дивана и с любопытством заглядывали Джонатану в лицо, поглаживали его стильную одежду. Они приставали к нему без стыда, как к любому новому человеку, заходящему в клинику.

— Ей к-к-кажется, что все кругом хотят ее обворовать, — сказал Эммет, когда Изабелла смешалась с толпой в больничных одеждах.

— Да уж, это видно.

— Она одна из с-с-сумасшедших, — пояснил Эммет. Пациенты придвигались ближе. Он ощущал их кислое дыхание; влажный воздух, почти пар,

исходящий от тел и спутанных волос, касался его кожи. Дотронувшись до Джонатанова льняного пиджака, Эммет впервые почувствовал, какой тяжелый в клинике дух; его как будто накачивали из вентиляционных отверстий в потолке и в полу. Так, должно быть, пахнут разлагающиеся тела. Он убрал прядь волос, свисающую на бровь. Разгладил на животе топорщившуюся футболку. Огляделся, проверив, нет ли поблизости кого знакомого, Луизы или Эмили, которые обратились бы к нему по имени.

К Джонатану подрулила женщина в шелковых малиновых шароварах и черных туфлях-лодочках. На блузке в горошек вместо оторванных пуговиц торчали белые нитки, а складки ткани были сколоты посередине скрепкой, продетой в петлю. Эммет не знал, как женщину зовут. Пациенты в отделении так часто менялись, что он чувствовал себя уже почти ветераном. От явных безумцев он держался подальше, словно они неприкасаемые.

— Хочешь позвонить моей маме и попросить ее выгулять собаку? — спросила женщина. Она сунула палец в аккуратный карман Джонатановых брюк. — А у тебя нету четвертака? А десятицентовых?

Джонатан отступил, освобождаясь от ее руки, и протянул ей монету.

— Это же десять центов! — зарычала она. — Как я с этим позвоню? Ты что, не понимаешь разницы между четвертаком и десятицентовой, ублюдок тормознутый! Давай, быстро звони моей маме и проси ее выгулять собаку. Говори с ней вежливо. Тогда она, может, тебя поимеет.

Джонатан терпеливо улыбнулся и сунул руки в карманы. Он отвернулся к двум другим пациентам, играющим в пул. Всякий раз, когда одному удавалось закатить шарик в лузу, он яростно вминал свою палку глубоко в бархат так, что она доставала до деревянной доски и скрипела.

— Позвони ей, позвони ей, позвони ей! — загудела женщина. Она затопала каблуками по линолеуму, затрясла густыми патлами и вцепилась ногтями себе в грудь, там, где сердце. Она всю себя вкладывала в эти два слова, будто пела блюз: — Позвони ей, позвони ей, позвони ей! Все, что мне нужно, — это четвертак. Вот подожди, окажешься на улице! Сразу перестанешь быть таким симпатягой. Ну, как же нету четвертака! Ну, красавчик, красавчик, красавчик, пожалуйста…

— Может, пойдем куда-нибудь? — спросил Джонатан. Он посмотрел поверх головы женщины,

будто она была невидимой, и заговорщически поднял бровь, взглянув на Эммета.

— Позвони ей, позвони ей, позвони ей! — продолжала вопить женщина. — Позвони моей матери! — Она взяла Джонатана за руку, будто приглашая на танец. Он высвободился одним движением и легко подтолкнул Эммета, уводя его в противоположном направлении.

— Ну вот, — сказал Джонатан, когда они оставили больных позади.

— Ну вот, — повторил за ним Эммет. Он услышал, как за стенами изолятора истерично хохочет Хуанита и барабанит кулаками в деревянную дверь. Сейчас туда придут санитары, чтобы ее утихомирить. Они откроют внешнюю дверь, и крики станут еще отчетливее. Эммету хотелось поскорее увезти Джонатана подальше, чтобы он не успел вникнуть в смысл ее слов.

Он побоялся приглашать брата в свою комнату. Там дремлет Брюс — если проснется, начнет делиться с Джонатаном своими фантастическими идеями. Эммет боялся наговоров, словно даже в отделении для душевнобольных все еще надеялся, что брат не верит в его ненормальность.

«Продолжай говорить», — приказал он себе, стараясь заглушить хохот. Эммет воссоздавал

в воображении планировку отделения, прикидывая, куда бы им пойти. Он махнул рукой в направлении комнаты отдыха, где в углу стояли два стула.

— Вот… — Эммет покраснел, заметив пришпиленную к стене над стульями серию новых картин, нарисованных пальцами. На каждой присутствовали пятна, напоминающие кровь. — Вот… — сказал он, разворачивая Джонатана к медицинскому посту. Из-за угла в коляске вырулил старина Генри и направился прямо на них: руки привязаны к подлокотникам кресла целыми километрами бинта, вокруг глаз черные круги, точно пятна расплывшейся грязи.

На каждом шагу им встречался очередной ужас. «Я обедаю рядом с человеком, который регулярно выковыривает себе глаза. Возможно ли кому-нибудь такое объяснить?» — думал Эммет. До прихода Джонатана Генри не казался столь гротескно кошмарным. Эммет воспринимал его как человека с дурной привычкой, от которой не избавишься. А сейчас Генри казался больным чудовищем, на которого и смотреть-то небезопасно.

— Сюда, — виновато сказал Эммет. «Что же он подумает, если я расскажу, как пытался убить

кота?» Сейчас Джонатан, возможно, еще не верит до конца, что брат так сильно от него отличается. Но Эммет понятия не имеет, какая жизнь течет за ширмой Джонатановой безмятежности. Что, если, оставаясь один, он тоже совершает всевозможные преступления, но просто не переживает из-за них так, как Эммет?

Эммет открыл дверь в комнату творчества и включил свет. На узких складных столиках были выставлены разнообразные фигурки из глины, покрытые следами от пальцев. Лошади и собаки, утки и кролики, в середине лежала змея, обвившаяся вокруг ноги толстой глиняной птицы. Звери были раскрашены в кричащие цвета: ярко-розовый, охру, лиловый, синий.

— Целый зоопарк! — сказал Джонатан, показывая на зеленую корову.

— Как поживает собака?

— Не ест ничего. Скучает по тебе. Я принес фотографию. — На фотографии собака лежала на полу и страдальческими глазами смотрела в объектив. — Хандрит, будто у нее сердце разбито, — сказал Джонатан. — Хочет, чтобы ты вернулся домой.

— Как она может скучать, когда ей у меня было так плохо? У тебя-то она, по крайней мере, живет

нормальной жизнью.

— Она же любит тебя. Привыкла к тебе.

Та жизнь показалась Эммету совсем далекой. Судя по снимку, собака похудела фунтов на десять с тех пор, как Эммет попал сюда. Теперь она такая же худая, как он. «Она становится легче», — с гордостью подумал Эммет, а брату сказал:

— Нет, обратной дороги нет.

— Однажды тебе придется вернуться. Так не может бесконечно продолжаться.

— Не может. — Эммет обхватил себя руками, словно кутаясь в стены, как в одеяла. Он бы никому, даже собственному брату не признался, что в глубине души считает больницу лучшим местом из всех, где когда-либо жил. Эммет легко мог представить себе, что живет здесь вечно, полностью отдавшись рутинному распорядку. Он мог бы десятилетиями находиться в этих стенах. Он чувствовал себя здесь, как в подземном бомбоубежище, когда рассматривал свой настоящий дом в телескоп. Когда он под особым углом смотрел в больничное окно, то решетки чем-то походили на сетку, начерченную на линзах телескопа в бункере.

— Тебя выселили из квартиры, — сказал Джонатан. — Я пытался их остановить, но не смог.

Кажется, домовладелец тебя ненавидит.

— Хорошо, — отозвался Эммет. Он еле сдержал невольную улыбку, вот-вот готовую озарить его бесстрастное лицо. «Тем более, значит, другого места, кроме этого, нет, — с удовольствием подумал он. Эммет постарался, чтобы его взгляд заволокло дымкой — пусть брат поверит, что Эммет переживает насчет квартиры. Однако сам он чувствовал облегчение, представляя себе квартиру пустой или, может, уже заполненной чужими вещами. — Все равно, это мертвое место», — вздохнул он про себя, надеясь, что все проблемы наконец, отступили.

— Не беспокойся. Вы с собакой можете жить у меня, пока не найдешь новое жилье. — Джонатан закурил и задумчиво подержал в пальцах дымящуюся спичку.

Эммет снял с полки красный глиняный сосуд. Одна сторона высотой дюйма три, другая на дюйм ниже — так криво обычно лепят дети.

— Смотри.

— Вот это мастер! — сказал Джонатан, стряхивая пепел.

— Он мой друг, — буркнул Эммет, вспомнив мальчика, который сидел за гончарным кругом.

— Прости.

Эммет знал, кто какую фигурку сделал. Он ни за что не сказал бы Джонатану, что глянцевая оранжевая собака — его собственное творение. Даже Луиза с Эмили не знали, что Эммет в последнее время зачастил в комнату творчества. Он ходил туда по утрам, когда все еще спали.

«Зачем он пришел?» — подумал Эммет, наблюдая за братом, который то так, то эдак скрещивал ноги. Джонатан перебирал глиняных животных и притворялся, что его интересует их дизайн. Он глубоко вдыхал дым сигареты, наполняя легкие до отказа, потом выпускал его короткими громкими выдохами, словно желая заполнить этими звуками тишину.

За долгую жизнь Эммет научился толковать жесты и молчание брата. Он знал: брат всегда помогал ему с условием, что Эммет не будет пытаться проникнуть в его жизнь, ту жизнь, которую Джонатан прятал глубоко в себе. Эммет часто удивлялся, как прочно они связаны друг с другом, а ведь связь эта основывалась на невысказанном. Но все же, когда они оказывались рядом, Эммету казалось, что он очутился в поле чужой энергии. Словно два магнита притягиваются друг к другу, не оставляя между собой ни миллиметра пространства. В детстве Эммет часто требовал от

брата того, что никогда не попросил бы у друга. Джонатан не жаловался. И хотя Эммет знал, что брат готов ради него поехать хоть в африканские дебри, все равно чувствовал неудовлетворенность после каждой их встречи.

Присутствие Джонатана уверяло Эммета: «Мы оба там были». Всю жизнь они постоянно возвращались друг к другу. Они сделали общее прошлое чем-то осязаемым, как живое тело. И тем не менее прошлое ускользало от Эммета, как дым, пойманный в сеть. Его очень рано стало пугать молчание брата; казалось, заговорив, тот мог вызвать катастрофу, что сокрушит все, чем они оба стали.

«Но я и так уже ничто, — подумал Эммет, — куда уж дальше».

Ему хотелось спросить, что Джонатан помнит. Не для того, чтобы анализировать прошлое, Эммету лишь хотелось точно знать, как все было. Сначала четверо, потом трое, теперь только двое: скоро свидетелей не останется. Семейная амнезия заставляла его думать, что почти все воспоминания он выдумал сам. Эммет ощущал себя бесформенным, словно каким-то чудом подпрыгнул и с тех пор висит в воздухе без всякой опоры.

В этой мастерской, где, кроме них, не было ни

души, Эммет мог спросить брата о чем угодно. Кажется, Джонатан это почувствовал: кожа напряглась на скулах, а глаза бегали по комнате. Брат словно выискивал в ней тему для разговора. Эммет загнал его в угол здесь, в этой комнате на седьмом этаже. Там, на своей территории, в обычном мире, Джонатан умел ускользать. Эммету всегда хотелось изменить правила, чтобы бесплодность разговоров перестала на него давить. И вот настал момент, когда можно высказать самое сокровенное. Если он упустит этот момент, возможно, шанса больше не представится.

«Что же выбрать?» Эммет спешно попытался прокрутить в голове их жизнь, как она проходит перед глазами у тонущих людей, он об этом слыхал.

Он увидел красную спортивную машину. Автостраду в снегу. Кровать с грудами белоснежных подушек, лишь звездные узоры кружев нарушают их белизну. Луну в дымке, заглядывающую в ветровое окно. Он услышал, как что-то металлическое постукивает об асфальт — это отец меняет автомобильную покрышку. Он увидел, как бабушка в помятом халате в розовый цветочек входит в комнату, где он дремлет больной. Она садится на край кровати и прислушивается:

хочет убедиться, что он дышит. Он увидел материну шляпку, с полями тонкими и прозрачными, словно крылышки насекомого, парящую в воздухе за окном отеля. Кадры мелькали в голове без остановки, сливаясь, точно души умерших, вдруг решивших вернуться.

Эммет перебрал животных на столе и отыскал длинношеее существо на четырех коротких кривых ножках.

— Как думаешь, что это за зверь? — спросил он, взяв фигурку в руки так неловко, что у нее треснул хвост.

Джонатан рассмотрел зверя почти благоговейно. Казалось, он боялся повторить свою ошибку с пепельницей.

— Не знаю даже. А кто это? Змея с ногами?

— Это динозавр. Его сделал мой сосед по комнате. Он на них помешан. У него даже трусы в динозаврах.

— Да. Динозавр очень правдоподобный.

— Помнишь, как ты их боялся? Динозавров?

— Нет… Но я помню, что любил коров. Непонятно почему.

— Помнишь, как мама привезла тебе пластмассового динозавра? Тебе тогда было два года.

— Нет. Я так рано себя вообще не помню.

— А я помню, — уверенно сказал Эммет. Он закрыл глаза и попытался представить, как выглядит глиняное существо, которое он держал в руке. Эммет заговорил, задумчиво водя оторванным кусочком хвоста динозавра по ладони и суставам пальцев, будто перебирая четки. Он боялся поднять глаза на брата и прочесть в них неодобрение.

— Нас оставили у бабушки на лето, но в июне мать неожиданно вернулась. Привезла нам подарки. Я получил модель бомбардировщика, но она забыла купить клей, крылья и другие детали так и валялись на ковре. Она протянула тебе бумажный пакет с кольцом. У тебя тогда были такие маленькие руки, особенно ноготки — почти микроскопические. Настоящие малышовые руки. Они скребли бумагу, но никак не могли справиться с кольцом. Я помог разорвать пакет, и мы одновременно увидели игрушку. У динозавра была бугристая чешуя и острые белые зубы со следами крови, будто он только что кого-то съел. Я попробовал запихнуть его обратно в пакет, но мама потрясла им прямо у тебя перед лицом: «Мой хороший, возьми его. Он твой». Ты закричал так, будто динозавр был живой и сейчас тебя укусит, а мать все повторяла: «Возьми его, он твой!»,

пока ты не убежал наверх, в свою комнату.

— Ты мне об этом уже рассказывал, — сказал Джонатан. Он подошел к раковине глотнуть воды из крана, но вода выстрелила и брызнула ему в глаза, прямо в контактные линзы. — Черт, — выругался Джонатан и потер под веком, пошире открыв глаз и вращая глазным яблоком. Эммет увидел его глаз без зрачка, весь в злобных красных капиллярах.

Эммет невозмутимо заморгал. Он чувствовал, как его собственные глаза намокли и легко скользят в глазницах. Он растер в ладонях кусочек глины.

— Как ты мог забыть? — прошептал Эммет. — Она посмотрела на бабушку, словно хотела сказать: «Что ты с ними делала, пока меня не было?» Ей так хотелось верить, что, уезжая, она оставила бабушке идеальных детей… И тут вдруг ты вбежал в комнату с каким-то доисторическим фотоаппаратом. И где ты его только откопал. Не знаю даже, как ты догадался, что это фотоаппарат. Ты подтащил его ко мне, повернул к динозавру и сказал: «Снимай». Я попытался, но фотоаппарат был слишком тяжелый, я не мог его навести на динозавра, а ты все кричал: «Снимай! Снимай!», как будто умолял меня убить его. Мать

убежала в столовую, как будто мы испортили ей возвращение домой. Позже бабушка все-таки сфотографировала динозавра. Такой был аппарат, снимок сразу выполз. Ты забрал фотографию с собой в постель и еще долго носил ее в кармане, и она совсем помялась, а потом твои шорты постирали в прачечной вместе со снимком. Вынув размягченные кусочки бумаги из кармана, ты заплакал. Как будто без фотографии ты опять почувствовал себя во власти этого чудовища.

Джонатан непроизвольно съежился; ему претила мысль о том, что Эммет так живо помнит время, когда он был таким маленьким и беззащитным.

— Да, да, ты уже рассказывал это раньше, но сам я этого не помню.

— А я помню. Но ведь это случилось с тобой, а не со мной. Я будто украл твое воспоминание.

— Что ж, у нас ведь общая жизнь, так или иначе. — Джонатан открыл ящик с кисточками, мелками и баночками, в ярких пятнах краски. Встряхнул его.

— Ну, расскажи, чем вы тут целыми днями занимаетесь?

— Встречи. Встречи в основном, — сдался Эммет.

— Ты стал лучше говорить. Я рад. Ты поправляешься.

— Нет, нет, не п-п-поправляюсь. Просто воспоминания меня унесли, я забылся.

— Это только начало. Ты должен быть доволен.

— Н-н-нет. Я не этого хочу.

Жизнь Эммета превратилась в такую путаницу что, несмотря на случившееся, он не мог объяснить, отчего ему здесь хорошо. Однажды, когда они с бабушкой проводили отпуск в Невисе, он всю ночь пролежал без сна на гигантской кровати, обвитой москитной сеткой, и жужжал от удовольствия, наблюдая за насекомыми, которые вились вокруг, но не могли пробраться сквозь завесу. Он и теперь чувствовал тот ветерок из окна, легонько холодящий кожу. Такая ночь у него была лишь одна. Тысячи других сливались в одну, бессвязно, безо всякого ритма. Чем дольше Эммет жил, тем сильнее они давили на него и в конце концов заполонили собой его сознание, бесполезные, как коллекция марок.

Эммету хотелось от них избавиться; но, умирая, они околдовывали его, будто, где бы он ни жил, вокруг толпились призраки. Они находили его всюду страшным молочно-белым воздухом вползали в замочные скважины, в щели дверей

и окон. Эммет видел, как они сгущались в туман, когда он вечером глядел в окно, они клубились паром, когда он дышал на морозе.

Эммет не помнил, как это было раньше. Быть может, оставленное матерью наследство постепенно заволакивало все, на что бы он ни посмотрел. Словно за его жизнью кто-то наблюдал, стоя за окном отеля на карнизе. Это его пристрастие все документировать — все эти заметки и фотографии, развешенные в спальне, газеты, пленки с телефонными разговорами, грудами сваленные в шкафу, — возможно, все это произрастало из одного-единственного желания: убедиться, удостовериться в том, что события действительно произошли. Эммету требовалось увидеть все это со стороны, чтобы поверить: мир действительно существует, и не только в его воображений.

«Как еще я узнаю, когда вру, а когда нет? — думал Эммет. — Как еще мне проверить?»

Он посмотрел на Джонатана, застывшего, будто одна из глиняных игрушек. Эммет подыскивал слова, чтобы выразить свою надежду: они вдвоем могли бы стать одним сосудом, через который вновь заговорила бы умершая. Одному Эммету такая задача не под силу.

Он призвал всю свою отвагу, чтобы задать брату

единственный вопрос, ответ на который жаждал получить сильнее всего:

— Так, значит, иногда… я хочу сказать, ты когда-нибудь задумывался, каково это — выброситься из окна?

Этот вопрос выразил все: падающую мать, глаза раскрыты от ужаса или инстинктивно зажмурены. Ее тело, распластанное на земле, или разбитое, или раскатанное, словно тряпка на полу. Но еще этот вопрос означал: «Разве она выбросилась бы, если б не ненавидела нас?»

Джонатан молчал. Глядя на его лицо, Эммет не мог угадать: то ли брат тщательно взвешивает ответ, то ли собирается бежать. Эммету хотелось сказать: нас никто не услышит. Хотелось попросить брата: представь, будто мы в падающем самолете и нам обоим нечего терять. Однако Эммет уже не чувствовал в себе сил говорить такое, слишком он был смущен и подавлен.

Джонатан наклонился совсем близко к его лицу и сказал спокойно, без раздражения:

— Меня не волнует то, что сводит тебя с ума. Прости, но такие размышления — не мой путь. И тебе лучше бы перестать думать, будто это что-то значит. Я давно это понял, а ты все никак не поймешь.

Эммет вдруг очень явственно увидел, как прижимает брата к сугробу на склоне заснеженной горы. Картинка такая яркая, словно они никуда и не уходили с того склона. Неужели Джонатан, глядя на себя в зеркало, никогда не вспоминает подобные вещи? Ну а если бы Джонатан сказал: «Да»? Если бы он сказал, что тоже не может похоронить прошлое и оно ослепляет его, не дает разглядеть дорогу вперед? Неужели его признание что-то изменило бы?

Эммет не знал, что значит помнить. Прошлое держало его в ловушке, но в то же время являлось для него фундаментом, придавало ему хоть какой-то вес. Годами он жаждал проникнуть в бесстрастную, почти стоическую невозмутимость брата, но сейчас ему казалось, что их разделяет не стол с глиняными фигурками, а многие акры полей с коровами.

— Но я хочу, чтобы это что-то значило. Мне недостаточно жить, как ты живешь, — сказал он.

Джонатан пожал плечами и провел рукой по столу. Оранжевая пыль пристала к ладони. Джонатан посмотрел на нее и еле сдержался, чтобы не вытереть о брюки. Прошел к раковине и изящно подставил пальцы под кран, потянулся к бумажным полотенцам, но в держателе их уже

не было.

— Испачкался, — сказал он.

— Держи. — Эммет выпростал заправленную в брюки черную выцветшую рубашку и протянул брату подол. Джонатан слегка помедлил, потом вытер пальцы.

— Спасибо, — смущенно сказал он. Эммет вежливо кивнул.

— Спаси меня, — невнятно пробормотал он слова, которые столько раз беззвучно твердил в телефон среди ночи.

— Что?

— Ничего. Я говорю: спокойно здесь.

— Да… да… ну что ж. — Джонатан посмотрел на часы и поправил блейзер, словно готовясь выйти на улицу, перейти на другую сторону жизни. Одной рукой он открыл дверь, другой похлопал Эммета по рубашке. Слегка скривился, нащупав торчащие кости на груди брата. Влажная ладонь оставила в середине пятно, словно клеймо или аппликацию.

Провожая Джонатана, Эммет прикрывал пятно рукой. По сравнению с отпечатком ладони брата его пальцы казались совсем маленькими, меньше, чем у ребенка, совсем не похожими на человеческие, пальцы крючковатые и сухие,

как у мумии. Пока Эммет зачарованно глядел на собственную руку, Джонатан ушел далеко вперед по коридору, так ловко лавируя, что Эммету пришлось ускорить шаг, чтобы догнать его и в то же время не бежать за ним у всех на глазах.

Часть третья
ЯРМАРКА

Встречаясь с проявлениями силы, человеческая душа постоянно изменяется, ослепленная явлениями, с которыми она считает себя способной справиться, или склоняясь под воздействием собственных переживаний… Настоящая сила преобразует любого, кто попадает под ее влияние. Но если испытать ее на полную мощь, она сделает из человека ничто в самом прямом смысле слова, то есть труп… То, что убивает немедля, это элементарная, грубая форма силы. Но насколько разнообразнее и удивительнее другая ее форма, что губит не до конца или не сразу. Она либо убьет непременно, либо наверняка, либо грозно нависнет над тем, кого в любой момент может уничтожить. И это превращает человека в камень.

Симона Вайль.
«Илиада, Поэма Силы»

1

— Псст.

Эммету снился сон: он был скаковой лошадью и мчался на ипподроме рядом с другими породистыми скакунами в ярких шелковых попонах: красной, желтой и голубой. Шелк сиял на солнце, как серебро. Эммет не мог отвести взгляда от дороги. На его твердом кожаном седле сидело чье-то тело, кто-то сжимал его бока ногами и влажно дышал ему в ухо: «Псст, псст», — и копыта стучали по земле, ноги — сплошное громыхание костей. В облаке пыли, подгоняемый настойчивым «псст», он несся так, будто его преследовала мощная струя горячего пара, бьющая из земли и готовая вот-вот настигнуть и ошпарить.

— Псст.

Эммет почувствовал, как кто-то под одеялом теребит его за ногу. Он открыл глаза. Чья-то рука гладила его голую ступню. «Может, я еще сплю?» — подумал Эммет и попытался рассмотреть очертания комнаты. Он увидел окно в грязных разводах, дневной свет, стол и выдвинутый ящик тумбочки, из которого кляпом торчало Брюсово белье.

— Псст, — раздалось у Эммета в ногах. Затем требовательнее: — Джон? Я тебя побеспокоил?

Эммет громко вздохнул и перевернулся на бок, делая вид, что сон еще не отпустил его. Но Брюс пощекотал стопу в самом уязвимом месте, и Эммет беспомощно скорчился.

— Псст. Просыпайся, Джон. Пора вставать.

Эммет поднял голову с подушки. От Брюса пахло сладкой гнилью. Эммет прожил с ним в одной комнате три месяца. Он ни с кем еще не жил рядом так долго, кроме родственников. Этого хватило, чтобы изучить повадки Брюса и распознать перемены. С некоторых пор Брюс перестал мыться. Он неделями носил одну и ту же одежду. Даже его любимое призовое белье валялось на полу, потемневшее и задубевшее. Речь Брюса становилась все бесцветнее и настойчивее, она походила на ритмичный бубнеж людей, говорящих по-китайски. Все свободное время он проводил в неглиже, беспрестанно почесывая волосы на ляжках, задумчиво, как некоторые чешут в затылке.

Впервые раздевшись перед Эмметом, Брюс гордо выпятил грудь и продемонстрировал свои наколки. Два серых тельца дельфина замерли, перепрыгивая через багрянистые соски.

— Мои рыбки, — ласково заявил Брюс, тыча пальцем в их плавники, бледные брюшки и разноцветные глаза. Его живот нависал над брюками, дряблый и волосатый, но кожа вокруг татуировок была тщательно выбрита, каждая деталь рисунка была отчетливо видна.

— Ты не представляешь, каких мучений мне стоило превратить мою грудь в живую фреску, — добавил он, поглаживая мордочки дельфинов.

Каждый день за обедом Брюс осаждал свою мать изнурительными телефонными разговорами тет-а-тет, всякий раз говоря от имени разных маньяков-убийц. А вечерами он писал письма губернатору на тонкой крапчатой пергаментной бумаге. Он давал советы, высказывал соображения, подавал прошения об освобождении преступников, которые, как ему казалось, слишком долго томятся в неволе. Брюс зачитывал эти письма Эммету вслух. Они были продуманными и красноречивыми, ничем не напоминали Брюсову манеру общаться. Если бы Эммет не знал Брюса лично, письма его бы убеждали. Правда, их было слишком много.

Порой неделями все шло гладко. Брюс был увлечен своими проектами. Но не успевал Эммет порадоваться, что Брюс перестал принимать его

за другого, как тот с новой силой принимался мучить Эммета бесконечными допросами.

Стоило Эммету появиться в коридоре, Брюс цеплялся к нему, как попрошайка. На каждом собрании он подсаживался к Эммету поближе и нашептывал ему в ухо. Он становился рядом у писсуара, запускал руку в карман брюк и поигрывал пенисом, словно кучкой мелочи. За обедом он громко умолял дать ему автограф, и теперь некоторые пациенты аплодировали, как только Эммет садился есть. В комнате творчества Брюс лепил пепельницы, мисочки, кружки, вазы, солонки, неуклюже перевязывал их бумажными лентами и торжественно вручал Эммету. Нередко он возлежал на кровати, призывно расставив ноги, лукаво поглядывал на Эммета и шептал: «А может, ты секса хочешь? Иди ко мне».

Он смотрел на спящего Эммета, и тому приходилось часами лежать без сна, застыв, слыша даже, как Брюс моргает на соседней кровати. Эта бдительность так изнуряла Эммета, что он нередко засыпал днем, когда Брюса вызывали к доктору, и он оставлял наконец свою жертву в покое.

У Эммета больше не было своей жизни. Общаясь с врачами, он говорил только о Брюсе, о Брюсе и о Брюсе, словно знал его всю жизнь, словно Брюс

виновен во всех его мучениях. Каждую секунду, даже прячась в самом темном углу, съежившись в кресле так, чтобы не было видно ни рук, ни ног, и глядя в стену, Эммет психовал: «Это он идет? Он уже близко?» Брюс его словно заколдовал. В конце концов, доктора обратили это против Эммета, они без конца спрашивали: «Почему он так тебя беспокоит? Какое тебе до него дело?»

Медсестры, находя Эммета, когда тот прятался, пеняли ему, что он регрессирует. Они интересовались, почему к нему больше не приходит брат, почему он почти не ест, словно голодом себя морит, хотя он уже ел. Его спрашивали, почему он так нервно ходит, как вор, постоянно оглядываясь. Им казалось, Эммет чувствует себя виноватым, и они спрашивали: «Что ты с ним сделал?» Ведь на людях Брюс всячески выказывал Эммету заботу и внимание, делая вид, что только ему и доверяет, а Эммет на его фоне казался холодным и скрытным нелюдимом. Даже когда Брюс напевал Эммету свои песенки, пока Эммет не заучивал их наизусть, на что прежде не был способен, со стороны это выглядело так, словно Брюс всего-навсего развлекает друга забавными серенадами.

Эммет стал угрюмым и запуганным. «Неужели

начинается то же, что с котом?» — волновался он, слабея от ненависти и сомнений. На фоне Эммета все остальные пациенты здоровели и цвели. Даже Хуанита стала рассудительнее. Ей теперь чрезвычайно шли ее платья. Солнца из помады на щеках стали ровными и изящными — уже не тревожный симптом, а часть стиля.

Пациенты обожали Брюса. Все истово мечтали завоевать его расположение. Когда медперсонал уходил на пересменку, Брюс пользовался отсутствием надзирателей и вдохновенно вещал в комнате для отдыха, с группкой последователей у ног.

— Все есть магия! — выкрикивал он и подтверждал это примерами из своей медитативной практики: как он легко проходил сквозь бетонные стены, мгновенно оказываясь по другую сторону.

— Все есть магия! — кричал он и с воодушевлением описывал, как путешествовал в неведомые дали, чуть ли не к иным планетам, в рай или ад, пока все остальные мирно посапывали.

— Все есть магия! — восклицал он и тут же сулил обучить желающих, чтоб они невидимой армией вышли за ним наружу.

Иногда, посреди ночи, в толпе Брюсовых слу-

шателей Эммет замечал и Луизу. Если даже ее Брюс сумел облапошить, у Эммета нет шансов ему противостоять и одержать победу.

Уже месяц Эммет робко двигался в этом направлении. Он перестал заикаться и не спорил, когда доктора хвалили его успехи. Мир за пределами больницы снова потихоньку привлекал Эммета — не настолько, чтобы строить планы на будущее, но достаточно, чтобы появилась пара фантазий. Он представлял себе, как делает ремонт в новой квартире, шпаклюет стены, идеально их выравнивает. Он клейкой лентой соберет с них каждую пылинку. Покроет стены толстыми слоями белой краски и заровняет их металлическими мочалками, чтобы не осталось разводов. Эммет мечтал о блестящих, идеальных стенах, пока у него не начинали чесаться руки. И только Брюс тянул его назад, умудрялся пошатнуть его решимость, не давал Эммету и шагу сделать к цели.

«Нужно выбираться отсюда», — думал Эммет, спиной чувствуя бетонную стену, холодную и твердую. Он все еще не мог отойти от бешеной скорости, с которой мчался во сне. Проснувшись, он почувствовал разочарование и сейчас пытался приспособиться к самому себе. В солнечном сне Эммет был лошадью, дрожал и трепетал, тяжело

стуча копытами по скаковому кругу, а в темноте комнаты Брюс вращал светло-зелеными, почти фосфорическими глазами.

Брюс сидел в позе лотоса. Он три раза глубоко вздохнул, словно готовясь к медитации. Блаженно заулыбался.

— Что тебе от меня нужно? — в сотый раз спросил Эммет. Несмотря на свои сомнения, несмотря на то, что его окружали сплошь странные личности, Эммет еще верил в разум.

— Мне нужно все, — торжественно произнес Брюс. — Все! — Он потянулся ко лбу Эммета, словно желая его помазать.

«Снаружи я бы его убил», — пронеслось у Эммета в голове. Он бы завлек Брюса приманкой, как кота, но куда бессердечнее. На этот раз он бы не спасовал. Однако больница не давала такой возможности. Даже если Брюсу запретят приближаться к Эммету, его будет преследовать это «псст» из каждого угла. Незаметно для остальных Брюс будет изводить его, как болезнь среднего уха.

«Пора покончить с ним», — кровожадно подумал Эммет. Он попытался вспомнить песню, которой Брюс мучил его всю неделю. Брюс напевал ее, как позывной, едва Эммет входил в

комнату.

— Давай поиграем, — предложил Эммет, с воодушевлением приподнимаясь на локте. В голове у него вертелся припев. Брюс по-петушиному склонил голову и заморгал еще быстрее.

— «Чем глубже ныряешь, тем выше взлетаешь», — прохрипел Эммет почти шепотом. — Давай, Брюс, подпевай! «Чем выше взлетаешь, тем глубже ныряешь. Ну, давай. Давай»[11].

— Так ты все-таки *знаешь*. — Брюс завороженно открыл рот, словно ему явился святой дух.

Чтобы не запинаться, Эммет не смотрел на Брюса. Он вспомнил, как мать заставила их петь во время грозы. Эммет хотел окружить Брюса, точно в тесной каморке, теснее салона машины, и накрыть его своими мыслями, как капюшоном. Чтобы еще больше его раздразнить, Эммет выпростал руки из-под одеяла и пощелкал пальцами. Понизив голос на октаву, он запел увереннее, баритоном.

— «Чем глубже ныряешь, тем выше взлетаешь», — с воодушевлением пел Эммет, все громче и громче. Он помнил только эту строчку. — «Ну, давай. Давай», — весело прогудел он.

---

[11] Примечания: 11

Цитата из песни «Everybody's Got Something to Hide Except for Me and My Monkey» с «Белого альбома» «Битлз».

— Тише, услышит кто-нибудь, — напрягся Брюс.

— Какая разница? — И Эммет пустился в пляс, со всей страстью, на какую был способен, кружась и извиваясь, как Хуанита, свободнее, чем когда-либо позволял себе танцевать на людях, изо всех сил стараясь не смущаться. Он покачивался в такт собственному невыразительному пению, вилял бедрами и мечтал лишь о том, чтобы никто не вошел и не увидел, как Эммет заставляет Брюса петь, словно живая рок-группа играет в комнате, и он не в силах перед ней устоять.

— Я хочу еще, еще! — смеялся Эммет, делая вид, что пьянеет от собственного пения. Потом резко повернулся к Брюсу: — У тебя есть пластинка?

— Да, — осторожно проговорил Брюс.

— Доставай. Без музыки нет смысла. Ты же хотел знать. Время пришло!

Брюс подошел к кровати и выудил из-под матраса пластинку. Прижал ее к груди, как щит.

— Не сдавайся, не сдавайся, — подбадривал Эммет, направляясь с Брюсом к музыкальной гостиной, где в чулане хранился проигрыватель. По праздникам медсестры ставили пластинки и распевали с больными гимны, как с детьми у костра.

Решимость Эммета постепенно ослабевала, но он знал, что если не сломает Брюса сейчас, то потом это уже не удастся. Он водрузил стерео на высокий стул, стоящий в центре комнаты, на ковре. Проигрыватель походил на тот, что был у Эммета в детстве. Он открывался, как чемодан, сверху — металлический динамик.

— На четвертой стороне есть секретный шифр, понятный немногим, — с видом заговорщика сообщил Эммет.

— Да знаю я, знаю. Нужно проиграть наоборот, с конца. Я узнал, когда читал про Чарльза Мэнсона.

— Так чего же ты ждешь? — спросил Эммет.

Брюс глянул смущенно, однако опустил иголку и потянул пластинку в обратную сторону.

— Ты плохо это делаешь. Нужно проникнуться и двигать быстро, как будто ты сам машина.

— Может, мы сначала обсудим? В смысле, я так много хочу узнать. Хотя бы в общих чертах.

— Все здесь, — сказал Эммет, указывая на неподвижную пластинку.

Брюс занес над ней руку, изящно, как танцор балета, и потрусил вокруг стула, набирая скорость, не отрывая пальца от зеленого бумажного ярлыка. Иголка скребла и скрежетала. Звуки

совсем не напоминали слова — отдельные слоги и какое-то рычание.

— Бааа-ааа-ааа, — хрипела пластинка.

— Быстрее, быстрее, — погонял Эммет, подталкивая Брюса, чтобы звуки слились. Он ободряюще орал, а Брюс бегал вокруг стула. Кеды скользили по полу. Пряжка ремня болталась и гремела, как цепь. Брюс попытался придержать брюки свободной рукой, но потерял равновесие, брюки постепенно спустились к коленям и шлепнулись на пол, к лодыжкам. Показались Брюсовы любимые трусы с жучками, дремлющими на соломенных матрасиках. Они тоже сползли, и Эммет заметил щелочку между ягодицами, розовую, как усатая улыбка.

— Бааа-аа-аа-рой-баа-аа-аа, — скрипела пластинка.

— Помоги мне… Ну же! — вопил Брюс, в панике глотая слова.

— Быстрее, быстрее! — кричал Эммет, неустанно его подгоняя. «Что же я делаю? — в ужасе думал он. — Неужели мне нужно уничтожить его, чтобы самому освободиться?» Как сложится, так и сложится. Если войдет медсестра, Эммет сдастся, и Брюс выиграет. Если никто не войдет, Эммет будет давить на него, потому что иначе от

Брюса не избавиться.

Никто не вошел. До обеда оставался час, медсестры возились с самыми тяжелыми пациентами, а остальных на время оставили в покое. Брюс потел и задыхался, будто скаковая лошадь на бегах. Он качался и терял равновесие, но не отрывал палец от пластинки. Он весь превратился в сплошное желание узнать секрет, зашифрованный на виниловом диске, и собрать скрип и скрежетание в единое слово.

— Разве ты не слышишь? — удивленно спросил Эммет.

— Ничего не понятно! — закричал Брюс, заливаясь слезами и потом. — Я не могу! У меня не получается быстро. Не получается!

Эммет не сразу его понял, слова Брюса то и дело прерывались всхлипами.

— Бааа-рой-бааа-баа-баа-дваа, — скрипела пластинка, почти красиво и нежно, точно голос умирающего оперного певца.

Эммет посмотрел на ковер. Он заговорил серьезно и разочарованно. Ветерок от мечущегося Брюса шевелил его волосы.

— Неужели ты не слышишь? — повторил Эммет так, будто это проще простого. — Ну, прислушайся: все здесь. Все есть магия.

Комната пульсировала от пыхтения.

— Бааа-рщй-ба-ха-рой-баа-баа-раа, — снова и снова пела пластинка. Мантра, или стон, или, может быть, гимн покою.

2

Крики ворвались в комнату откуда-то из коридора, безостановочное завывание, будто на поле, что открыто всем ветрам. Крики человека, которого убивают. Потом топот бегущих ног.

«Кто-то умирает, — подумал Эммет, вставая из-за стола. Он выглянул за дверь. Ему в лицо ударил тяжкий воздух. Эммет ухватился за дверной косяк, чтобы не упасть. — Что такое?» — испугался он, прислушиваясь к нестерпимо усиливающемуся вою — такого Эммет никогда не слышал, это было страшнее криков пациентов, которых волокут в изолятор. Ярость заполнила все здание — еще немного, и стены потрескаются.

Вдоль коридора в раскрытых дверях стояли пациенты, вжимались в проемы, словно опасаясь землетрясения. Мимо прошли два крепких санитара с мокрыми полотенцами в руках. Они на ходу успокаивали испуганных людей, вроде дружелюбно, только очень уж целеустремленно несли свои полотенца, будто прятали в них ножи.

— Аааааааа…

Крик раскатом грома пронесся над головами.

— Аааааааа…

Эммет попытался догадаться, кто кричит, но у крика не было личности — сплошной страх. Не было и обычных признаков голоса: ни тембра, ни модуляций. За месяцы жизни в больнице Эммет понял, что любой крик звучит анонимно, высоко или низко, в зависимости от пола. Этот был мужским.

— Аааааааа…

Эммет нырнул в свою комнату, взял с тумбочки стопку бумаг и сунул подмышку. Если санитары остановят, он скажет им, что бумаги — его дневник. Врачи просят пациентов записывать свои мысли и все, что те делают за дверьми докторского кабинета. Некоторые описывают чуть ли не каждую минуту своей жизни, другие обходятся картинками, непропорциональными, словно нарисованными с закрытыми глазами. Кто-то пишет сонеты с замысловатыми рифмами. А некоторые, как Эммет, ничего не пишут. Его давно уже тошнило от записей.

Он пошел напрямик к дежурному посту. Пациенты испуганно дергались, стоя в дверных проемах, как люди в большом городе, которые слышат крики, но не торопятся помочь. Эммет важно помахал бумагами перед носом у санита-

ров, но те и не попытались его остановить. Для докторов дневники пациентов — священные тексты.

— Аааааааа…

Вблизи крик был кошмарен. На диване сидела группка пациентов. Один тянул голову, пытаясь получше разглядеть, что происходит. Другой заткнул уши. Одна женщина дрожала от волнения и трясла ногами все быстрее и быстрее, повинуясь ей одной слышному ритму. Потом она стала низко вскрикивать, подпевая мучительному вою вторым голосом.

Другой пациент стоял в нескольких шагах от дивана, сгорая от любопытства и возбуждения. Высокий и мускулистый, в больших пушистых тапочках. Волосы выбриты на висках до мелкой щетины, как у поросенка. На шее болталась фиолетовая бандана. Очки на блестящей голубой цепочке свисали на грудь. Он прищелкивал пальцами и притоптывал каблуками по линолеуму. «Умней и бойся и теряйся», — без конца напевал он. Цепочка поблескивала голубым.

Вокруг столика для игры в пул собрались пять медсестер. Две боролись с кем-то на ковре. Эммет увидел, как в воздух взвиваются грязные белые кеды с малиновыми носками. Увидел мешко-

ватые голубые джинсы со множеством дырок вдоль швов. Ноги дергались и молотили воздух, джинсы сползли, обнажив трусы цвета фуксии с рисунком — белыми выдрами.

«Брюс», — понял Эммет, виновато окаменев. После происшествия в музыкальной гостиной Брюс не показывался целый день, и Эммет испытал такое облегчение, что даже притворился, будто не слышит, как, укладываясь спать, Брюс шепнул ему: «Спокойной ночи». Теперь же, когда крики резали его, как нож, Эммет терзался: «А вдруг это из-за меня? Что, если это у него замедленная реакция?»

Эммет ударил вслепую, чтобы спастись самому. В прошлом часто бывало так, что он позволял человеку, которого любил, буквально изничтожать себя, но сам никогда прежде никого не разрушал. Пока Брюс нечеловечески корчился на полу и его сознание превращалось в вопль, Эммет ужасался своей власти менять людей.

— Успокойтесь и пойдемте с нами, — проворковала медсестра, но Брюс пнул ее ногой в лицо. Эммет услышал хруст и увидел, как у женщины из ноздри хлынула кровь.

— Умней и бойся! — выкрикнул мускулистый пациент.

— Принесите ремни, — тихо и почти смущенно произнес врач, будто, если шептать, пациенты не заметят кожаных ремней с блестящими пряжками, позвякивающими в руках у санитаров.

— Аааааа…

Крики слились в один бесконечный, неистовый выдох. У Брюса как будто прибавилось энергии, он орал все громче. Он бился и пинал все, что двигалось. Эммет слышал, как мягкие кеды метко молотят по мышцам и костям. Подбежала медсестра, прижимая к груди стопку белых простыней.

Эммет услышал, как захлопала ткань, Брюсово тело били и скручивали. Брюс выл, как пойманное в капкан животное, отгрызающее себе лапу, чтобы освободиться. Медсестра одну за другой передавала простыни санитарам, которые грубо заворачивали Брюса. Его тело постепенно исчезало в складках влажной ткани, точно папье-маше. Сначала ноги, затем торс, шея, так высоко, что Брюс задрал голову, как утопающий.

— Ааааааааааааааааа…

Он не сдавался, даже когда они расстелили на полу последнюю простыню и закатали его укутанное тело целиком.

— Сладких снов, белый гаденыш, — пробурчал

санитар, перекинув конец простыни Брюсу через голову и аккуратно подоткнув под подбородком.

Пару месяцев назад Эммет мечтал о том, чтобы с Брюсом случилось нечто подобное. Теперь, когда это произошло, его трясло от жалости, но помочь он не пытался. Ему хотелось оказаться в безопасности, у себя в комнате. Он представил себе, как человек наблюдает за солдатами, арестовывающими соседа посреди ночи. Если он подойдет к Брюсу, санитары направят всю оставшуюся энергию против него. Эммет надеялся, что смог бы действовать смелее, если бы так же бесцеремонно обращались с дорогими ему людьми. Он надеялся, что прикрыл бы друга своим телом, пусть бессмысленно, но доказал бы свою преданность.

— Аааааааааа…

Брюс завопил еще громче, и этот звук пронзил сердце Эммета, промчался по каждому нерву, и Эммет содрогнулся.

Он сделал шажок к выходу. У двери стояла женщина в кремовом деловом костюме. В руке она сжимала черный поблескивающий металлом кошелек, похожий на коробку с обедом. Она осмотрела всех, потом встретилась глазами с Эмметом.

Он подошел к женщине очень близко, даже разглядел ярь-медянку на ее сережках. Она отрешенно кивнула.

— Вы его друг? Он говорил, что завел себе друга по имени Джон. Вы Джон?

— Я Эммет. Джона выписали. Теперь я живу с ним в одной комнате.

— Они его выписывают. У него страховка кончилась. Ему уже ничто не поможет. Его одного оставлять нельзя, а жена его не примет. Боится за ребенка. Ему только государственная больница осталась. — Женщина оправдывалась, словно Эммет вот-вот обвинит ее в безразличии.

Она покусывала заусенцы. Кончики пальцев были красноватыми и потрескавшимися, зато ногти аккуратные, с ярко-красным маникюром, длинные и заостренные. Разговаривая, женщина переминалась в своих новеньких туфлях. Глаза круглые и глубоко посаженные, как у ее сына, только притушенные голубыми тенями и светлыми пушистыми ресницами, густыми и мягкими, как волоски на дорогой кисточке.

— Я слышал, там, вокруг государственной больницы, красивый парк, — соврал Эммет. — Кажется, их садовники в свое время наполучали разных премий. — На самом деле он видел фотографии

государственной лечебницы в журналах. У нее всегда была плохая репутация. Врачи-садисты и пациенты-зомби стали легендой отделения, где лежал Эммет. Те, кто никогда там не бывал, говорили про эту больницу с испуганным почтением, как о последнем круге ада. Родственники использовали ее как последнее средство запугивания и контроля. Эммет знал нескольких пациентов, которые чудесным образом вылечивались под страхом перевода из частной клиники в государственную. Такой перевод приравнивался чуть ли не к смертному приговору.

Санитары затянули поверх простыней кожаные ремни. Щелкнули металлические пряжки.

— Даже не знаю, — озабоченно сказала женщина. — Здесь содержать я его уже не могу, разве что дом продать. Вроде мать должна всем пожертвовать ради ребенка, а я не могу. Представьте себе: это продолжается уже двадцать лет. — Она схватила запястье Эммета двумя пальцами, как щипцами. — Вы долго с ним жили? Несколько месяцев? Вообразите двадцать лет. — Она говорила изумленно, будто на похоронах, когда все уже позади.

— Два месяца, — вежливо сказал Эммет, глядя, как санитары несут Брюса. Простыня у него на

голове напоминала паранджу. Ткань так стянули, что челюсть встала на место, но Брюс продолжал вырываться. Его крик звучал теперь глухо, как у чревовещателя.

Эммет вспомнил первую встречу с Брюсом в комнате Эмили и Дафны. Глядя на эту запеленатую фигуру, он пытался представить, как Брюс изображает самолет, бросает монетку за спиной, сжимает Эммету горло. Как же они до такого дошли?

Мать Брюса недоверчиво заморгала. Она была растерянна — должно быть, думал Эммет, так растерянны родители, которым предлагают опознать труп, увидеть в безжизненном теле их ребенка.

— Он с детства был странным, — сказала женщина, показывая пальцем на влажный белый куль. — Но это… то есть я не глупая, но откуда я могла знать, что до такого дойдет?

Эммету хотелось убедить ее, что невозможно ничего знать заранее, что его самого часто уносило жизнью, как человека уносит толпой, и тогда уже ничто не спасет. Но женщина замкнулась в своем горе, куда ему не проникнуть, и он отважился промычать только:

— Конечно, вы не могли знать. — Он коснулся

ее руки.

— Может быть. А кто знает? Я ведь не чудовище какое-нибудь, — грустно добавила она. — Все думают, что я должна быть чудовищем, раз у меня такой сын, но у меня ведь еще трое. Совершенно нормальные.

Зажужжала дверь, санитары вынесли Брюса. Его крики теперь звучали гулко и монотонно, как шаги.

— Двадцать лет, — бормотала женщина в ужасе, будто осознав, что за дверями больницы ее ждет новая жизнь, еще страшнее.

«Двадцать лет», — думал Эммет, стараясь вообразить Брюса ребенком, спящим на руках у матери, в мягких одеяльцах вместо этих простыней. Когда произносишь «двадцать лет», кажется, что в пределах этого периода можно прочертить схему маршрута, как делают моряки. Но в жизни этот маршрут сумбурен, размыт и неуправляем. Двадцать лет назад Эммет учился прятаться в бомбоубежище. В то время он и представить не мог, где окажется годы спустя. Он видел себя тогдашнего: время расстилалось перед ним, целая жизнь, и ни малейшей догадки, как ее вынести. «День за днем, день за днем и за днем», — говорили доктора, но двадцать лет — это 7300 дней, 175

200 часов и 10 512 000 минут. А сейчас он только в середине жизни, если верить официальной статистике.

Его матери было двадцать, когда она вышла замуж за его отца. Эммету было двадцать, когда она умерла. Когда ей было двадцать, она, вероятно, думала, что спасена, что проживет теперь долго, доживет до внуков. Когда Эммету было двадцать, он верил, что время подхватит его и понесет, как ветер подхватывает запах духов или цветов. Но оно набросилось на него, дикое, как пенистая вода, и затопило его цель.

Чтобы обуздать время, он по тиканью часов посчитал каждое дыхание. Двадцать лет — это 630 720 000 раз, одно за другим: год за годом, неделя за неделей, день за днем. И где-то рядом всегда опасности, по одной на каждую секунду жизни.

Эммет пытался быть осторожным, но его погубила собственная бдительность. Он хотел, чтобы жизнь была раем. Хотел оградить себя от бед, разочарований и страха, что ощущались, словно земля под ногами, и таким образом научиться маневрировать меж опасностей жизни. Однажды Эммет понял: все, о чем бы он ни подумал и что бы ни случилось, непременно имеет название. Он воодушевился, вдруг найдя в книгах слова, ко-

торые называли то, чем был он сам. Ему приятно было узнать, что его особенное поведение, даже его мечты таинственно привязаны к языку, и этот язык соединял его со всеми в мире. Мир оказался больше, чем Эммет ожидал, однако вскоре этот мир стал на него давить. Новые знания не давали защиты, не спасали ни учеба, ни хитрость, ни даже любовь. Эммет никак не мог привыкнуть к одной вещи: чтобы жить счастливо, он постоянно убегал от жизни.

Эммет ежедневно читал о людях, преодолевающих невероятные трудности: нищету, болезни, катастрофы, немыслимые несчастья. Он стыдился своих мелких горестей и знал, что на самом деле ему повезло. У него была богатая семья. Он белый. Он хорош собой. Он мужчина. Ничто ему не нужно, но ничто набросилось на него со всей своей смертельной энергией, желая погасить то, что жило в нем, как человек в горящей одежде слепо мчится к воде. Ему хотелось забить это в себе, забываться в каждом дне жизни, как весь мир, жить, словно жизни не будет конца.

Он подумал о матери, как она жила в одиноких домах, в горах, на утесах и диких пляжах. Она делала ставку на каждый новый дом, надеясь на перемены. Жизнь не менялась, но все эти годы,

пока мать была в движении, она мечтала, что следующий дом станет для нее настоящим прибежищем. И однажды ночью она оказалась у окна отеля, где ее больше ничто не удерживало, кроме тонкого стекла: мир снаружи — точно манящий мираж на пути человека, что слишком долго бродил в пустыне и молил о дожде.

Эммет никогда бы не смог повторить ее поступок. Он слишком боялся узнать, что его ждет — после. Этот мир был, по крайней мере, ему знаком. Но что ему остается? Жить, пока жизнь не станет нестерпимой. И что тогда? А затем? А потом?

3

— Уже поздно, — сказала Луиза, подогнув под себя ноги на сиденье. Вместо ответа Эммет откинул голову на подлокотник, и перевернутая Луиза зевнула ему прямо в лицо. Эммет чувствовал себя слабым и рыхлым — он представил, будто у него передозировка. Комнату заволакивали вечерние сумерки, и Эммет вообразил, что это не вечер приближается, а он сам медленно теряет сознание.

Все окна были закрыты. Уже наступила зима. Без автомобильных гудков, криков и сирен, обычно доносившихся с улицы, возникало ощущение, что больница стоит в безмолвной тундре. В отделении было тихо: казалось, весь земной шар заразился от него неподвижностью. Не будь закрыты окна, Эммет ощутил бы холодок ранненоябрьского ветра. Он помнил, как раньше любил начало зимы, когда дни еще не серые, а первый мороз вычищает яды из воздуха.

После ухода Брюса отделение тоже словно очистилось. Люди говорили приглушенно, будто кто-то умер. Они поодиночке бродили дни напролет, то ли в шоке, то ли в страхе, что следующими

выгонят их. Все вокруг присмирели, точно дети, которые стараются ублажить рассерженных родителей. Многие, попав в больницу, поначалу думали, что здесь можно делать что душе угодно и даже не пытаться лечиться. Случай с Брюсом кое-чему их научил: опускаться можно бесконечно. Те, кто считал, что уже нащупал дно, вдруг обнаружил, что это лишь один из слоев, как пыльная корка на луне или подтаявший лед на пруду.

Эммет знал, что государственная лечебница существует, но Брюса первым отправили туда против воли. До Эммета доходили слухи о пациентах лечебницы, которых запирали в палатах навеки, но слышать можно и о смерти, можно даже видеть умирающих и все же считать, что тебя это не касается. Внезапно Эммет почувствовал, что его тело отяжелело, будто он ходит неуклюже, несмотря на осторожность и старания.

В окне замаячило отражение Луизы. За ней показалась медсестра в белой косынке с подносом, заваленным шприцами и полосками марли. «Для кого, интересно?» Эммет представил себе пациента, которого привязали к кровати и насильно сделали инъекцию. Еще недавно Эммет не обратил бы на медсестру внимания. Казалось, что медперсонал вообще ни при чем; Эммет не

догадывался, как они могущественны. Теперь же доктора ходили с напыщенным видом, будто секреты пациента делают их самоуверенными и наглыми.

Раньше, до больницы, Эммет часто влюблялся в своих докторов. Он отыскивал в справочниках их адреса и вечерами бродил вокруг их домов, вглядывался в тени за окнами, поджидал, когда они войдут или выйдут. Ночами он им звонил, слушал, кто возьмет трубку, женщина или мужчина, и гадал, как они живут.

Однажды он вошел вслед за врачом в овощной магазин и долго наблюдал, как тот простукивал костяшками дыни, щупал мягкие помидоры, поглаживал морковь и бобы. Эммета загипнотизировала уверенность, с которой доктор манипулировал с овощами, ловкий, как хирург. Эммет шел за ним до дома, а через несколько часов доктор отправился в кино с каким-то мужчиной. Эммет выбрал место у них за спиной и время от времени наклонялся к ним так близко, что врач отмахивался от его дыхания, будто его щекотал таракан. Когда они вышли из кинотеатра, доктор заметно ускорил шаг, но если он и заметил Эммета, то не подал вида. В ту ночь, когда Эммет набрал его номер, никто не взял трубку, и

на рассвете тоже.

Эммет никогда не признавался врачам, что преследует их, точно сыщик. Он верил, что любит их, и не хотел, чтобы они его разубеждали. Эммет решил, что может вести себя, как пожелает. Он считал, что во время сеансов обретает свободу, которой ему не хватает на улице. Он и не предполагал, что здесь, в больнице, врачи в своих кабинетах вступали в заговоры против пациентов, на скорую руку стряпали их судьбы и могли спокойно бросить больных на произвол судьбы, как бы те ни мечтали вылечиться.

— Эй, гляди, — позвала Луиза. Она слепо нащупала Эмметову руку.

Они увидели, как в четырехугольном дворе-колодце по траве шагают парочки с книгами в руках, непринужденно болтая. Эммет проводил взглядом девушку, срезавшую тропинку от библиотеки к общежитию, на каждом шагу мотая косой. Над головой у нее сквозь темноту просвечивали белые облака.

— Похоже, будет гроза, а может, и пурга! — сказала Луиза.

— Хмм, — промычал Эммет. Ему хотелось ответить мягче, но он проигрывал в уме каждое слово, сказанное доктором Франклином с самого

первого дня в больнице. Эммет искал намеки на план лечения, который составлял доктор, расспрашивал Эммета о жизни. Эммета обуревали сомнения, точно узника, которого оставили у открытой двери: то ли отпускают, то ли играют с ним, ловушку расставили.

— Не знаю, что такое снег, — сказала Луиза. — Во Флориде и мороз-то редкость. — Она говорила печально, прижимая лицо к стеклу; щеки ее порозовели, как от холодного ветра. Луиза подтянула воротник повыше, почти к самым ушам.

За углом дежурного пункта показалась Эмили. Она позвала их, и голос эхом раскатился в тишине. Она поцеловала Эммета в щеку и кивнула Луизе. Женщины тихо встали рядом, и шерсть их пушистых голубых свитеров смешалась, будто у них срослись руки. Эммету приятно было осознавать, что благодаря ему они более-менее ладят друг с другом последние несколько недель. Сигарета Эмили то и дело выскальзывала из пальцев. Эмили рассеянно переложила ее в другую руку, и уголек прожег Луизе свитер. Шерсть зашипела.

— Как-то тут странно, да? — сказала она и откинула тлеющие волосы. Ладонь испачкалась пеплом.

Эммет с Луизой вздохнули в унисон. Эмили вы-

жидательно улыбнулась, но никто не заговорил. Она кашлянула и тоже подошла к окну. Теперь все трое не отрывали от него глаз. Эммету хотелось, чтобы женщины болтали о происшествиях в отделении, как обычно. О мелких ссорах, о перестановках в приятельских альянсах у больных, обо всем, что творится в палатах. В ту первую ночь в комнате Эмили он подумал, что жизнь здесь будет тянуться бесконечно, как часто казалось прежде, когда он входил в ритм, подчинялся ему, и всякий раз чудилось, что это навечно, хотя в прошлом умиротворение прерывалось не раз.

Но в неловких улыбках женщин Эммет разглядел неприязнь, что воцарилась между ними, словно они только познакомились. Он почувствовал, как рассеялись колдовские чары, несколько месяцев связывавшие их всех, и все одновременно смутились.

Чтобы прогнать это чувство, Эммет собрал в уме образы друзей: разговоры допоздна, обеды, которыми все делились друг с другом, взгляды за спинами у врачей, эти дружеские взгляды, что связывали их так, как он мечтал всю жизнь. Он напряг мускулы, чтобы образы стали ярче, но Луиза с Эмили отвернулись к окну.

Они смотрели на машину, несущуюся в

нескольких кварталах от них, с включенными фарами, безумно горящими в темноте. Машина наскочила на бордюр и ударилась о почтовый ящик, перевернув мусорную корзину. Эммет представил себе визг людей, лязг металла, стукающегося о тротуар, шелест газет, летящих по смолистому асфальту, точно перекати-поле. Но для него картина была немой, как в телевизоре с выключенным звуком.

— Обожаю быстро ездить, — сказала Луиза, — по-настоящему, по шоссе.

— Даже я бы сейчас от машины не отказался, — сказал Эммет. — Я, бывало, доплачивал таксистам, чтобы проехали в окружную, по загородным дорогам. Я так пристрастился, что даже специально деньги на это откладывал. Из машины видишь такое, что, просто гуляя по улице, не замечаешь, почти как в самолете, только отрываться от земли не нужно.

— Да нет же, я о настоящем отрыве, — неприятно прозвенела Луиза. — Я езжу так быстро, что за окном все сливается в кашу. Так, что фонари за спиной загораются, как спички! Я люблю…. а, бог с этим. — Костяшки ее пальцев сильно побелели.

Эмили многозначительно посмотрела на Эммета, присев на подлокотник его кресла. Они

оба научились пережидать вспышки Луизиного гнева. Все трое сидели у окна, будто люди, долго спокойно путешествующие на машине, что медленно покрывает милю за милей.

— Забавно: дни проходят, а мы и забываем, что так давно не были на солнце, — наконец сказала Эмили. — Но я не возражаю. Мне нравится искусственный воздух или что тут у них. И дым. — Она засмеялась, выдувая кольца, подрагивающие над их головами, как паутина.

— Раньше я постоянно сгорала на солнце. — Луиза их простила. Она подставила лицо лампе. — Мне все было мало. Ко мне даже загар не липнет. Просто сгораю, и все, но мне наплевать. Мне так нравилось, когда в страшную жару с моря начинал дуть ветер и когда кожа раскалялась к концу дня. Я могла бы так вечно делать.

— Кто хорошо такое помнит? — спросила Эмили. — Я вот, кажется, чем дольше здесь живу, тем терпеливее становлюсь. И я даже не знаю, верю ли в чудо, которое случится, если ждать достаточно долго. Я не уверена, что хочу этого. Странно: вот так и еще десять лет пройдет, время течет себе, не успеешь оглянуться, как прождал целую вечность.

— Может, тебе и придется, — заметила Луиза. —

Это место называется Нигде.

— Наверное, — раздраженно сказала Эмили. — Но ты забываешь. Я им деньги плачу. Я сама хотела здесь оказаться.

— А я нет, — сказала Луиза. — И столько времени потеряла! Ради чего? Меня защищать не нужно. Мне нужно делать отсюда ноги, понимаете? Я хочу всю ночь гулять. Доставать почту из ящика собственным ключиком и читать письма, лежа в постели. Хочу ужин приготовить. Хочу вообще забыться и прожить день, понимаете? Обычный скучный день: схожу в магазин, отнесу вещи в прачечную, может, телик посмотрю, ничего особенного. Съем пирожное. То, что люди обычно делают. Хочу поцеловать кого-нибудь утром на прощание. Хочу, чтобы у меня была работа, понимаете? Хочу прийти на службу и чтобы кто-нибудь сказал: «Ты что-то усталая, Луиза». Или: «Хорошенькое платье, Луиза». И если эти люди мне понравятся, я приглашу их на обед, а если нет, пройду мимо. Все, что угодно, только не это — не это. В смысле, одно дело отпуск, но это… — Она покосилась на Эмили и Эммета с таким же отвращением, с каким смотрела обычно на оранжевые диваны и клетчатые клеенчатые скатерти в комнате отдыха. — Вот дерьмо. Если

надо меня упечь, я лучше убью президента или типа того, а потом сгнию в обычной тюрьме. Хочу в реальную жизнь! Ну, ребята, неужели вы никогда об этом не думали? А сейчас? Может, вместе сходим на волю. Вроде побега из тюрьмы.

Эмили и Эммет придвинулись друг к другу и переглянулись. Так смотрят люди, которые предчувствуют, что у них сейчас попросят денег.

— На улицу? Только не я. Хватит с меня улицы, — сказала Эмили.

— А ты? — Луиза повернулась к Эммету.

Эммет никогда не заходил дальше мечтаний о том, как выходит на улицу и ступает на порог новой квартиры, а между этими картинками — ничего. Особенно трудно было представить шаг за медную вращающуюся дверь больницы. Он не мог постичь, каково это, когда в нескольких шагах позади идет другой человек.

Однажды в Сан-Франциско Эммет с бабушкой спустились к морской гавани, чтобы посмотреть Алкатрас, виднеющийся на острове в миле от берега. С берега Эммет видел каждое окно, так близко они, казалось, были. В тот же день они ехали домой в фургоне, и, когда сгустились сумерки, огни города осветили стены тюрьмы. Эммет представил себе узников в камерах и город, ко-

торый мучил их близостью другой жизни, такой недосягаемо далекой. Как эти люди, должно быть, мечтали сбежать, зная, что, выломав решетки, они окажутся в пустоте и останутся там, пока не переплывут за несколько часов черные, кишащие акулами воды. На такое решались немногие, чаще заключенные поддавались рутине, она затягивала их, как обычная жизнь.

Во время экскурсии гид рассказал им про узников, которые настолько привыкали к жизни за решеткой, что на свободе паниковали. Непривычная жизнь за воротами жестоко их ранила, и они совершали какое-нибудь мелкое преступление: разбивали окно, воровали кошелек, пинали прохожих, — лишь бы снова попасть в тюрьму. Гид считал этих людей невменяемыми, но Эммет уже тогда понимал их страх. Воображая себе, как он выйдет на свободу из больницы, Эммет думал, что давно забыл, как жить. В той, другой жизни ему с трудом давались простейшие вещи. А теперь он и вовсе не мог представить, как пойдет в магазин, на работу, снимет деньги со счета, запросто, как другие. Он не знал, как теперь освободиться от самого себя, того, кем он стал.

Эммет не признался Эмили или Луизе, что на прошлой неделе совершил вылазку из отделения.

Он взял пропуск в кафетерий на цокольном этаже. Пил кофе у всех на глазах. Ходил по коридорам и заглядывал в кабинеты. Постоял у вращающейся двери центрального выхода и понаблюдал за людьми, которые входили и выходили. Но не решился ступить даже на каменные ступеньки.

— Я хотел бы читать газеты и каждый день смотреть новости. — От Луизиного вопроса он уклонился. Провел пальцами по недавно отросшим кудрям. — И еще постричься, — прибавил он, представляя, как проведет пальцами по жесткому ежику на голове.

— Вот это уже что-то, — сказала Луиза.

— Я бы хотела лежать в глубокой мраморной ванне с ароматической пеной, и чтобы никто не сидел на краю и не следил, как бы я не утопилась, — сказала Эмили.

— Видишь, — оживленно сказала Луиза.

— Но я не настолько этого хочу, чтобы сбегать.

— О господи, да что с вами? Что может случиться в самом худшем случае? Ну, убегаешь. Потом возвращаешься. Возвращаешься туда, откуда начал.

— Не совсем, — сказал Эммет. За месяцы жизни в отделении он не раз видел, как люди попадали сюда и выписывались, а потом снова попадали,

и постепенно их начинали забирать в больницу все чаще. Если он сбежит слишком рано, неминуемое возвращение в больницу станет частью его натуры, вроде второго «я».

— Если вам там не понравится, вы потеряете максимум неделю, — сказала Луиза.

— Я уже знаю, что мне там не нравится, — сказала Эмили.

— Но ты можешь одна убежать, — неуверенно проговорил Эммет.

— Одна я не могу. Ты можешь получить пропуск в кафетерий, а я нет, забыл? Ты можешь открыть дверь. Только ты можешь меня отсюда вывести.

— На этой оптимистической ноте я иду спать, — сказала Эмили, постучав сигаретной пачкой о ладонь. Она аккуратно сунула коробку спичек в целлофановый пакетик. — Увидимся утром или вы ночью смоетесь?

— Утром, — зевнул Эммет.

— Кто знает? — улыбнулась Луиза.

Уходя, Эмили выключила свет, и теперь в темноте был виден только светящийся оранжевым дежурный пост. Он походил на шаровую молнию в конце тоннеля.

— Я тебя не вижу.

— Я тебя тоже.

Эммет услышал, как она скребет ногтями армированное стекло.

— Ну пожалуйста, мне так нужен воздух, — сказала она. — Хочу его почувствовать. Хочу на улицу! Хочу, чтобы все это наконец закончилось, как угодно. Ты со мной? Мне некого больше просить.

— Но мы ненормальные, как мы друг другу поможем? — сказал Эммет. Страх усиливался. — Это ведь все равно, что два наркомана с одной иглой на двоих. Нам нужен кто-то третий. Не только мы с тобой.

— Но больше никого нет. Сам подумай.

Эммет перебрал в уме людей, которых знал. Брат далеко. С докторами он не хотел иметь дела. Брюса, Уинстона и Дафны в больнице уже нет. Даже Маргарет выписали, теперь о ней заботился муж. Их мир съеживался. Что делать в клинике — лишь потихоньку влачить свои дни дальше.

Луиза взъерошила волосы у него на затылке. Встала у него за спиной и принялась массировать его мускулы, сжатые в напряжении, читая бугры на коже, словно шрифт Брайля.

— В темноте я такая же, как ты. — Луиза положила подбородок ему на плечо. Она так сильно надушилась, что Эммет тут же пропитался ее

запахом. Он дышал, не понимая, где кончается Луиза и начинается воздух.

Эммет привалился к ней и представил их обоих снаружи. Он увидел две фигурки, пробирающиеся сквозь туман и дым горящих зданий: всюду обугленные развалины города. Он представил себя и Луизу последними людьми на земле, ставшими единственными друг у друга, не по своей воле, а от безнадежности, которую они не могли определить, и потому лгали, называя любовью.

— Так ты со мной? — шепнула она. — Скажи «да».

Эммет увидел, как закачались огни на шоссе, точно фонарики на корабле во время вечеринки.

— Я попытаюсь.

— Утром, — сказала Луиза, отодвигаясь. — Не хочу давать тебе времени на размышление, а то у тебя появятся сто отговорок. Убегать — значит убегать. Если решил, бежим. И не надо готовиться. Если затянешь — они учуют неладное, а ты не выдержишь и признаешься доктору. У тебя же на лице все написано. Они поймут, что ты виноват.

— У нас не будет еды. — Эммет похлопал по пустым карманам джинсов.

— Я уже сумку упаковала. Несколько долларов у меня есть. Я знаю короткую дорогу к автобусной

остановке. Что нам еще нужно?

Вернувшись в палату, Эммет тщательно перебрал свое имущество. Он не спал всю ночь. Как только стало светать, он надел на себя все, что мог. Трое трусов, три пары носков. Под свитер натянул три рубашки. Он был так худ, что теперь, в таком количестве тряпок, казался человеком с нормальным весом. Никто не обратит на него внимания. Он вытащил из мусорной корзины полиэтиленовый пакет и обвязал им талию. Как только они выберутся из больницы, он сложит туда лишнюю одежду.

Эммет зашел в чулан и открепил от джинсов пришпиленные булавками доллары. Он аккуратно расправил их на листке бумаги и разложил, как пасьянс. Еле вышло семь ровных рядов.

— Двадцать, сорок, шестьдесят, восемьдесят, — посчитал он, бегая глазами по купюрам. Эммет отвернулся не досчитав: он знал, что денег все равно не хватит, чтобы начать новую жизнь. «Это ошибка». — В голове включился сигнал тревоги. Эммету хотелось попросить Луизу отложить побег, но он знал, что с ней уже не справиться. Она твердо решила убежать.

Тяжелая одежда тянула вниз. Эммет сунул кусок мыла в карман брюк, словно кошелек,

набитый деньгами. А настоящие деньги спрятал между носком и ботинком, и они слегка давили ногу, как мозоль. Ему было страшно идти налегке. С каждым переездом вещей все меньше. Уже почти ничего не осталось. Фотографию собаки, подаренную Джонатаном, Эммет спрятал под рубашкой. Снимок был скользкий и прохладный. Хорошо бы залезть в квартиру к Джонатану и украсть собаку, но с ней его не пустят в автобус, с собаками пускают только слепых. Пусть немного потерпит, скоро он украдет ее, как невесту.

Эммет дождался утренней пересменки врачей. Разбросал на столе бумаги, небрежно швырнул любимые джинсы на кровать. На стул у двери положил зубную щетку с размазанной по щетине голубой зубной пастой. Рядом небольшое полотенце. Рецепты на лекарства запихал к носкам в верхний ящик комода. Свет не выключил.

Подойдя к медпосту, Эммет увидел Луизу — она читала журнал в мягком кресле у двери. На ней было красное полупальто, такое жесткое, что эполеты на плечах торчали, как пластмассовые. Луиза пышно начесала волосы. Лицо ее превратилось в палитру художника: ядовито-желтые тени на веках, ярко-розовые щеки и оранжевые губы. Эммету бросились в глаза блестящие носки

черных лакированных туфель-лодочек и колготки с блестками под шерстяными брюками. У ее ног громоздилась сумочка.

Чтобы успокоиться, Эммет сосредоточился на бледной коже дежурной медсестры и накрахмаленных складках ее халата.

— Я собираюсь в кафетерий, хочу кофе выпить, — объявил он.

— Ладно, — сказала она.

Эммет снял с крючка планшет с бумагой, записал свою фамилию и точное время: 7.03.

— Я ненадолго.

Она кивнула, проверяя списки пациентов.

— Я быстренько.

— Приятного отдыха.

— Может, я вам что-нибудь принесу оттуда? Чашку горячего чая?

— Нет, не надо.

Эммет похлопал себя по груди.

— Холодновато сегодня с утра. Пришлось надеть вторую рубашку.

— Одевайтесь потеплей, — сказала она, все еще глядя на стол.

Эммет увидел санитара с большой металлической повозкой, забитой пакетами молока и термосами с кофе. Медсестра опустилась на ко-

лени перед пожилой пациенткой и попыталась втолкнуть ей в рот красную пилюлю. В свободной руке она держала картонную кружку с кофе, точно взятку.

— Как вкусно кофе пахнет, — сказал Эммет санитару.

— Какое хорошее утро, — обратился он к медсестре.

— Симпатичный халатик, — сказал он пациентке. Таблетка красным язычком торчала у нее между губ.

Направляясь к двери, он прошел мимо Луизы и услышал, как она пробурчала: «Боже мой». Эммет на нее не посмотрел. Осторожно положил палец на круглую кнопку и нажал. Он был уверен, что сейчас кто-то подойдет к нему сзади и положит тяжелую руку на плечо. Но дверь в коридор зазвенела и открылась. В лицо Эммету ударили теплый воздух и слепящий свет. Он услышал, как Луиза вскочила с кресла и уронила журнал на пол.

— Вперед, — прошипела она, шагнув за дверь отделения. В коридоре было пусто, лишь уборщица мыла полы. Луиза зубами разорвала пластиковый именной браслет, швырнула его уборщице в ведро и крикнула: — Бежим, Эммет, бежим!

Эммет задержался, будто птица, расправляю-

щая крылья перед полетом. Он завязал шнурки на несколько узлов, так, что кеды врезались в кожу. Потом сосчитал до трех. Он посмотрел в глубину зеленого коридора, на блестящие кафельные стены, на ступени, а над ними — горящие красные буквы: «Выход». Эммет заметил, что уборщица наблюдает за ним со шваброй в руке.

«Неужели я это сделаю?» — удивился Эммет, глядя, как Луиза поворачивает за угол. Он подумал, не вернуться ли обратно, но удаляющаяся Луиза тянула его за собой, как магнит.

«Крылья. Крылья», — подумал Эммет и ринулся вслед за ней. Он не поднимал головы. В кедах он бежал бесшумно, а Луизины каблуки так стучали, что Эммету не требовалось смотреть, он бежал на звук, на плывущий голос: «Бежим, Эммет, бежим!» — словно ей хотелось, чтобы за ними по пятам гнались врачи.

4

Они сбежали вниз, перепрыгивая через две ступеньки. У аварийного выхода Эммет замер, глядя на табличку: «Только в случае аварии». Эммет представил себе, как завоют сирены, едва он коснется двери.

— Плевать, — сказала Луиза и толкнула дверь.

Сирены не завыли. Эммет с Луизой проскользнули в суматоху главного корпуса больницы и затерялись среди врачей и медсестер, пациентов на каталках и курьеров с букетами цветов и воздушными шарами. Луиза взяла Эммета за руку, беззаботно качая их сцепленными руками, точно влюбленные на прогулке. Весело болтая, она остановилась у сувенирного магазинчика и восхищенно посмотрела на игральные карты, оловянных солдатиков и мягкие игрушки, свисающие с веток пластмассового дерева у кассы. Возле вращающейся двери Луиза улыбнулась охраннику за стойкой. У порога сильно сжала руку Эммета, почти поволокла его за собой.

— Совсем чуть-чуть осталось, — шепотом успокаивала она. — Совсем чуть-чуть.

Она потянула его в первый отсек двери — он

показался Эммету стеклянным гробом. Луиза толкнула его вперед. Эммет провернулся вместе с дверью и оказался снаружи, на мощеном тротуаре.

Луиза семенила позади Эммета, стуча каблуками, весело смеялась и полной грудью вдыхала воздух.

— Мы на свободе, на свободе, на свободе, — пела она. Потом обернулась к солнцу и заморгала, как ящерица, вылезшая из тени. — О! — Она оглянулась вокруг, глубоко дыша. — О, аж голова закружилась, а у тебя?

Эммет еще ни разу в жизни не оказывался в ситуации, когда ему некуда возвращаться. У него всегда был дом. Даже за границей и в незнакомых городах он первым делом снимал номер в отеле. Всякий раз, приезжая туда, он складывал одежду в тумбочку, как дома, и расставлял фотографии на подоконнике. Чемоданы Эммет убирал с глаз подальше. Гуляя по улицам, он время от времени мысленно воссоздавал очертания своих вещей, и они охраняли его и сдерживали, как поводок. А теперь, с Луизой, он мог идти куда угодно, неприкаянный: оба свободны, как парашютисты, выпрыгнувшие с самолета.

«У нас должен быть пункт назначения», — по-

думал Эммет, глядя на уличные кварталы, что тянулись к автотрассе и реке. Он спиной чувствовал тень больницы, осязаемую, как шепот, зовущий обратно. Эммет представил себе одежду в чулане, открытку, пришпиленную к стене, обувь, аккуратно расставленную на полу. Их никто не искал, поблизости — ни медсестры, ни охранника. Кроме уборщицы, никто не видел, как они выходили. Побег был настолько легким, что, казалось, произошел помимо их воли. Эммет ожидал, что будет прорываться сквозь закрытые двери и решетки, часами прятаться под лестницами и столами в пустых кабинетах. Но они исчезли из отделения, как сказочные джинны в клубах цветного дыма.

Ветер гонял по улицам клубы пыли, точно шрапнель. Всюду сновали люди, то тут, то там тормозили фургончики с газетами и продуктами в картонных коробках. На тротуаре напротив больницы из машины выгружали запакованные медикаменты. Мимо проносились мальчишки на велосипедах. Мужчины, реже дети выпрашивали у прохожих мелочь. Шум города усиливался, но он был ничто в сравнении с голосом Луизы. На улице ее голос казался стократ мощнее, чем в отделении, будто его глушил больничный потолок.

Сейчас же голос разносился под открытым небом свободно, точно крик в горах.

— Куда мы идем? — визжала Луиза. — А теперь куда? — Она не отпускала его руку.

«Направо или налево?» — подумал Эммет, заново ловя забытый ритм улицы под ногами. Он невольно повел ее на запад, к своей бывшей квартире, но на углу замер. Там ведь им ничего не светит.

— Нужно уйти отсюда подальше, — почти прошептал Эммет, надеясь, что и Луиза понизит голос по его примеру.

— Что? — закричала она. — Куда?

Эммет чувствовал себя проводником. Луиза топала за ним на высоченных каблуках, сумочка позвякивала драгоценными мелочами. Луиза остановилась на тротуаре и купила сосиску с горчицей, запачкав пальцы и нарумяненное лицо.

Эммет отошел, увидев газетные заголовки на стенде. Ему так хотелось кинуть монетку в автомат, снова прикоснуться к хрустящим уголкам секции городских новостей. Измазать пальцы типографской краской. Но Эммет побоялся тратить деньги. Новости подождут, пока они с Луизой где-нибудь обоснуются.

Проходя мимо обшарпанных и подозритель-

ных зданий, мимо переполненных мусорных контейнеров и пожарного гидранта, из которого в водосточный желоб капала вода, он успокаивал себя, повторяя заветные цифры: «702-А… 357-С… 509-4». Вспоминались они легко, будто речь, и Эммет радовался. Он не забыл.

В метро они сели на жесткую оранжевую скамью. На каждой станции люди входили и садились где угодно, только не рядом с Эмметом и Луизой. Эммет прижал локти к бокам и скрестил лодыжки, чтобы занимать как можно меньше места, но, как ни старался, никто не садился рядом. Пассажиры стояли, держась за металлические кольца, которые размеренно покачивались в такт поезду. Они то придвигались ближе, то отходили, туда-сюда, туда-сюда, и скоро между ними исчезли все просветы. Эммет чувствовал, что его избегают. Как он сам не решился бы сесть рядом со спящим, растянувшимся во весь рост вшивым бомжом.

— Есть хочу, — громко объявила Луиза, — есть еда у кого-нибудь? — Она причмокнула.

Из-под рукава Эммета на запястье соскользнул пластиковый именной браслет. Взгляды всех пассажиров вперились в него. Эммет небрежно покрутил браслет, будто простое украшение, и

демонстративно натянул его на манжету, стараясь казаться беспечным. Он лизнул палец и потер желтое пятно у Луизы на щеке. Она нетерпеливо забарабанила каблуками по дну сиденья, грохоча на весь вагон.

— Пошли, — заторопилась она, когда поезд дернулся между станциями. — Я хочу ехать в первом вагоне, там огни видно. — И она потащила Эммета через внутренние двери вагонов, на которых везде были знаки, запрещающие переход. Всякий раз, когда они выходили из этих дверей, люди в вагоне привставали, ожидая увидеть банду вооруженных преступников.

В первом вагоне Луиза остановилась, зачарованно глядя на мелькающие в свете фар Серые тени тоннеля. Эммет читал о людях и даже о крокодилах, годами живущих в подземном городе, но сейчас видел только семейки крыс, резво шмыгающих вдоль рельсов.

— Надень очки, — буркнул Эммет, когда поезд подъехал к автобусной остановке. Потом сам надел Луизе очки, висящие у нее на груди на цепочке.

— Есть жвачка? — спросила Луиза женщину, собравшуюся выходить. — Эй, дама, у вас есть жвачка?

Эммет потянул Луизу за собой, обходя бродягу, дремлющего на самодельной кровати из газет. Вены на лодыжках этого человека так потемнели и распухли, что казались насекомыми, живущими собственной жизнью под его кожей.

— Мне нужно подкраситься, — заявила Луиза, когда они вошли в зал ожидания, похожий на пещеру. Эммет направился в туалет. У длинного, во всю стену, зеркала стояли несколько мужчин. Один чистил зубы, другой брился, медленно и целенаправленно, как дома, размазывая пену по щекам. К дальней стене прислонился старик в одном белье — он пытался надеть грязный бурый носок. Эммет встал подальше от зеркала и пригладил волосы. Он вспомнил о мыле в кармане и о том, что ему нужно купить новую зубную щетку. Эммету было стыдно приводить себя в порядок на глазах у людей. Он вошел в кабинку и закрылся. Расстегнул свою многочисленную одежду. Заметил два старых черных башмака. В щель за ним следили два глаза, как будто Эммет был стриптизером, одну за другой сбрасывающим вещи.

«Полиция решит, что я извращенец», — забеспокоился Эммет, быстро укладывая одежду в пакет. Мужчина в черных ботинках вышел за

ним на улицу. Эммет увидел свеженакрашенную Луизу, облизывающую ярко-красное итальянское мороженое. Чтобы отбиться от преследователя, Эммет подарил ей нежный поцелуй. Мужчина свернул в другую сторону.

— Что это с тобой, настроение поднялось? — сказала Луиза. — Хочешь лизнуть?

Она поднесла липкий картонный стаканчик к его губам. Фруктовая капля расползлась по языку.

В зале ожидания Эммет рассмотрел карту маршрутов на стене. «Куда же мы поедем?» — Он представил себе атлас, в котором были сотни городов, деревень и поселков. Он не понимал, как можно так запросто приехать в чужой город и устроить там себе дом. Обычно Эммет уезжал с какой-то целью — или его кто-то увозил. Без советчика он ничего не мог решить.

У кассы на стене он увидел голубой экран с расписанием движения автобусов.

— А что, если мы выберем город, который будет в первой строчке? Это будет наш дом, — сказал он.

— Мне все равно, — сказала Луиза и сунула нос в картонный стаканчик.

Они оба подняли глаза на экран и в первой

строке прочли слово, написанное белыми буквами: «Канандайгуа». Эммет надеялся, что это где-то далеко, в другом штате. Он произнес слово по слогам. Потом еще раз, быстрее, еще и еще, пока язык не начал заплетаться. Он повернулся к Луизе и мягко, словно ласковое прозвище, повторил это слово ей на ухо.

— Как я буду жить в городе, у которого название не выговоришь? — захныкала Луиза, но Эммет решил, что судьбу искушать не стоит, и если они передумают и выберут другой город, из второй или третьей строки, то проворонят свой шанс и навлекут на себя несчастье.

— Нет, мы уже договорились, — уверенно ответил он и пошел к кассе. Билеты в один конец стоили двадцать семь долларов. Канандайгуа не так уж далеко.

Автобус отходил только вечером, и, пока они его ждали, Эммет бесился, глядя, как Луиза один за другим поглощает огромные стаканы газировки. Она пропивала их деньги. Эммет следил за каждым глотком, волной проникающим в ее горло, точно палец в кожаную перчатку. Чтобы подать ей пример, он вернулся в туалет, попил воды из крана и не стал вытирать лицо — пусть оценит его бережливость. Луиза вытерла его

подбородок рукавом.

— Будешь пить из крана, подхватишь микробов. Надо за тобой последить. Дай доллар на конфету.

У автобуса Луиза протолкнулась вперед без очереди. Люди невольно пропускали ее, как обычно случается, если в толпе возникает диковатый и невоспитанный человек. Эммет встал в конце очереди, но Луиза принялась звать его и никому не давала пройти, пока Эммет к ней не присоединился. Бормоча извинения, он забрался в автобус под ненавидящими взглядами пассажиров.

Луиза взгромоздилась на переднее сиденье и стала раскладывать на коленях все, что было в ее сумочке. Модные журналы, брошюрки с кроссвордами, пластинки жвачки, пудру, два карандашика помады и йогурт с одноразовой ложечкой. Эммет поставил себе в ноги пакет с одеждой.

Водитель въехал на эстакаду, потом в паутину пустынных улиц на окраине города. Эммет попытался расслабиться. Автобус промчался сквозь тоннель, проехал под рекой, через мосты, мимо станций оплаты за дорогу, и наконец вылетел на автостраду. Эммет представил, как эти колеса увозят их все дальше и дальше. Он уже несколько

лет не выезжал из города. Он не знал, можно ли оставить прошлое позади так буквально, но сейчас, сидя в мягком кресле, он видел, как силуэт города на фоне неба уменьшается, начинает казаться игрушечным, потом даже меньше фотографии. А потом пропадает совсем.

Луиза толкнула его локтем в бок.

— Ну, придумай, как по-другому сказать «сморщиваться»?

— Не знаю. Ну, сжиматься? Стареть? Усыхать?

— Нет, там должна быть буква «з», если я ничего не напутала. А есть такое слово: «озура»? — Луиза перегнулась через спинку кресла и сунула кроссворд в лицо женщине с ребенком, сидящей позади. — Слыхали когда-нибудь об озуре? А про анахоризм? На что-то ведь похоже, правда? Ой, тут еще должно быть «н» в середине.

Женщина прижала ребенка к груди и покачала головой. Эммет потянул Луизу за рукав.

— Сядь, пожалуйста.

Стемнело. Деревья вдоль дороги погрузились в темноту, и только на дороге горела флуоресцентная разметка. От встречных машин остались одни фары.

Луиза оторвалась от книги и озабоченно посмотрела на дорогу.

— Почему он не включает дальний свет? Я буду нервничать, если он не включит дальний свет. Скажи ему.

— Что сказать?

— Скажи водителю, что мы хотим дальний свет.

Машины неслись им навстречу сплошным потоком.

— Но он не может включить дальний свет. Фары будут ослеплять водителей на встречных машинах, — шепнул ей Эммет.

— Но иначе я не вижу дорогу, — заныла она. — Без них автобус не сможет ехать. Я всегда их включаю, и днем и ночью. Это святое. — Она с отвращением огляделась. — Вообще ненавижу автобусы. Были бы деньги, взяли бы легковушку напрокат.

Эммет пытался придумать, чем ее отвлечь. Он заглянул в незаполненный кроссворд.

— Как по-другому сказать «грабить»? — спросил он.

— Скажи ему про фары! — завизжала Луиза. — Я хочу, чтобы ты сказал.

Эммет почувствовал, как водитель сбавил скорость, спускаясь по наклонной дороге. Его глаза в зеркале, угрожающе поблескивая, смотрели

на них.

— Пожалуйста, прекрати, — буркнул Эммет. Ему не хотелось, чтобы их высадили на полпути. Хотя Эммет никогда не бывал в Канандайгуа, он уже стремился туда, словно этот город был его родиной.

— Что прекратить? — крикнула Луиза. — Ты о чем? Я просто хочу дальний свет!

И тут, словно по волшебству, автобус въехал на холм, с которого стало видно, что внизу на спуске нет ни одной встречной машины. Эммет услышал щелчок, и дорогу залило голубоватым светом. На приборной панели водителя загорелся голубой огонек.

— Видал! — обрадовалась Луиза. — Он был не против. Надо было всего лишь попросить. Что с тобой вообще такое?

Теперь всякий раз, когда на дороге появлялась встречная машина и водитель переключал фары, Эммет старался отвлечь Луизу разговорами, с восхищением бросаясь рассматривать ее журналы.

— Тебе бы это было очень к лицу, — говорил он, указывая на узкое шелковое платье. Он сосредоточенно вглядывался в кроссворды, соображая, как исправить Луизины ошибки.

В конце концов она уснула. Автобус свернул с

магистрали и теперь делал остановки в маленьких городках и деревнях. В самых маленьких селениях автостанций не было, только знаки на главных улицах, у которых стояли люди с мешками и сумками, набитыми едой. Каждый раз, прежде чем остановить автобус, водитель тихо объявлял незнакомые названия. Эммет не знал, где они и сколько еще ехать до их Канандайгуа. Он боялся заснуть и проехать остановку и потому изо всех сил вслушивался в голос водителя.

Луиза тихонько похрапывала, как щенок, прижав ухо к металлической оконной раме. Во сне ее напряженное лицо, весь день казавшееся почти незнакомым, разгладилось. Чтобы успокоиться, Эммет считал мили на дорожных знаках, а когда автобус погружался в темноту, лихорадочно перечислял в уме все, что им с Луизой понадобится, чтобы начать новую жизнь. Не только дом, все остальное тоже: кровати, одеяла, подушки, постельное белье, столы, стулья, лампы. Нужна не только еда три раза в день, но и тарелки, кастрюли, чашки, соусницы, ложки, вилки, ножи, стаканы. Им нужны рекомендательные письма, паспорта и договор о трудоустройстве, чтобы завести банковский счет. Деньги, чтобы платить за электричество и телефон, какой-нибудь транс-

порт. А чтобы ходить на работу, нужна одежда. И какие-нибудь навыки. Чтобы общество не отвернулось от них, им нужно завоевать доверие, чего Эммет никогда не умел делать, а с Луизой это и вовсе казалось невозможным.

Когда автобус останавливался, Эммету отчаянно хотелось оставить ее здесь, встать, смешаться с выходящими пассажирами и затеряться в темноте. На каждой новой остановке он поднимал пакет на колени и готовился к выходу, стараясь не разбудить спящую Луизу. Убежать легко. Но каждый раз он медлил, и двери закрывались.

Эммет положил Луизе руку на бедро, надеясь, что между ними проскочит какая-нибудь искра. Он чувствовал, что связан с ней, но не мог понять, что именно их связывает. Он хотел, чтобы нечто серьезное и большое удерживало его и не давало уйти. Желание защитить, любовь. Но ничего такого не было. Только лицо Луизы, которая проснется в одиночестве, удерживало его на месте.

Через шесть часов они подъехали к автозаправочной станции. Водитель четко и внятно объявил: «Канандайгуа». Эммет смотрел, как пассажиры встают и собираются у выхода. Он ждал, исступленно молясь о том, чтобы в автобусе

оказался кто-нибудь знакомый, чтобы дальний родственник пришел встретить их и проводить домой. Закралось даже несмелое желание увидеть человека в белом халате, готового схватить их и объявить, что путешествию конец.

Из автобуса вышел последний пассажир. Эммет услышал, как водитель заводит мотор.

— Луиза… Луиза. — Он потряс ее за плечи. Она сонно зашевелилась. — Мы дома.

— Дома? — спросонок ее голос был хриплова-тым.

— Мы приехали. — Эммет помог ей собрать вещи в сумку. Взял свой пакет. Затаил дыхание. Обнял Луизу одной рукой за шею, и они вдвоем спустились со ступенек и вышли в ночь.

5

Все пассажиры быстро разбрелись и разъехались, оставив Эммета с Луизой одних на остановке, где был только таксиста, который спал в машине, надвинув кепку на глаза. Эммету хотелось разбудить его и попросить отвезти их в какую-нибудь недорогую гостиницу, но он побоялся, что, интересуясь ночлегом так поздно, они с Луизой покажутся подозрительными. Он посмотрел на часы. 12.07. Автобус отвез их в новый день. Эммет вздохнул с облегчением. Теперь, вспоминая побег, можно говорить себе: «Это было вчера».

Они обошли городок по спирали, постепенно отдаляясь от центра, до самых дальних переулков. Они заглядывали в окна аптеки, почты, к мяснику, на склад. Подолгу рассматривали витрины бесчисленных антикварных магазинов и бутиков. Представляли, как темные офисы утром наполнятся людьми, а через несколько месяцев эти люди будут здороваться с ними, называя их по именам. Разглядывая одежду на манекенах, они представляли, как наденут ее, собираясь к друзьям на вечеринку. Мысленно переставляли

мебель к себе в новый дом, развешивали картины и расставляли безделушки. В буфете столовой решили разместить набор голубых стаканов ручной работы. Некоторые районы показались им слишком шумными, другие вполне подходили. А в одном живописном уголке им встретился одноэтажный домик, спрятавшийся в тени дубов, и оба решили, что он будет их мечтой.

За кухонными занавесками в окне дома они увидели мужчину и женщину в халатах. Те разговаривали через стол: две пустые чашки, чайник и две тарелки с остатками еды. Времени — три часа ночи. Женщина потянулась через стол и погладила мужчину по голове. Тот прижал ее руку к своей щеке.

— Мы тоже скоро так будем, — уверенно шепнула Луиза, когда они уходили через кусты, и пожала ему руку.

Эммет не ответил. Но пока они шли вдоль проезжей части и осматривали окрестности, он вспоминал, как часто мечтал о такой близости, которой они только что стали свидетелями. Он хранил эту мечту и надеялся, что она осуществится, едва наладится жизнь. Отправляясь в отпуск с родственниками, Эммет часто задавался вопросом, станет ли он похожим на них, когда заведет

собственную семью. Но он терял покой, когда кузены рассказывали об успехах своих детей, о поездках за границу, о спортивных соревнованиях, на которые они ходили, о фильмах, которые видели, и книгах, которые читали. О том, как они ходили в церковь по воскресеньям, и о том, как влюблялись и разводились. Каждодневные домашние дела казались ему баррикадами, на которых человек обороняется от хаоса. Он не принял бы их, как другие, смирившись с тем, что ни на что лучше и надеяться не стоит.

Эммет уже давно не соприкасался с чужой жизнью. Он разучился распознавать человеческие эмоции, потому что знал только одно всепоглощающее чувство — страх. Возможно, он умел испытывать что-то еще, но не знал об этом, потому что потерял все ориентиры. Глядя на Луизу, которая шагала впереди, он пытался вспомнить, как случилось, что именно она стала его единственным в мире компаньоном. Может быть, когда-то он оступился, выбрал неверный путь, который так его изменил. Он мечтал о покое, но не знал, до какой степени сердце его нуждается в трагедии, словно тревога — единственное топливо, что поддерживало в нем жизнь.

Но всю ночь, гуляя с Луизой по городу, он пы-

тался с головой уйти в мечты о новой жизни. Он не позволял себе думать о том, что увиденная ими жизнь недосягаема. Он внушал себе, что ночь перенесет их на месяцы вперед и все мечты сбудутся.

Утром они добрели до палаточного лагеря на окраине, где можно было взять палатку напрокат.

— У нас медовый месяц, — сообщил Эммет администратору лагеря, заполняя анкету. Он записал туда имена: Линдер Фельпс и его жена Роза.

— Роза? — сморщилась Луиза, когда Эммет вернулся к ней с двумя полотенцами и чеком. — Но я не хочу быть Розой. Я буду Сюзанной.

— Мне пришлось срочно выбирать, — сказал Эммет.

— Ненавижу это имя. Звучит, как имя чьей-то тетушки.

— Но уже ничего не изменишь. Так в анкете записано. Между прочим, хорошее имя. Как цветок. Как весна. Как начало.

— Ну да, посреди зимы, — сказала Луиза, направляясь к туалетным кабинкам, расположенным у входа в лагерь.

Чтобы ее задобрить, Эммет предложил позав-

тракать в местной столовой. Луиза и правда оживилась, когда официантка положила перед ними трехстраничное меню.

Эммет заказал французский тост. Луиза внимательно изучила написанный от руки список фирменных специальных блюд и закричала:

— Подозреваю, что блины с голубикой должны быть ничего себе. Ну-ка, поглядим. Да, и деревенские колбаски, и два яйца-пашот, и клубничный коктейль. Вы добавляете туда солод? Пшеничный тост с маслом, и только попробуйте мне подсунуть маргарин. Я по запаху учую.

— Это все? — спросила официантка. Эммет заметил, как она подняла выщипанную бровь и переглянулась с поваром, наблюдающим из-за стойки.

— Может, еще томатный сок и эту… плюшку с сыром. Если только она свежая. — Луиза жадно потерла руки.

Когда принесли еду, над столом повисли мясные запахи вперемешку со сладкими, и у Эммета застрял комок в горле. Луиза тем временем разрезала яйца и колбасу вилкой. Щедро намазала тост маслом вместе с петрушкой, лежащей у края блюдца. Облила блины шоколадным сиропом, насыпала в коктейль сахара и размешала пласт-

массовой трубочкой. Ее завтрак превратился в буйство красок: голубые, розовые, желтые и коричневые, плюс реки растаявшего масла и жира.

— Мммм, вкусно, — причмокивала Луиза, отправляя в рот вилку за вилкой. Петрушка застряла у нее в зубах, словно клочки свежескошенной травы. — Супер, вкуснятина. — В ее устах это звучало как заклинание. Она то и дело смачно откашливалась, будто заглатывала устриц. — Класс.

Эммет сосредоточился на своей тарелке. Воткнув нож в булку, он увидел, как треснула корочка и под ней появилась сероватая мякоть, похожая на плоть какого-то морского животного. Квадратики масла напоминали потускневшую пластмассу. «Это еда, — внушал он себе. — Все продукты натуральные». Эммет попытался представить свежие яйца, этим же утром найденные в теплой соломе, горячий хлеб, только что вынутый из печки и завернутый в целлофановый пакет, масло, сбитое из свежих сливок в маслобойке. Но все равно запахи еды вызывали тошноту. Он сильно захотел пить и попросил официантку принести воды, как утопающий умоляет о помощи.

Она принесла воду в голубых пластмассовых кружках с толстыми ободками.

— Я не могу пить воду из непрозрачных стаканов, — сказал Эммет, с вожделением глядя на стойку бара, где на полках пылились прозрачные стеклянные бокалы.

— Не привередничай, — сказала Луиза. — Пей давай. — С ее губы свисала липкая капля сиропа. Луиза заказала еще один коктейль, осушила стакан через соломинку, хлюпнув, словно воду в трубу засосало.

Эммет отодвинул тарелку. Чтобы спастись от жирных испарений, он прикрыл левой рукой рот и незаметно закрыл одну ноздрю большим пальцем. Он вынул из кармана записную книжку и записал все, что они заказали, каждое блюдо. Он сверился с меню, выяснил, включен ли тост и нужно ли платить за вторую чашку кофе. Перечислив все яды, которые они съели, Эммет вычел их стоимость из суммы, которой они располагали. В правом верхнем углу листка записал сумму, оставшуюся в кошельке.

— Пора начать экономить, — объявил Эммет.

— Зря ты беспокоишься. Мы же скоро найдем работу. — Луиза обнадежила его улыбкой. Ее передние зубы стали кроваво-красными от ягод.

В свободных мешковатых штанах Эммет чувствовал себя пугалом. Его руки болтались, как

плети.

— Но кому мы нужны, чтобы нас нанимать?

— Не будь таким пессимистом. Какую захочешь, такую работу и найдешь. Главное верить. — Она побарабанила пальцами по столу. — Верить. Верить. Верить.

— Тшшш, — зашипел он. — Нам нужно список составить, точно знать, что нам нужно и что мы умеем делать.

— Мы можем делать что угодно. Есть, когда захотим, спать и веселиться, когда захотим. Можем выбирать! — Казалось, она выкрикивает каждое слово в громкоговоритель. — Все или ничего. Все или ничего. Что хотим, то и делаем. — Она поскребла ложкой о скатерть.

Эммет не хотел делать что угодно. Ему хотелось чего-то конкретного, чтобы вокруг каждого дня выстроились рамки. Свобода его мучила.

— Что-то еще желаете? — спросила официантка и швырнула счет на стол, будто повестку в суд. Эммет дал ей большие чаевые, чтобы она запомнила его щедрость. Оставшиеся в кармане деньги казались легкими, как пух.

После завтрака они поработали. Орудуя туфлями Луизы, вбили в землю колышки для палатки. Вместе с палаткой в прокате выдавали несколько

покрытых сажей камней для костра и складной столик со скамеечкой. Эммет собрал глины у реки и залатал длинную щель в складном столике. Повесил пакет за палаткой, чтобы складывать мусор. Намочил полотенце под ручным умывальником и аккуратно вытер пол в палатке. Они набрали хвороста в лесу и сложили в поленницу: толстые палки снизу, веточки сверху. Одеял у них не было, а вместо матраца они сложили на полу лишнюю одежду в форме человеческих тел. В качестве подушки Эммет решил использовать сложенные джинсы. Двое в палатке еле умещались лежа. Распрямить спину можно было, только стоя на коленях.

Они купили в городе алюминиевую кастрюлю, три пакета морковки, десять фунтов картофеля и пластиковый цилиндрик морской соли. На распродаже нашли коробку пластмассовых ножей, ложек и вилок и две оставшиеся с Хеллоуина пачки бумажных тарелок и салфеток, украшенных нарисованными оранжевыми гоблинами и черными ведьмами.

Эммет заметил, что, когда они с Луизой шествовали с покупками по тротуарам, люди вокруг умолкали. То же самое случалось и в магазинах, как только они входили. Луиза вертелась,

комментируя все, что попадалось им на глаза, не догадываясь о собственной чуждости. Она приветствовала покупателей, расспрашивала продавцов о семьях, будто не замечая, что те не хотят отвечать. Эммет чувствовал себя так, словно тащит на плече труп.

Никто им не был рад. В лагере, кроме них и хозяина, жила только компания охотников на оленей, разодетых в робы цвета древесной коры и вечнозеленых растений.

В первый же вечер Эммет решил сам приготовить ужин. Он разложил на столе бумажные тарелки, на сложенные салфетки поместил вилки. Пластмассовым ножом соскреб кожицу с морковки и картофеля. Потом нарезал овощи кубиками и побросал в кастрюлю. Сложил пирамидку из дров, натолкав между ними бумаги, а потом двадцать минут тер гнутые палки одну о другую, как учили у скаутов, но искру так и не высек.

Напротив их палатки трещал огромный, в три фута, костер. Охотники готовили оленя на вертеле. Освежеванная туша блестела и сочилась в языках пламени. Сначала Эммет хотел подойти к ним с веточкой и одолжить огня, но, понаблюдав, как охотники орудуют ножами, решил, что они

исполняют какой-то секретный ритуал. Он будет нервничать и навлечет на себя их подозрения. Даже если они уже видели их с Луизой, он не хотел лишний раз напоминать им, что поблизости живут безоружные.

Эммет одолжил коробок спичек у директора палаточного лагеря. Бумага и ветки горели, но вода не закипала. Он не стал делать костер слишком большим — боялся, что потом с ним не справится. Очаг был всего в двух футах от палатки. Эммет прождал час, ветки превратились в пепел, над кастрюлей стоял пар, но температура была не выше, чем в водопроводной трубе. Луиза, поглощенная своим отражением в зеркальце пудреницы, не замечала его стараний. Она слой за слоем наносила на лицо косметику, время от времени поглядывая на убывающую луну, словно упрекая ее за то, что та недостаточно ярко светит.

Занимаясь костром, Эммет притворялся, что он дома, готовит морковь в соковыжималке и еду для собаки. Температура на улице — около двух ниже нуля. Даже вытянув руки над кастрюлей, он почти не чувствовал пара. Эммет подумал о грядущих месяцах: декабрь превратится в январь, и наступят самые холодные дни в году. Никакого обогрева. А у них и зимней одежды-то нет.

И перчаток. Они и дня не прожили в лагере, но уже стало понятно, что долго так продолжаться не может.

Он выудил еду ложкой на тарелки. Посыпал морской солью, так сильно, что овощи покрылись коркой кристалликов. Они ели молча, и в этом молчании были обида и упрек, отчего Эммету делалось холоднее, чем от ветра. Он помнил это чувство с детства, когда за обедом слышал через стол резкие вздохи родителей.

Луиза ела быстро, словно опаздывала на свидание. Закончив, сложила тарелку вдвое и залезла в палатку. Эммет помыл кастрюлю под краном. Потом вымыл пластмассовые приборы и сложил обратно в коробку. Унес грязные тарелки в дальний конец лагеря и бросил в выгребную яму. В палатке он долго дрожал, лежа в куче одежды. Когда температура еще понизилась, они, засыпая, придвинулись ближе и обнялись, но без чувства — так замерзший человек кутается в одеяло.

Три дня Эммет бродил по округе в поисках работы. Он Побывал в местном гастрономе, в редакции газеты, в антикварном магазине. Ему везде отказали. Он ходил от дома к дому и предлагал свою помощь: подобрать оставшиеся осенние листья, срезать сухие ветки у деревьев, убирать

снег. Беседуя с людьми, Эммет боролся с дрожью в голосе. Он обезоруживающе улыбался и прятал трясущиеся руки в задние карманы брюк.

Возвращаясь в лагерь, он неизменно находил Луизу дремлющей в палатке, там же, где оставлял ее, уходя. Он заползал в палатку, Луиза приподнималась на локте и говорила одно и то же:

— Не беспокойся, скоро что-нибудь произойдет. — И снова засыпала.

Она отказывалась есть. Проснувшись на второй день, Эммет обнаружил, что из его брюк исчезли четыре доллара. Он сверился с записями и убедился, что не ошибся. Ночью, когда Луиза уснула, он закопал деньги под деревом и пометил это место веткой, точно на временное захоронение. В кармане он оставил один свернутый доллар.

Эммет не мог положиться на Луизу. Сидя целыми днями в палатке, она не понимала, что, куда бы он ни шел, все обращалось против него, и этот город ничем не отличался от того, откуда они приехали. Когда надежда почти покинула Эммета, он сказал себе: «Вообрази, что вы пионеры». И он представил, что их окружает дикая природа Запада, и они с Луизой — первые поселенцы на этой земле, приехали в крытом фургоне и очертили себе участок земли, чтобы на нем обосноваться.

Он старался мысленно сконцентрироваться на этом клочке земли, но перед глазами были только одинокие палатки, колеблющиеся на ветру, остатки оленьей туши на земле и темные очертания города на горизонте. Мир вокруг уже давно создан и заселен. Единственный способ выжить — удачно устроиться в, готовом мире, но Эммету никак не удавалось проникнуть туда.

Он отчаялся найти работу. У них не оставалось денег, чтобы уехать обратно, разве что автостопом, но Эммет боялся выйти на дорогу, отдавшись на милость незнакомцам. Можно позвонить брату и попроситься пожить у него, но Эммет боялся так безнадежно тонуть в прошлом. Он знал, что дверь Джонатана захлопнется за ним, точно за узником, условно отпущенным на волю, или безнадежным пациентом, отправленным домой умирать. Оттуда бежать некуда. Но здесь, даже если они с Луизой совсем перестанут есть, Эммет сможет платить за палатку не дольше двух недель.

На четвертый день пошел дождь. Они оба не выходили наружу. Дождь стучал по палатке так сильно, словно кто-то с неба швырял гвозди. Сначала палатка казалась им надежной защитой. Они сидели, уткнувшись в окошки из москитной

сетки, и дождевые капли, разбивались об их носы. Но когда гроза набрала силу, вода стала просачиваться сквозь потрепанную ткань, в которую упирался центральный шест. Они прижались друг к другу, пригибаясь от каждой капли, и палатка съеживалась вокруг них.

Эммет разобрал подушки из брюк и свитеров и подвесил их на гвоздь у потолка, чтобы на полу не собирались лужи, но вода тут же потекла по рукавам и брючинам. Деревья снаружи поначалу шуршали, как кринолины, потом зашумели, как клубки змей.

— Еще ночь впереди, на хрен, — сказала Луиза, прижимая к груди колени, будто сведенные судорогой.

— Это всего лишь дождь, — солгал Эммет, прекрасно понимая, что скоро темнота обнажит самое ужасное, что есть в его душе. Он почувствовал запах Луизиного немытого тела и отпрянул, словно оно заразное.

Палатка колыхалась и хлопала. Колышки давно раскачались.

— Брррр, — бормотала Луиза так, будто слишком быстро бежала и сама себя пыталась остановить. Эммет ухватил рукой край палатки и прижал его к земле. — Брррр.

Луиза подобралась поближе и погладила Эммета по плоскому бицепсу, бесстрастно, точно трогая скульптуру.

— Если сейчас на палатку упадет дерево и придавит меня, ты сможешь меня освободить? Как эти женщины, когда у них ребенка сбивает машина, и они в шоке хватают ее за бампер и поднимают?

— Я постараюсь, — сказал Эммет, представляя себе, как дождь заливает ему глаза, а он борется с непомерно тяжелым деревом. Он видел, что ветви не отрываются от земли.

— Нет, стараться мало. Тебе нужно просто подбежать и схватить его. Если остановишься подумать — мне крышка. Если ты докажешь мне, что сможешь, я, может, перестану бояться и усну.

Эммет знал, что сна все равно не будет. В спину врезалась галька. Куда ни повернись, кругом лужи. Вода стекала к палатке с холма и подмывала ее, как лодку.

— Ты плавать умеешь? — спросила Луиза.

— Немного, но так и не научился поднимать голову над водой, чтобы дышать. Так что я задерживаю дыхание, пока могу, и потом сдаюсь.

— А если река выйдет из берегов и меня смоет

волной, ты как, прыгнешь меня спасать? Ты ведь не станешь ждать полицию, а просто сделаешь это, не раздумывая, правда?

Эммет не знал, почему Луиза решила, что именно она попадет в беду, а он нет, и у него будет шанс броситься ей на помощь. Он не хотел быть спасателем — плыть против течения и хватать утопающего за руку. Он хотел бы сам протянуть руку из воды и почувствовать, как сильный пловец вытаскивает его на берег.

Воздух застыл от холода. Эммет слышал, как Луиза вертится на влажном полу. Даже в темноте он видел, как паром поднимается его дыхание.

— Я хочу знать, — настаивала Луиза.

— Да, я прыгну в воду, — сказал он, представляя себе их тела, подхваченные пенистым течением. Он погладил Луизу по мокрому рукаву. Ткань была скользкая. Перед глазами у Эммета возникла больница с чистыми простынями и шерстяным одеялом, сложенным на кровати. Надо было освобождаться постепенно, как в холодную воду входить, шаг за шагом, пока не привыкнет.

— У нас не получилось, да? — сказала она тем же тоном, как в первый день, когда они познакомились.

— Не знаю, — уклончиво отозвался Эммет. Он

не хотел первым предлагать ей вернуться.

— Нам от этого не избавиться, да? Не знаю, как ты, а я не могу, а может, и не хочу. Я тогда не врала, я действительно хотела убежать. Но теперь, когда мы здесь, мне кажется, я ни дня не могу нормально прожить. Ты ведь не обвиняешь меня, правда? Ведь так всегда бывает, когда сидишь взаперти, просто жутко хочется, чтобы ветер в лицо, как будто без этого дышать не сможешь. Но я и тут задыхаюсь. Или я не стараюсь, или у меня воображения не хватает ни на что хорошее. Я хочу побыть тут, выяснить, кто будет следующим президентом, и кто умрет знаменитым, и кто куда сбросит бомбу, и растают ли ледники, и взорвутся ли планеты, и Я хочу знать, что случится с такими людьми, как ты. По сути, я хочу знать, кто победит и кто проиграет. Но только со стороны. Как смотреть телевизор и бояться пропустить, что там дальше по программе. Я не настолько переживаю, чтобы влезть внутрь событий, быть частью этого всего, понимаешь?

Луиза поднялась на колени и посмотрела Эмметту в лицо. В темноте он разглядел только темное облако ее волос.

— Я не знаю, что с нами будет, — сказала она. — Помнишь, как-то раз, еще в психушке, ты спросил,

думают ли о чем-нибудь самоубийцы, прежде чем выброситься из окна. Может, они кому-нибудь хотят таким способом нос утереть? Вряд ли они о чем-нибудь таком думают. Скорее всего, просто переступаешь очередной порог, только за ним нет пола, а для тебя это уже не имеет значения. Ты как летящий лист бумаги, и тебя к стенам прибивает. Почти такой же тонкий. Я уже на пороге. Кто знает, может, если я буду продолжать двигаться, что-нибудь и выйдет. Но это не твое. Я не хочу, чтобы ты ушел, но сколько это все будет продолжаться? Я ведь хочу быть с тобой отчасти для того, чтобы тянуть тебя вниз. Между нами ведь ничего личного, я просто ненужный багаж, лишний груз, только жизнь тебе усложняю. Мне надо это признать. Но мы в любом случае уже в пути, и с нами уже ничего не поделаешь. Как будто бензин закончился, а ты едешь по холмистой дороге и смотришь на счетчик, который показывает, что бак пустой, и у каждого холма ты думаешь: «Ну вот, сейчас остановится». А потом ты каким-то чудом доползаешь наверх, отключаешь двигатель, чтобы просто скатиться с холма до следующего подъема, а потом слегка даешь газу, и вот ты уже на другом холме и опять скатываешься. Иногда так можно проехать

несколько миль. Или даже до заправки. Но иногда бензин все-таки кончается. И мне просто очень интересно, когда же он кончится, я ведь не знаю точно. — Она рассмеялась. — Но мы скатываемся, малыш, сейчас мы скатываемся.

Вржжж вверх. Она зарычала, как заведенный автомобиль, и запрыгала по кругу, пританцовывая на коленях, как безногий калека, выкрикивая:

— Вржжж, вржжж, вржжж! — на всю палатку, пока со смехом не повалилась на землю, рядом с Эмметом. Он отшатнулся, но здесь было слишком тесно, куда ни отодвинься, и ее руки были всего в нескольких дюймах от его тела.

— Вржжж, — рычала Луиза, стоя на четвереньках. Потом подобралась к выходу и вылезла наружу, извиваясь так, словно выползала из трубы.

Луиза трясла рукавами, и дождевые брызги разлетались во все стороны. Она бегала вокруг камней очага, махала руками, что-то бормотала на ветру, ни к кому не обращаясь.

«А как я узнаю, что все кончено?» — подумал Эммет. Однажды бабушка сказала ему, что во сне невозможно увидеть собственную смерть. Можешь видеть, как падаешь с утеса, но непре-

менно проснешься, не успев удариться о землю. Или, лежа на рельсах во сне, можно услышать гудок приближающегося поезда, почувствовать вибрацию рельсов и обязательно проснуться, прежде чем колеса раздавят твое тело.

Эммет всегда верил в эту последнюю секунду, что живет где-то в глубине его «я» и пробуждает от кошмара. Но, глядя на Луизу, мечущуюся возле домика директора лагеря, он пытался понять, что ждет их дальше, что случится утром, и ничего не приходило ему в голову.

Эммет уснул, завернувшись в ее джинсы, подложив под щеку чулок с блестками, жесткий и шершавый, как фруктовая кожура. Ему приснилось, что он едет по горному перевалу, и машина скользит на льду, ее заносит, она врезается в ограждение и летит к лощине внизу, подпрыгивая на ледяных буграх утеса. Наконец машина взлетает в воздух, весь мир перед глазами Эммета превращается в сплошное голубое небо и заснеженные вершины. Даже с пристегнутыми ремнями он чувствует, как машину крутит в воздухе: она вертится, вертится, вертится и в конце концов приземляется. Он проснулся от звука гнущейся стали и разбивающегося стекла, от чувства, что его тело вылетает в прохладный

воздух, чтобы мертвым рухнуть на острые камни на дне ущелья.

Луиза исчезла на целый день и появилась только вечером. С горящими глазами она схватила его за руки и вытащила из палатки.

— На доске объявлений около почты я прочитала про ярмарку. Там все будет: чертово колесо, клоуны, американские горки, даже тир. Я сто лет на ярмарке не была. Слушай, давай разукрасим лица и оторвемся по полной! Давай забудем обо всем этом дерьме. Пошли.

Эммет хотел обсудить план действий, решить, что им дальше предпринять, но он был так рад увидеть Луизу живой и невредимой, что не смог ей отказать. Может, ее радость предвещает новый поворот в их жизни. Он застегнул дверь палатки и закрепил ее крючками. Поставил скамейку на складной столик. Веточкой разворошил и раскидал золу от костра.

— Ну пойдем же, пойдем! — кричала Луиза. — Я хочу нестись по земле без тормозов и чтобы ничто меня не сдерживало. Я хочу летать.

Они шли по улицам, как ни в чем не бывало, будто совсем не отличались от множества других пар, стоящих в очереди у ворот ярмарки и жаждущих развлечений.

6

Одним из первых ярких воспоминаний Эммета был поход с родителями в парк развлечений. Отец купил им билеты на аттракцион, похожий на колесо, внутри которого нужно было стоять, спиной прижавшись к стенке. Когда машина разогналась, дно у колеса опустилось, а людей удерживала только сила притяжения.

— Расслабься, веселись, — успокаивал отец, когда аттракцион раскрутился со скоростью, какой Эммет никогда в жизни не испытывал. Он попробовал пошевелить ногами, но они уже как будто не были частью его тела. Он чувствовал себя так, словно его всего скрутили и склеили скотчем. Посмотрев вверх, Эммет испугался, что они отлетят рикошетом за трейлеры, те, что рядом с деревянным забором парка, или еще хуже — вылетят в бесконечные просторы галактики.

Эммет молился, чтобы все это скорее закончилось. Краем глаза он увидел, как отец пытается повернуть голову и что-то сказать. Едва отец открыл рот, ветер вырвал его зубной протез, и розовая десна с рядом белых зубов полетела прямо в механизм аттракциона. Врезавшись в шкив, зубы

разлетелись на белые осколки, которые крупной дробью вонзились в кожу. У Эммета на бедре до сих пор дюймовый шрам от одного из зубов. Летом, когда Эммет загорал, шрам всегда оставался белым. Отец закричал, чтобы аттракцион остановили, но никто ничего не понял. Без своей искусственной челюсти он шамкал, как старик. Машина продолжала крутиться, и, когда наконец остановилась, у всей семьи и нескольких незнакомцев на лицах застыли гримасы ужаса. Когда Эммет сошел на асфальт, тело еще долго не слушалось. Эммет несколько дней ничего не ел.

«Сейчас я верчусь так же быстро», — думал Эммет, когда Луиза вела его к воротам. Всюду пахло дымком от стволов пластмассовых винтовок и хлопушек. Вокруг неоновых фонарей роилась мошкара. Он услышал смех пьяных девушек, которые стояли на мостике, опасно склонившись надо рвом и ухватившись для равновесия за гирлянды, развешенные вдоль палатки. Лампочки гирлянд погрузились в воду, послышался щелчок короткого замыкания, и огни потухли. Повсюду висели клубы дыма, мерцали искры и слышались взрывы.

Луиза увела Эммета от стрельбища к дальней палатке. Ему казалось, что за их спинами

осталось минное поле, и каждый их шаг сопровождают взрывы.

В палатке они увидели компьютер с огромным стеклянным шаром в центре. Он стоял среди сложенных стульев и железных пони для карусели, завернутых в холстину, точно в саваны. Внутри стеклянного шара лежала резиновая ведьма в блестящей шляпе. Ее тело было натянуто на монитор компьютера и напоминало кусок мягкого масла. На крышке машины болталась табличка: «Моргана — Чудо-Женщина. За пятьдесят центов она предскажет ваше будущее».

Луиза сдула со стекла пыль и бросила два четвертака в щель на боку машины. Моргана ожила. Лицо ее осветилось двумя лампочками величиной со зрачок, которые зажглись позади ее глаз. Предсказательница поднялась и села, покачивая головой из стороны в сторону и в трансе прикусив язык. Ее взгляд остекленел, а резиновые губы сложились в улыбку. Приглушенный голос из микрофона, встроенного где-то глубоко внутри куклы, спросил:

— Когда вы родились?

Луиза набрала на цифровой панели дату своего рождения. Через несколько секунд полоска бумаги выползла из автомата и упала Луизе в

руку. Моргана испустила дух. Глаза ее сползли на губы, губы на подбородок, а подбородок упал на полку, словно чтение Луизиного будущего лишило Моргану сил. Луиза глянула на бумажку и рассмеялась, но, когда Эммет подошел, чтобы тоже прочитать, быстро смяла ее и положила себе под язык.

Неужели все люди, рожденные в тот же день, что и Луиза, получают от Морганы одинаковый совет, думал Эммет. Но когда Луиза набрала день рождения Эммета, Моргана съела деньги, не поднимая головы. После этого, оживляя Моргану, они окружали ее с двух сторон и прятали бумажки с предсказаниями в карманы, не читая. Эммету было наплевать, сколько денег они потратят. Они набивали Моргану мелочью, пока ее резиновая шея не натянулась до предела, а их карманы не оттопырились от пророчеств.

Луиза повела Эммета на улицу. Ночь наполнилась звуками: пением флейт, скрежетом колес обозрения и визгом поднимающихся на нем людей, звоном дроби, сбивающей в тире металлических кроликов, которые бегали вокруг акварельных деревьев. На палатке, в которой располагался тир, были развешены семейки плюшевых кроликов, которые желтыми и голубыми

горгульями пялились сверху вниз на отдыхающих. У некоторых кроликов к головам были пришиты шляпки, а к кожаным носам приклеены очки. Кролики-женщины были в передниках и с розовыми сумочками. Кролики-дети завернуты в пеленки и с рукавичками на лапах. У каждого по шесть усиков, пришитых над улыбкой.

Эммет с Луизой слонялись у этой палатки, наблюдая, как люди целятся и стреляют. Мужчина за стойкой похлопал Эммета по руке, спросил:

— Не хотите зайчишку домой? — и засмеялся, протягивая винтовку.

Луиза оттеснила Эммета, взяла винтовку, сощурилась и приставила приклад к плечу. Она выбрала первого кролика и, едва тот перевернулся, нацелилась на второго, легко пристрелив и его. Потом третьего. Луиза повернулась к Эммету с открытым ртом, словно ей не хватало воздуха, вытерла палец о ствол и снова склонилась над винтовкой. С каждым выстрелом падал один кролик, и тут же из-за нарисованных кустов появлялся другой.

Луиза застучала по прилавку, требуя боеприпасов. Кролики уже восстали из мертвых и бегали по кругу, гремя цепочкой, которая связывала всех десятерых вместе.

— Бери оружие, — сказала Луиза Эммету и бросила мужчине за стойкой еще денег.

— Достаточно, леди, вы выиграли, — нервно сказал тот, снял с палатки зеленого кролика и пошел с ним к Луизе. Кролик был такой огромный, что полностью закрывал мужчину. Эммет видел только руки, обнимающие зеленые пушистые кроличьи бока.

Луиза отказалась уступить винтовку. Она вошла в ритм и не пропускала ни одного кролика. Через несколько секунд она перестреляла их всех. Луиза облокотилась на стойку, слегка дрожащей рукой положив на нее винтовку, и стала всматриваться в черную полосу на противоположной стене палатки. До них донеслось клацанье железа, потом звук, похожий на звон монет, бросаемых в копилку, и вот кролики приготовились возобновить свои прогулки, только уже с другой стороны.

— Их не остановишь, — задыхаясь, сказала Луиза. Ее и Эммета уже окружили зрители, они подходили все ближе, стараясь получше рассмотреть Луизу, будто она уродец, выставленный на ярмарке.

— Луиза, пойдем отсюда, — тихо сказал Эммет и потянул ее за рукав.

Она вцепилась в стойку и приготовилась стрелять.

— Бери оружие, чтоб тебя. Я же одна с ними не справлюсь.

Мужчина протягивал ей кролика. Эммет отступил на два шага, почти смешавшись с толпой. Зеваки окружили его стеной своих тел. Сквозь них не пробиться.

До Эммета отовсюду доносились хихиканье и обрывки разговоров: «Жирная». «Чокнутая». «Клоун».

Луиза потерла руками глаза и размазала всю косметику, отчего лицо превратилось в разноцветную маску, будто черты растаяли.

Эммет судорожно придумывал, что сделать, как предотвратить взрыв вокруг, но чувствовал себя беспомощным, словно заклинал человека восстать из мертвых. Может, повалить Луизу на землю? Но даже если ему это удастся, как спасти ее ото всего, что случится потом — не только за воротами ярмарки, но вообще в жизни.

Луиза вскочила на деревянный ящик и окинула взглядом толпу, точно завоевательница — покоренные народы. Навела ружье на Эммета.

— Пойдем отсюда, — прошептал он, потому что больше ничего придумать не мог. — Вернемся

обратно. — Но, сказав это, Эммет представил себе, как они ловят машину, и водители шарахаются в ужасе, увидев жуткое Луизино лицо. Никто не согласится их подвезти.

Луиза выстрелила в воздух, и ее голову увенчал дымный нимб.

— Трус! — закричала она и плюнула в него. Ее лицо побелело от злости под слоем косметики. Она ерошила рукой волосы, пока они не встали дыбом.

Толпа отступила, но Эммет чувствовал, как ненависть зевак у него за спиной превратилась в какую-то твердую злую массу. «Они думают, что я такой же, как она». Он в отчаянии огляделся. Он искал сочувствующий взгляд, но в глазах людей были только отвращение и страх. Эммет чувствовал их дыхание у себя за спиной: сначала в четырех футах, потом в трех, в двух. Он услышал топот ног и звон цепей где-то недалеко, и ему показалось, что к ним приближается полиция. Еще немного, и они в ловушке.

— Уходи, Луиза, убегай! — закричал Эммет, надеясь, что ей удастся от них скрыться.

Он увидел, как вся ненависть толпы отразилась на Луизином лице, когда она сообразила, как их много. Пораженная, она посмотрела ему в глаза,

и Эммет снова закричал ей:

— Убегай, — показал на колесо обозрения, за которым кончалась территория ярмарки и начинались поля, уходящие далеко в ночь. Луиза спрыгнула с ящика, пнула кролика прямо Эммету в руки и понеслась через толпу, которая расступалась перед ней, как вода.

Люди не отрываясь смотрели на Эммета, но не попытались его схватить. Он бесцельно побрел прочь, через всю ярмарку, спрятаться от свидетелей. Кролика он волок за собой, словно подарок ребенку.

Отойдя подальше, к западу, Эммет сел у ограждения и стал смотреть на луг, куда убежала Луиза. Мир на той стороне походил на могилу, вымерший и зловещий. Если у Эммета и есть шанс найти Луизу, то лишь забравшись повыше.

Над головой у него покачивались сиденья чертова колеса. Эммет купил билет в кассе у ворот. Контролер пристегнул его ремнем к сиденью. Машина ожила и потащила Эммета выше и выше, до самого верха, чтобы потом спустить и снова поднять.

На самой высокой точке он услышал, как поскрипывает железо. Сиденья качались, как тогда, среди гор, когда они ехали с матерью по канатной

дороге. Эммет снял защитные ремни через голову и почувствовал, что плывет на сиденье.

«Представь себе, что ты прозрачный, как воздух», — подумал Эммет, вставая на ноги и чувствуя, как его треплет ветер, вот-вот поднимет и унесет в космос, словно кусок астероида. Эммет покачался влево и вправо, как пьяный, даже постоял на одной ноге, пока она не онемела.

Он не мог отогнать мысль — а что, если наклониться еще сильнее, ощутить, как тело переваливается и падает, почувствовать то, что чувствовала мать. Он вспомнил: в полицейском рапорте было написано, что она падала с высоты 269 футов за 4.21 секунды. По их расчетам, в момент падения она развила скорость 120 миль в час. А он сейчас выше, чем была она.

«Четыре секунды», — думал Эммет, поражаясь, какую скорость может набрать его тело в мгновение ока. Это была бы такая сила, какой у него никогда не было на земле.

«Четыре секунды», — снова подумал он и сосчитал до четырех. Он пришел в ужас, понимая, как это мало — четыре секунды. Как быстро человек может встретить свою смерть, почти мгновенно. Так быстро, что не успеет ни о чем пожалеть, так быстро, что ничего не почувствует, кроме самого

падения, вниз, вниз, вниз.

Эммет с размаху упал на сиденье, которое сильно закачалось в снежных облаках. Небо казалось низким и ужасным, почти частью земли. Он ощутил, как на лице тают снежинки, хрупкие, как новые клетки.

«Что увлекло ее вниз? И что еще держит меня наверху?» Эммет пытался понять, что отличает их друг от друга. Он не знал, как научиться двигаться, не боясь ступить в пустоту, но сейчас, глядя вниз, где мельчайшие ледяные кристаллики твердели на земле, точно осколки стекла, он понимал, что ему не хватает желания его матери освободиться, ни за что не цепляясь.

«Я опускаюсь», — подумал Эммет, когда машина завершила последний круг и остановилась у ворот. Контролер помог ему выйти на деревянную дорожку. На земле Эммет затрясся, но шел, не останавливаясь, ощущая под ногами твердые камни и комья грязи.

Эммет вспомнил, как бродил когда-то по улицам, умоляя ночь поскорее закончиться, и мечтал лишь о том, чтобы кто-нибудь взял его за руку и увел в безопасное место. Он представил, как Луиза продирается сквозь кусты, словно кошка, выброшенная из машины на автотрассе, в сотне

миль от дома.

Он слишком легко ее отпустил.

Эммет перелез через забор и пошел в ту сторону, куда убежала Луиза. Он видел белые поля и холмы, заросшие деревьями, недвижно черными, будто маски. Он не знал, что возможно, но за этими деревьями проглядывал город: сияющие огоньки пронизывали темноту, будто свечи, напоминая Эммету, как манили его когда-то городские огни. И хотя надеяться ему было не на что, он думал: быть может, если он вернется, эти огни вновь его позовут? Быть может, если он найдет Луизу, они однажды упакуют вещи и уедут вдвоем?

R.S. Jones
Force of Gravity

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.